

ИГОРЬ

БУНИЧ

**ПОРТ-АРТУРСКАЯ
ЛОВУШКА**

ИГОРЬ

БУНИЧ

ПОРТ-АРТУРСКАЯ

историческая
хроника

ВОСПОМИНАНИЯ

ЛОВУШКА

ОБЛИК, ЗЕНИТ
СПб 1999

ББК 84.Р1
Б91

Б91 И.Л.Бунич.

Порт-Артурская ловушка. Воспоминания.
СПб., «ОБЛИК», «ЗЕНИТ». 1999. — 512 с.

Бывалые моряки уверяют, что корабли — это живые существа, наделенные душой и индивидуальными чертами характера. Созданные руками человека, имея на своем борту сотни, а иногда и тысячи людей, боевые гиганты жили, подчиняясь каким-то мистическим законам собственной судьбы.

В книгу включены и *впервые публикуемые в России* воспоминания оказавшихся в ловушке участников обороны Порт-Артура.

Набор: Н.Донская
Оригинал-макет: О.Иешина
Художник А.Миронов.

Ответственный за выпуск Рыжиков В.Н.

ООО «ЗЕНИТ»
ЛП № 000175 от 19 мая 1999 г.

«ОБЛИК»
Лицензия ЛР № 040556 от 7 апреля 1998 года.

Подписано к печати 20 сентября 1999 г. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 408.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП типография им. И. Е. Котлякова
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа
ISBN 5-85976-207-0 © «Облик». 1999.

© «Зенит». Оформление. 1999.

Размножение как фрагментов, так и всего издания, возможны
только с разрешения издательства «Облик»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историю России, как, впрочем, и любой другой страны, можно писать по-разному.

Можно переписывать государственные акты в архивах, придерживаясь хронологии, как это делали Карамзин и Соловьев. Можно, как это делал Костомаров, составить историю России «В жизнеописании ее главнейших деятелей».

Мы же решили попытаться восстановить краткий, но очень важный период истории нашей страны «в жизнеописании ее главнейших кораблей» — эскадренных броненосцев Российского Флота.

Русские корабли этого класса появились в конце 80-х годов прошлого века, когда на Балтике в 1889 году вошел в строй первый океанский броненосец Российского Флота «Император Александр II».

Эпоха броненосцев оказалась очень короткой. Уже в 1907 году появление в строю английского флота *линейного корабля «Дредноут»* сделало эскадренные броненосцы устаревшими, и строительство их повсеместно прекратилось.

За этот краткий период Россия, военное кораблестроение которой в общем русле резкого экономического подъема развивалось невиданными темпами, только на Балтике построила и ввела в состав флота 20 кораблей этого типа. И еще 10 — на Черном море. Два эскадренных броненосца были построены по русскому заказу на иностранных заводах (в США и Франции).

Судьба этих кораблей оказалась столь же трагической, как и судьба страны. Большая часть кораблей этого класса погибла или попала в плен в ходе русско-японской войны. Уцелевшие, а их оказалось всего пять, пройдя через горнило первой мировой войны и ужасы кровавого катаклизма русской революции, дожили до начала 20-х годов в виде разоруженного металлолома и прекратили свое существование.

История их была трагической, но удивительно насыщенной и яркой. Появившись на кровавом изломе истории, они сгорели почти мгновенно как метеориты в конвульсиях уже погибавшей по воле Рока страны, оставив о себе память в старых корабельных списках и на пожелтевших фотографиях.

Нам кажется, что история русских эскадренных броненосцев, как никакая другая история, перекликается с историей последних 30 лет существования Российской Империи, от-

ражая ее небывалый расцвет во всех областях человеческой деятельности, а также ее обреченность, главным образом из-за радикальной переоценки собственных сил и легкомысленной воинственности.

Жизнеописания эскадренных броненосцев разделены на три тематические подборки: «Порт-Артурская ловушка», из которой не выбрали 6 броненосцев; «Жертвы Цусимы» во главе с флагманом 2-й балтийской эскадры («Князь Суворов», судьбе которого посвящена отдельная книга), где погибли еще 6 броненосцев, а 2 — попали в плен; «В огне государственного катаклизма», где были перемолоты оставшиеся 5 кораблей этого класса.

В нашей истории отсутствует корабль, который принято считать первым русским броненосцем, — «Петр Великий», во-первых, потому что он фактически был не броненосцем, а разросшимся до невероятных размеров монитором, а во-вторых, потому, что этому кораблю посвящены отдельные книги.

Отсутствует в этом перечне и «Гангут», затонувший на Балтике 12 июня 1897 года, поскольку он, с нашей точки зрения, был, по существу, не эскадренным броненосцем, а броненосцем береговой обороны. И, наконец, у нас нет «Орла» — четвертого броненосца типа «Бородино». «Жертвой Цусимы» он не стал, поскольку сдался в плен и два следующих де-

сятилетия служил под японским флагом, называясь «Ивами».

Пробыв в строю Русского Флота меньше года, он практически являлся не русским, а японским кораблем. Кроме того, жизнеописанию «Орла» посвящена такая обширная литература, что трудно добавить что-либо новое в его биографию.

Не касаемся мы и судьбы черноморских броненосцев, поскольку они представляют отдельную тему. Никогда не покидая своего театра, то есть Черное море, они все в 1918 году попали в руки немцев, затем — в руки англичан и, наконец, в виде металлолома были оставлены в наследство большевикам. Судьбы Черноморского флота в целом мы коснулись в книге «Черноморская Цусима», а жизненный путь каждого броненосца мы надеемся описать позднее.

Не менее трагичной оказалась и судьба офицерской элиты Российского флота. Многие из них погибли в Порт-Артурской ловушке и Цусимском сражении, пережили японский плен, попали под суд, были разжалованы. Тысячи жизней унесла мировая война, а те, что дожили до развала империи, были безжалостно уничтожены на фронтах гражданской войны, в чекистских подвалах и островах Архипелага ГУЛАГ.

К счастью, не все.

Те, кому выпала судьба оказаться на чужбине, остались верны флотскому братству. Со-

хранив традиции и свои воспоминания, они передают сегодня эстафету тем, кому в третьем тысячелетии предстоит возродить Российский флот, если Провидению и воле народа будет угодно возродить саму Россию.

Бывалые моряки уверяют, что корабли — это живые существа, наделенные душой и индивидуальными чертами характера. Созданные руками человека, имея на своем борту сотни, а иногда и тысячи людей, боевые гиганты индустриального века жили, тем не менее, подчиняясь каким-то мистическим законам собственной судьбы. Поэтому мы и пишем о них, как о живых существах.

РЕТВИЗАН

Ретвизан — шведское слово, означающее «Боевой клич». Шведский 64-пушечный линейный корабль «Ретвизан» был захвачен в плен в ходе Выборгского сражения 23 июня 1790 г. и включен в состав Русского Флота под тем же названием. Это название по традиции перешло к другим кораблям Русского Флота — к парусно-винтовому линейному кораблю, а позднее к эскадренному броненосцу.

«РЕТВИЗАН»

Водоизмещение: 12902 т.

Главные размерения: 117,9х22х7,9м.

Скорость максимальная: 18 узлов.

Вооружение:

четыре 12-дюймовых орудия в башнях,

двенадцать 6-дюймовых орудия

в казематах,

двадцать 75-мм,

двадцать четыре 47-мм и

восемь 37-мм орудий,

2 десантные пушки и 2 пулемета,
4 надводных и
2 подводных торпедных аппарата.

Мощность механизмов: 17000 л. с.

Бронирование:

борта — 51-229 мм, казематы — 152 мм,
башни — 229 мм, палуба — 51-76 мм,
боевая рубка — 254 мм.

Экипаж (штатный):

21 офицер и 722 матроса.

Тип: «Мэн».

Эскадренный броненосец «Ретвизан» был заложен 17 июля 1899 года на верфи «Вильям Крамп и сыновья» в г. Филадельфия, Соединенные Штаты Америки. Строительство корабля велось в рамках специальной кораблестроительной программы 1898 года для нужд Дальнего Востока. Заказ на постройку броненосца в Америке был выдан 11 апреля 1898 года.

С русской стороны за постройкой корабля наблюдала целая группа специалистов во главе с корабельным инженером Черниговским, а также капитаны 1 ранга Бэр, Данилевский и Щенснович.

Машины броненосца были изготовлены фирмой «Вифлием Айрон Компани», котлы — фирмой «Николс», броня отлита фирмой «Карнеги Стил Компани», электроминное оборудование — фирмой «Дженерал Электрик Компани». Артиллерийское вооружение броненосца

было заказано Обуховскому заводу, а торпедное — Металлическому заводу в Санкт-Петербурге и было доставлено в Филадельфию 29 декабря 1899 года на русском пароходе «Владимир Савин». Кораблестроительная фирма «Вильям Крамп и сыновья» являлась одним из старейших судостроительных предприятий Америки. Завод имел 6 открытых стапелей, сухой док и многочисленные цеха и мастерские, где работало более 6500 человек.

Завод одновременно строил броненосец «Ретвизан» и крейсер «Варяг» по заказу Русского правительства, а также броненосцы «Алабама» и «Мэн» для американского флота и ряд других судов.

Огромный завод, оснащенный многочисленным и высокоэффективным гидравлическим и пневматическим оборудованием с немыслимой для русских верфей производительностью, культурой и эффективностью труда, был для целой армии русских наблюдателей чем-то совершенно фантастическим, а потому и предметом злобной зависти.

Постройка «Ретвизана» замедлялась совершенно бестолковыми и противоречивыми требованиями с русской стороны, постоянными пересмотрами проекта и прожектерскими предложениями.

«Одно и то же судно, — заметил Чарльз Крамп по этому поводу, — не может одновре-

менно строиться в России и в Соединенных Штатах.

Тем не менее работы на «Ретвизане» продолжались быстрыми темпами, поражая своей высочайшей координацией.

10 октября 1900 года эскадренный броненосец «Ретвизан» был спущен на воду, пробыв на стапеле всего 1 год и 3 месяца.

29 августа 1901 года броненосец был выведен на испытания, а 15 апреля 1902 года был сдан русским, освящен и вступил в строй под командованием капитана I ранга Щенсновича.

Общая стоимость постройки «Ретвизана» — 12553277 рублей.

Следует отметить, что «Ретвизан» был построен намного быстрее и стоил гораздо меньше, чем любой из броненосцев, строившихся в России. Он был гораздо мореходнее, имел лучшую обитаемость, был менее взрыво- и пожароопасен, чем корабли, построенные на отечественных заводах.

30 апреля 1902 года эскадренный броненосец «Ретвизан» покинул Соединенные Штаты, начав переход через Атлантику, продолжавшийся 14 дней.

Корабль шел экономической 10-узловой скоростью, прибыл 13 мая в Шербур, простоял там 13 дней, а 27 мая вышел в море, взяв курс на родину. 1 июня при разрыве трубок одного из котлов были обварены 6 кочегаров

«Ретвизана», трое из которых скончались.

По прибытии на родину «Ретвизану» и пришедшему из Германии крейсеру «Новик» 18 июня был проведен высочайший смотр. Затем после непродолжительной стоянки в доке «Ретвизан» вместе с броненосцем «Победа» и кораблями учебно-артиллерийского отряда участвовал 24 июля 1902 года в военно-морском параде по случаю визита в Россию германского кайзера Вильгельма II. Остаток лета 1902 года корабль провел на Балтике в отряде контр-адмирала Никонова, проводя всесторонние испытания новейших американских гидравлических и электрических систем, которые были на нем установлены. Во время стоянки в Кронштадте на броненосец была установлена новейшая для того времени радиостанция.

Для усиления флота на Дальнем Востоке русское командование спешно заканчивало на Балтике формирование целого отряда из новейших кораблей заграничной и отечественной постройки для перехода через три океана в Порт-Артур. Командующим этим отрядом был назначен контр-адмирал Штакельберг, поднявший свой флаг на «Ретвизане».

В конце октября отряд сосредоточился в Либаве, а 30 октября 1902 года эскадренный броненосец «Ретвизан» покинул Либаву, ведя за собой броненосец «Победа», крейсера «Богатырь», «Боярин», «Паллада» и «Диана», а так-

же миноносцы «Бурный» и «Бойкий». 15 ноября отряд Штакельберга пришел в Портленд, а 26 ноября вышел в море, держа курс в Средиземное море. Посетив по пути Виго и Алжир, «Ретвизан» 28 декабря 1902 года прогрохотал якорной цепью на рейде греческого порта Пирей, приведя туда весь свой отряд.

В Пирее в это время стояла русская Средиземноморская эскадра контр-адмирала Кригера. Гремели радостные артиллерийские салюты по случаю встречи, корабли подняли флаги расцвечивания. Это была беспрецедентная демонстрация русской военно-морской мощи; в последующие сто лет Россия ничего подобного уже не могла себе позволить.

20 января 1903 года отряд Штакельберга, оставив «Победу» в Пирее, покинул греческий порт, взяв курс на Порт-Саид, куда прибыл 29 января. Отряд по-прежнему возглавлял «Ретвизан», но состав отряда изменился. Вместо задержавшихся в Средиземном море миноносцев «Бурный» и «Бойкий» к отряду примкнули миноносцы французской постройки «Внимательный», «Внушительный», «Выносливый», «Властный» и «Грозовой».

После прохода Суэцкого канала от отряда для выполнения специальных заданий были отделены крейсера «Боярин» и «Богатырь». 26 февраля 1903 г. «Ретвизан» вышел из Адена, ведя за собой только крейсера «Диана» и «Палла-

да» и 5 «французских» миноносцев. На переходе от Коломбо до Сингапура три миноносца отстали от отряда, а когда 21 апреля 1903 года «Ретвизан» прибыл в Порт-Артур, с ним были только крейсера «Диана» и «Паллада».

Едва успев прийти в Порт-Артур, «Ретвизан» немедленно включился в крупные общесфлотские учения в Талиенваньской бухте. После окончания учений корабль вернулся в Порт-Артур, а 15 июня под флагом младшего флагмана эскадры контр-адмирала Ухтомского совершил в составе эскадры показательный переход из Порт-Артура в Дальний по случаю инспекции Порт-Артура военным министром, генералом Куропаткиным.

После окончания учений, приуроченных к приезду генерала Куропаткина, «Ретвизан» совместно с другими броненосцами эскадры совершил вынужденный поход во Владивосток, где все броненосцы из-за отсутствия дока в Порт-Артуре прошли доковый ремонт.

После выхода из дока на «Ретвизане» поднял флаг новый командующий эскадрой вице-адмирал Старк. «Ретвизан» как один из флагманских кораблей эскадры был вместе с «Петропавловском» перекрашен в августе 1903 года в боевой оливково-зеленый цвет. В конце сентября 1903 года броненосец вернулся в Порт-Артур и после краткого пребывания в строю

был в конце октября 1903 года выведен в вооруженный резерв.

Между тем обстановка на Дальнем Востоке продолжала накаляться. Вполне очевидное желание России аннексировать Корею ясно дало понять японскому правительству, что дело идет к войне. Япония начала переговоры с Россией не столько потому, что ожидала от этих переговоров какого-нибудь толка, сколько из желания добыть документальные доказательства русских планов захвата Кореи.

«А Япония доиграется, что я рассержусь», — заметил Николай II на одном из приемов японскому послу Курино.

Столь глупая политика Петербурга, хотя и была выдержана в «лучших» традициях многовековой русской внешней политики, тем не менее приводила в отчаянье русское командование на Дальнем Востоке. Политики провоцировали войну, а вооруженным силам постоянно приказывали «не поддаваться на японские провокации».

К середине января 1904 года адмирал Алексеев, убедившись в неизбежности войны, приказал выводить флот из вооруженного резерва и 18 января начать кампанию. Во исполнение этого приказа 19 января 1904 года эскадренный броненосец «Ретвизан» с полной водой вышел на рейд, подняв флаг и вымпел. 21 января «Рет-

визан» вместе со своей эскадрой совершил знаменитый поход к Шантунгу, по поводу которого командир «Ретвизана» капитан 1 ранга Щенснович записал в своем дневнике:

«Сколько я ни вдумывался в значение этого похода, не могу понять и теперь этого значения. Маневрирование мы никаких не производили, ночью к бою не готовились».

Весьма вероятно, что тут командир «Ретвизана» не хитрил по своему обыкновению, а действительно не понимал значения выхода, поскольку не был посвящен в планы превентивного удара, вынашиваемого адмиралом Алексеевым.

Когда 22 января эскадра вернулась на внешний рейд Порт-Артура, эскадренный броненосец «Ретвизан» встал на свое место по диспозиции, имея по носу крейсер «Диана», за кормой — броненосец «Севастополь», занимая мористым левым бортом положение между крейсером «Паллада» и броненосцем «Победа» на якорной стоянке № 6.

Между тем 24 января японский флот получил приказ начать военные действия.

По плану адмирала Того первый удар должен был быть нанесен японскими миноносцами по русским кораблям на рейде Порт-Артура и Дальнего с достижением всей возможной тактической внезапности, чтобы с первых же часов войны максимально ослабить Русский Флот и

захватить стратегическую инициативу в действиях на море.

Описывая события последних дней, предшествующих войне, Щенснович записал:

«Начало кампании нашей эскадры было неожиданно. Ночью получил уведомление о распоряжении начать кампанию. В 8 часов утра поднял вымпел и получил приказание поехать в дом Наместника, чтобы представиться Его Превосходительству. Все командиры собрались в приемных комнатах помещения адмирала Алексеева, ожидали, затем адъютант предложил расписаться, сказав, что Наместник не принимает.

Здесь мы узнали о движении наших войск к корейской границе. Это несколько прояснило цель начала кампании. Некоторые командиры, впрочем, и раньше утверждали, что война неизбежна, но никто из лиц, близких к Наместнику и которых мы имели возможность видеть, ничего о войне не говорили.

Расписавшись, мы разъехались по кораблям.

На следующий день после выхода на рейд, по сигналу адмирала, командиры были приглашены на флагманский корабль «Петропавловск». Адмирал предложил на обсуждение вопрос о предстоящих действиях эскадры в случае разрыва с Японией — оставаться ли в Артуре или занять какое-либо

другое место. Флаг-капитан, капитан 1-го ранга Эбергард предлагал всей эскадре отправиться в Мозампо и оттуда действовать, угрожая японскому флоту.

После объяснения Эбергарда адмирал предложил мне высказаться по этому вопросу.

При обсуждении стала ясной наша неподготовленность к решению вопроса. Мы не знали не только военных сил противника, но и сведения о японском флоте были не больше обыкновенных, помещенных в различных справочных книгах...

На следующий день предполагали идти в море... В 23 часа 35 минут 26 января я был разбужен сильным непривычным ударом. Я оделся и выскочил наверх...»

Открыть военные действия Того планировал на ночь с 26 на 27 января 1904 года.

Между тем адмирал Алексеев, продолжая анализировать последние разведсводки и дипломатические донесения, молил Петербург разрешить начать первым военные действия. Эскадра держалась на внешнем рейде в полной готовности действовать.

На кораблях непрерывно проходили учения, с заходом солнца прекращалась всякая связь с берегом. В ночь с 26 на 27 января дежурными по освещению рейда были назначены броненосец «Ретвизан» и крейсер «Паллада», которые с 18:00 освещали рейд своими прожекторами.

ми. По свету этих прожекторов и по огням маяка на Тигровом полуострове и определил место своего 1-го отряда истребителей капитан 1 ранга Асай Сейдзиро, чьи миноносцы в 23:08 по японскому времени, или в 22:13 по русскому времени вышли на подступы к внешнему рейду Порт-Артура.

Капитан 1 ранга Асай держал свой вымпел на миноносце «Сиракумо», ведя за собой миноносцы «Асасиво», «Касуми» и «Акацуки».

Уменьшив ход, отряд стал подкрадываться к русским кораблям. Луна еще не взошла, и поверхность моря бороздили лишь лучи русских прожекторов. Взяв курс прямо на прожектор «Ретвизана», миноносец «Сиракумо» в 23:33 выпустил первую торпеду в этой внезапной атаке на Русский Флот, которой суждено было изменить и судьбу России, а в какой-то степени, и судьбу мира.

В 23:35 вахтенный офицер броненосца «Ретвизан» лейтенант Развозов заметил в свете прожектора крейсера «Паллада» два миноносца, стремительно разворачивающихся на рейде. Лейтенант немедленно приказал открыть огонь. Но прежде, чем команда была выполнена, «Ретвизан» содрогнулся от взрыва торпеды, попавшей в носовую часть левого борта. На «Ретвизане» уже не слышали взрывов торпед, подорвавших броненосец «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Сразу же после взрыва торпеды по-

гасло электрическое освещение и корабль стал крениться на левый борт. На «Ретвизане» пробили водяную тревогу и затопили патронные погреба правого борта. Броненосец, уже накренившийся на 11° , остановился и медленно стал выпрямляться, уменьшив крен до 5° . На пробойну был заведен подкильный пластырь, электрическое освещение восстановлено, на «Петропавловск» было передано сообщение семафором: «Имею пробойну, терплю бедствие».

Садясь носом и разводя пары, «Ретвизан» вел беспорядочный огонь в темноту ночи. Никто даже не учитывал расход снарядов. Опасаясь затопления броненосца на 9-саженной глубине якорной стоянки, капитан 1 ранга Щенс-нович с разрешения командующего приказал отклепать якорную цепь (шпиль был поврежден взрывом) и повел «Ретвизан» к проходу на внутренний рейд, хотя до полной воды оставалось еще 3 часа.

Вода продолжала прибывать, распространяясь по вентиляционным трубам, шахтам и элеваторам, затопляя смежные отсеки. Нос броненосца садился все ниже и ниже. Единственная водоотливная турбина в носовом отделении была повреждена взрывом. Перепустить воду в котельные отделения, где была более мощная турбина, было невозможно из-за отсутствия клинкетов в переборках.

На рейде продолжалась стрельба. Подошед-

шие миноносцы 2-го японского отряда истребителей попали под сосредоточенный огонь русской эскадры. Миноносцы пробились через заградительный огонь, выпустили торпеды и ушли в ночь, получив мелкие повреждения, но не добившись уже никаких результатов.

«Ретвизан», ведя беспорядочный огонь, продолжал двигаться ко входу в гавань и в 01:30 в самом проходе плотно сел на мель. Течением его корму завернуло к Тигровому полуострову и таким образом «Ретвизан» загородил собой половину прохода. Свободными в проходе оставалось только 49 сажен, да и то лишь в полную воду. При обследовании повреждений водолазами выяснилось, что броненосец получил пробоину с левого борта между 16-м и 23-м шпангоутами. Силой взрыва борт был прогнут внутрь на 1,5 фута. Прорыв наружной обшивки имел неправильную форму длиной 20 футов и шириной 12 футов. Вниз и в стороны от пробоины расходились трещины и щели, было много срезанных заклепок. Общая площадь поврежденного корпуса составляла 400 кв. футов, распространяясь на 30 футов по длине и 19 футов по высоте борта. Шпангоуты и стрингера в районе пробоины были переломаны, скручены помяты и развернуты. Внутренний борт был пробит и листы его подняты вверх. Торпедный аппарат и его привод уничтожены. Торпедный аппарат правого борта поврежден. Броневая 9-

дюймовая плита нижнего броневых пояса вогнута нижней кромкой внутрь от 8 до 16 дюймов. Верхняя 3-дюймовая броневая плита выехала своим углом наружу. Стальная рубашка за броней была разорвана, деревянная прокладка — расщеплена. Броневой нижний шельф был оторван, а броневая палуба и легкий стальной настил палубы — погнуты.

Броненосец принял 2200 тонн воды. Были затоплены полностью три отсека.

Во время взрыва торпеды на «Ретвизане» погибло 5 матросов, находившихся в отделении подводных торпедных аппаратов. Шестой — минный унтер-офицер — спал в подвесной койке напротив входного люка и при затоплении помещения был вынесен водой на жилую палубу. В первую ночь войны «Ретвизан» выпустил по противнику около 150 снарядов разных калибров.

На следующее утро, когда перед Порт-Артуром появились главные силы японского флота, в бою с ними приняли участие и подорванные, стоящие в проходе «Ретвизан» и «Цесаревич». «Ретвизан» выпустил по противнику два 6-дюймовых снаряда, а затем замолчал, поскольку японские корабли вышли из зоны действия его орудий. От огня японцев несколько осколков упало на палубу броненосца, не причинив никаких повреждений.

Отсутствие дока для броненосцев в Порт-

Артуре делало ремонт «Ретвизана» очень сложным и проблематичным. Но тут появилась еще одна проблема — быстро снять с мели «Ретвизан» не удалось. Как ни трудились портовые буксиры и землечерпалки, корабль не двигался с места. Приступили к разгрузке носовых помещений броненосца и к демонтажу носовых орудий главного калибра. Стоявший в проходе корабль представлял заманчивую цель для противника и требовал продуманно организованной защиты.

Закрытие «Ретвизаном» половины входного канала на внутренний рейд навело японцев на мысль окончательно загородить проход парходами-брандерами, а заодно и добить «Ретвизан». Пока японцы готовили свой удар, в Порт-Артуре принимали лихорадочные меры по обеспечению безопасности стоящего на мели броненосца. С правого мористого борта «Ретвизана» выставили противоторпедные сети, а через несколько дней саженьях в 20 мористее броненосца был поставлен бон из бревен, перевязанных якорным канатом, снятым с портовых барж. Этот бон был установлен на особых якорях и выдержал самые плохие погодные условия. В свою очередь к бревнам были подвешены противоторпедные сети, снятые с противоположного борта «Ретвизана» и с некоторых других кораблей, где имелись запасные сети. Таким образом, «Ретвизан» стоял на мели под

защитой двух рядов противоторпедных сетей. Каждый вечер после спуска флага на «Ретвизане» объявлялась боевая тревога и орудия правого борта находились в полной готовности немедленно открыть огонь.

Для связи с флагманским броненосцем «Петропавловск» с «Ретвизана» на флагман были проведены телефонные кабели. Кроме того, «Ретвизан» был соединен с телефонной станцией Порт-Артура.

Помимо принятых на самом броненосце мер, ежедневно после спуска флага к «Ретвизану» подходили два дежурных миноносца 2-го отряда и сторожевые катера с броненосцев, вооруженные 37-мм орудиями Гочкиса. Катера держались в проходе между Золотой Горой и форштевнем «Ретвизана», приставая в свежую погоду к борту броненосца.

9 февраля, дождавшись более-менее хорошей погоды, японский флот, выйдя еще 7 февраля из Чемульпо, сосредоточился на промежуточной базе у северо-западного побережья Кореи. Пять брандеров-заградителей должны были предпринять попытку закупорить выход из Порт-Артура, а сопровождающий их 5-й отряд истребителей («Кагеро», «Мураками», «Сирануи» и «Югири») наряду с обеспечением действий брандеров, должен был попытаться окончательно уничтожить «Ретвизан». Прикрытие дерзкой операции осуществлялось главными си-

лами адмирала Того и несколькими отрядами эсминцев.

К 16:00 10 февраля японские корабли соединились в 20 милях юго-восточнее острова Раунд. В 20:00 пять брандеров заградителей («Тяньдзин-Мару», «Хококу-Мару», «Джинсен-Мару», «Буйио-Мару» и «Бушиу-Мару») под прикрытием миноносцев 5-го отряда вышли к Порт-Артуру. К 23:00 японские миноносцы, отделившись от пароходов-брандеров, подошли к мысу Ляотешань. Опасаясь быть обнаруженным, отряд под тенью горного берега стал выжидать захода луны. По морю шарили прожектора русских батарей на Золотой Горе, в бухтах Белого Волка и Тахэ.

В эту ночь в дежурстве около «Ретвизана» находились миноносцы «Сторожевой» и «Стерегающий», а цепь дежурных катеров состояла из двух паровых катеров с «Пересвета», одного с «Полтавы», одного с канонерской лодки «Бобр», а также баркаса с канонерской лодки «Гремящий».

Около 01:30 в луче одного из крепостных прожекторов были обнаружены два дымка, которые тотчас же исчезли. К 02:00 с Ляотешаньского маяка доложили по телефону, что в море скопляется много огней, направляющихся к Порт-Артуру. Около 02:45 сначала в тени, а затем в ярком луче крепостного прожектора был обнаружен японский миноносец «Кагеро», иду-

щий прямо к проходу. «Ретвизан» немедленно открыл огонь из всех орудий правого борта, который продолжался около минуты, поскольку миноносец противника, сблизившись с «Ретвизаном» до 3-х кабельтовых, выпустил торпеду и исчез из луча прожектора. Торпеда прошла мимо «ретвизановского» заграждения, выскочив на берег.

В 03:05 был обнаружен второй японский миноносец «Сирануи», который шел прямо на «Ретвизан», находясь уже на дистанции 4-5 кабельтовых. За «Сирануи» открылись еще два японских миноносца «Мураками» и «Югири», державшиеся ближе к тигровому полуострову. Миноносцы противника были встречены дружным огнем «Ретвизана», дежурных эсминцев и береговых батарей, охраняющих проход. Все миноносцы противника выпустили торпеды, которые в цель не попали, и спешно стали уходить из лучей русских прожекторов. При этом миноносец «Мураками» вынужден был остановиться — не то из-за неисправности в рулевом приводе, как уверяют японцы, не то из-за попадания снаряда, как утверждают все русские источники, подчеркивающие, что из «Мураками» валил пар.

В этот момент с «Ретвизана» заметили, как из-за остановившегося японского миноносца показалось большое облако дыма, за которым обнаружили два парохода, пришедшие на

створ входных знаков и повернувшие, — передний — на середину броненосца, а задний — на его форштевень.

«Ретвизан» немедленно перенес огонь на эти пароходы, что дало японским миноносцам возможность оказать помощь «Мураками» и вывести его из боевой зоны. Между тем пароходы, неся японские флаги, продолжали, не взирая на убийственный огонь, приближаться к «Ретвизану».

«Хококу-Мару» под командованием капитан-лейтенанта Хирозе шел прямо на «Ретвизан», имея целью протаранить борт броненосца и взорваться вместе с ним.

По брандеру-камикадзе вели огонь кроме «Ретвизана» несколько береговых батарей и все корабли, несшие сторожевую службу в проходе, но он, объятый пламенем, упорно шел вперед. Когда до «Ретвизана» оставалось всего несколько десятков метров, русский снаряд перебил на «Хококу-Мару» рулевое управление. Потеряв управление, героический брандер стал уклоняться влево и выскочил на берег под самым входным маяком на Тигровом полуострове буквально рядом с «Ретвизаном». Второй брандер — «Джинсен-Мару» и затонул под градом снарядов у Золотой Горы.

«Хококу-Мару», покинутый командой, продолжал гореть, каждую минуту угрожая взрывом. Пламя пожара слепило глаза комендорам

«Ретвизана», мешая отгонять японские миноносцы, которые носились по рейду, подбирая экипажи брандеров.

В 05:45 «Ретвизан» прекратил огонь, выпустив за эту ночь 935 снарядов: 2 — 12", 71 — 6", 152 — 75-мм, 590 — 47-мм и 120 — 37-мм. Повреждений и потерь корабль не понес никаких. В отблеске горящего «Хококу-Мару» мимо «Ретвизана» прошли в гавань «Новик» и миноносцы, преследовавшие отходящего противника. Пожар на «Хококу-Мару» продолжался еще целую неделю, хотя для ликвидации пожара из Порт-Артура была вызвана городская пожарная команда.

На одном из затонувших брандеров была найдена схема, на которой было обозначено место «Ретвизана» и дан план заграждения прохода и уничтожения броненосца. Было совершенно очевидно, что не стой «Ретвизан» на мели в проходе как выдвинутая вперед батарея, план японцев мог легко осуществиться.

«Спасибо «Ретвизану», — записал в своем дневнике капитан 2 ранга Семенов, — вот уж действительно, не было счастья — так несчастье помогло!»

За этот бой командир «Ретвизана» капитан 1 ранга Щенснович был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, старший артиллерист броненосца лейтенант Кетлинский — золотой саблей с надписью «За храбрость», старший

штурманский офицер лейтенант Павлинов — орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, старший минный офицер лейтенант Развозов — орденом Святого Владимира с мечами и бантом, вахтенные начальники броненосца мичманы Саблин и Гурячков — соответственно орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Кроме того, 25 матросов «Ретвизана» властью адмирала Алексеева были награждены знаками отличия Военного ордена (солдатский Георгий.)

В ночь с II на 12 и с 12 на 13 февраля «Ретвизан» неоднократно открывал огонь по подходящим к рейду японским миноносцам, по китайским джонкам и вообще по всему, что двигалось по воде.

Подобная боевая напряженность поддерживалась на «Ретвизане» и все последующие ночи, хотя до 26 февраля противник не появлялся перед Порт-Артуром. Одновременно продолжались титанические усилия по снятию броненосца с мели.

Носовая часть корабля была полностью разгружена, носовые 12-дюймовые орудия и броневые плиты сняты, непрерывно работали два мощных землесоса, выкачивая воду из поврежденных отсеков, но все было тщетно — броненосец плотно сидел на мели. Построенный по проекту инженера Свирского кессон пыта-

лись завести, оставив «Ретвизан» на мели, но ничего не получалось. Пришлось начать трудоемкие водолазные работы по заделке пробоины и всех ее ответвлений-щелей под водой.

Утром 24 февраля в Порт-Артур прибыл новый командующий флотом вице-адмирал Макаров и поднял свой флаг на крейсере «Аскольд». По случайному, но как все считали — счастливому совпадению, именно в этот день водолазы завершили свою работу и «Ретвизан», простояв на мели почти месяц, наконец всплыл, и буксиры потащили подбитого гиганта к стенке Западного бассейна.

Совпадение снятия с мели «Ретвизана» с прибытием адмирала Макарова произвело на личный состав эскадры очень сильное впечатление. При проходе «Ретвизана» мимо крейсера «Аскольд» адмирал Макаров, выйдя на правое крыло мостика, приветствовал команду броненосца. Громовое «Ура!» загремело на всех русских кораблях, подхваченное трубами и литаврами корабельных оркестров. С приходом Макарова деморализованные первым ударом русские моряки на какое-то время поверили в возможность чуда. Сопровождаемый криками «ура» и трубами корабельных оркестров, броненосец «Ретвизан», следуя за буксирами, встал к стенке Западного бассейна.

В тот же день под пробоину броненосца был подведен временный кессон и начались работы

по капитальной заделке пробойны. Прибывший вместе с Макаровым способный и энергичный корабельный инженер Кутейников умело организовал ремонтные работы. (В Порт-Артуре еще до войны находилась группа инженеров и рабочих Балтийского завода, занимавшаяся в эллинге на Тигровом полуострове сборкой миноносцев.

С Кутейниковым прибыла партия инженеров и рабочих Невского завода. Составив ремонтные бригады, петербургские кораблестроители, пробыв в Порт-Артуре всю осаду, делали в буквальном смысле слова чудеса. Задыхаясь от нехватки оборудования и материальной базы, они тем не менее сумели обеспечить бесперебойный ремонт боевых кораблей Артурской эскадры, работая круглосуточно при почти непрерывных бомбардировках с моря и суши.)

Буксирный пароход «Силач», подведя к пробойне кессон, пытался своими помпами осушить затопленные отсеки «Ретвизана», но, несмотря на все усилия, этого сделать не удалось. При наличии дока найти повреждение, через которое вода продолжала поступать в броненосец, не представляло бы труда. Но дока для броненосцев в Порт-Артуре не было.

Перед войной почему-то считалось, что броненосцы всегда смогут пройти докование во Владивостоке. Но сейчас между русскими бро-

неносцами и доками Владивостока стоял флот адмирала Того, чью боевую мощь оценили только после получения первых ударов.

Пренебрежительно-снисходительные усмешки мирного времени сменились чем-то очень похожим на отчаяние. Накопившиеся неудачи первых дней войны вызвали у русских моряков какой-то психологический комплекс, за которым уже вполне реально просматривался призрак неминуемого разгрома, причем такого разгрома, какого еще не знала военно-морская история человечества...

26 февраля 1904 г. около 07:00 японская эскадра снова появилась перед Порт-Артуром, начав бомбардировку порта и крепости перекидным огнем через Ляотешань, которая корректировалась легкими крейсерами, державшимися напротив входа в Порт-Артур. Около 11:00 один из японских снарядов разорвался под самым бортом «Ретвизана», осыпав осколками броненосец и стоявший около него буксир «Силач», откачивающий воду из подведенного к броненосцу кессона. Осколками были перебиты отливные трубы и пробит кессон. Через пробоину в «Ретвизан» снова хлынула вода.

Видя, что броненосец неминуемо затонет в гавани, капитан 1 ранга Щенснович приказал отдать швартовы и выбросился носом на отмель. В этот момент второй снаряд попал в броневой пояс «Ретвизана» с правого борта под

кормовой башней главного калибра. Броня выдержала, получив небольшую вмятину.

С борта транспорта «Ангара» наблюдал за этой картиной капитан 2 ранга В. И. Семенов — знаменитый военно-морской публицист и доблестный офицер:

«Около II часов утра неприятельские снаряды стали ложиться особенно удачно. Я стоял на верхнем мостике «Ангары», когда один из них ударил в «Ретвизан» (между его кормой и нашим носом было не больше 20 сажен). Снаряд только задел его левый борт близ трапа, разорвался, разнес две шлюпки, стоявшие у борта, одну из них зажег и осыпал осколками тут же находившийся портовый буксирный и водоотливной пароход «Силач». «Счастливо отделались, — подумал я, — сажени 2-3 правее — и угодило бы прямо в бомбовый погреб...»

«Однако на броненосце вдруг что-то усиленно забегали. Вот он отдал носовые швартовы, с помощью «Силача» развернулся вправо и выбросился на отмель носом, который заметно для глаза садился все глубже. Впоследствии выяснилось, что взрывом снаряда повредило кесон, подведенный под пробоину. Не прошло и нескольких минут, как новый снаряд ударил «Ретвизан» в правый борт (теперь обращенный к югу), близ ватерлинии под кормовой башней. Броня выдержала, и когда рассеялось облако дыма и водяных брызг, мы увидели на месте

удара только бурое пятно. Пробоины не было. «Не везет «Ретвизану», — вздохнул стоявший рядом со мной вахтенный начальник...»

Поврежденный кессон «Ретвизана» был признан негодным (позднее его переделали для ремонта броненосца «Севастополь»). Началась постройка нового кессона.

«Ретвизан» продолжал стоять поперек Западного бассейна, кормой отшвартовавшись на бочку, а носом выбросившись на мель. Несмотря на подведенные пластыри, укрепленные водлазами и непрерывную работу землесосов, с трудом удавалось удерживать в поврежденных отсеках воду на постоянном уровне. Нос корабля медленно, но верно погружался в жидкий, вязкий ил дна Западного бассейна.

Чтобы не допустить повторения безнаказанной бомбардировки крепости противником через Лютешань, адмирал Макаров распорядился установить на этой сопке артиллерийский корректировочный пост и развернуть там батарею 6" орудий. Необходимые орудия сняли с «Ретвизана», корректировочный пост соединили с броненосцем телефонным кабелем и вычислили траекторию до места, с которого японцы обычно вели бомбардировку.

А между тем рабочие Балтийского завода, не дожидаясь готовности нового кессона, начали вручную изнутри корпуса срубать заклепки и удалять поврежденные листы обшивки и эле-

менты набора. 8 марта к борту «Ретвизана» был прибуксирован плавкран с новым кессоном. Начался следующий этап ремонтных работ.

На следующий день, 9 марта, японский флот вновь предпринял бомбардировку Порт-Артура через хребет Ляотешань. Немедленно был открыт ответный перекидной огонь через Ляотешань, который вели броненосцы «Ретвизан» и «Победа». Первый же снаряд с «Ретвизана» упал на кабельтов дальше ведущего бомбардировку японского броненосца «Фудзи», второй упал с недолетом на два кабельтова. Третий и четвертый упали вилкой с обоих бортов «Фудзи», а начиная с пятого, снаряды ложились вплотную около японского броненосца. Один снаряд упал в двух саженях от носа «Фудзи», засыпав японский броненосец осколками. Опасаясь получить следующий снаряд в палубу, «Фудзи» резко дал задний ход. (Попадание «Фудзи» получил 10" снарядом с «Победы».) Ответный перекидной огонь и выход русской эскадры из гавани в малую воду сорвал бомбардировку, задуманную противником.

Между тем ремонт «Ретвизана» продолжался. Адмирал Макаров почти ежедневно посещал броненосец, контролируя ход ремонта. Но Макарову не суждено было дожидаться ввода в строй поврежденных в первую ночь войны кораблей.

После гибели командующего флотом над

эскадрой еще более повис мрачный рок общей безнадежности и безысходности. Инициатива полностью перешла в руки японцев.

В ночь с 19 на 20 апреля противник предпринял очередную, самую крупную попытку запереть выход из Порт-Артура пароходами-брандерами. В отражении атаки среди прочих кораблей участвовал минный катер с «Ретвизана» под командованием мичмана Алексева. Полным ходом подойдя к одному из брандеров на дистанцию полукабельтова, катер выпустил торпеду, которая застряла в аппарате своей хвостовой частью. Катер, ведя по брандерам огонь из пулемета и винтовок, вышел из боя, поскольку маневрировать с торчащей из аппарата торпедой было опасно. Мичман Алексев приказал приткнуться на мелком месте под берегом, после чего матрос Толстов, работая по горло в воде, разрядил торпеду.

Высадка японцев на Ляодунский полуостров 22 апреля 1904 года полностью изменила стратегическую обстановку на театре. Возникла пока еще отдаленная вероятность падения Порт-Артура и гибели флота.

В кессоне «Ретвизана» продолжались работы. На корабле оставались только 2 — 12" и 4 (по 2 на борт) 6" орудия. Продолжали действовать катера с броненосца, причем 27 апреля один из них, под названием «Авось», спасаясь от японского миноносца, выскочил на камни и был

взорван своим экипажем. В бою за узловую станцию Кинджоу приняла участие пулеметная команда с «Ретвизана» под командованием мичмана Свиньина. В общей панике отступления русских войск от Кинджоу мичман Свиньин все-таки не бросил пулеметы и доставил их обратно на корабль.

13 мая, спасаясь от японских миноносцев, выскочил на камни и был взорван экипажем еще один минный катер с «Ретвизана».

Между тем ремонт «Ретвизана» шел к концу. 15 мая на броненосец были установлены носовые орудия главного калибра, а 21 мая — закончена установка броневых плит, снятых для облегчения носовой части корабля. 23 мая 1904 года с броненосца «Ретвизан» был снят кессон — корабль снова был в строю. (Ремонт «Ретвизана» продолжался почти 4 месяца, но учитывая, условия в которых он проходил, его можно считать очень быстрым. Японцы считали, что броненосец выведен из строя до конца войны и его появление в бою было для них весьма неприятным сюрпризом.)

10 июня 1904 года броненосец «Ретвизан» участвовал в попытке эскадренного прорыва из Порт-Артура, которая не была осуществлена, поскольку командующий эскадрой контр-адмирал Витгефт при появлении японского флота приказал возвращаться в Порт-Артур. «Ретвизан» вышел в море, имея 10 шестидюймовых

орудий вместо 12 и 16 — 75-мм вместо 20. При возвращении эскадры «Ретвизан» почти не участвовал в отражении атак японских миноносцев, поскольку, встав под берегом, броненосец имел мористее три линии кораблей и выпустил по миноносцам противника всего 39 снарядов. Адмирал Витгефт не смог дать каких-либо удовлетворительных объяснений по поводу своего приказа вернуться в Порт-Артур, не приняв боя с японским флотом. В официальной японской истории войны говорится:

«Мы были поражены появлением «Ретвизана», «Цесаревича» и «Победы», приведенных в исправность и дававших русским преимущество над блокирующим флотом... Несколько часов участь войны колебалась — до тех пор, пока Русский Флот вследствие какой-то неизвестной причины не повернул обратно в Порт-Артур, не предприняв решительных действий».

Хороший психологический момент для прорыва был упущен. Японцы, потеряв совсем недавно на минах два броненосца и увидев в составе Русского Флота корабли, которые они считали выведенными из строя навсегда, 10 июня были наверняка психологически слабее русских, как бы психологически слабыми те ни были. Но мрачный рок, поднимаясь над Россией, уже висел над Русским Флотом со времен Крымской войны...

Между тем на сухопутном фронте японцы,

тесня русские войска, начали штурм стратегически важных Зеленых и Волчьих высот. Приморскому флангу японской армии оказывали поддержку боевые корабли, бомбардирующие русские позиции на высотах.

14 июля по просьбе сухопутного командования из Порт-Артура к позициям на высотах был послан отряд русских кораблей в составе броненосца «Ретвизан», крейсеров «Баян», «Паллада» и «Новик» и канонерских лодок «Отважный», «Гремящий» и «Гиляк». Тралящий караван прикрывали миноносцы «Сильный», «Скорый», «Смелый», «Сторожевой», «Стройный», «Разящий» и «Решительный».

Броненосец и отряд крейсеров сопровождали миноносцы «Бурный», «Бойкий», «Бдительный» и «Властный».

Передовым отрядом командовал контр-адмирал Лощинский, отрядом артиллерийской поддержки — капитан 1 ранга Рейценштейн. Медленно следуя за тралящим караваном в бухту Тахэ, «Ретвизан» и «Баян» в 09:15, не доходя до залива Лунвантан, стали на якорь и вместе с канлодкой «Отважный» открыли огонь по японским позициям. Крейсер «Новик» вел огонь по высоте «150», «Гремящий» — по берегу залива Лунвантан.

На горизонте виднелись японские корабли 5-го боевого отряда, ожидавшие подмоги. В 09:30 капитан 1 ранга Рейценштейн перенес свой

вымпел с «Баяна» на «Ретвизан». В 09:50 с берега семафором передали просьбу сухопутного командования обстрелять из 12" орудий гору Юпилаза. «Ретвизан» перенес огонь на указанную цель. В 10:00 к отряду присоединился крейсер «Аскольд».

В 13:30 с юго-востока показались японские броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга», впереди которых шел крейсер «Хашидате», а позади — весь 5-й боевой отряд контр-адмирала Ямада.

В 13:50 «Ниссин» и «Кассуга» открыли с расстояния 62 кабельтова огонь по «Ретвизану». «Ретвизан» и отряд крейсеров снялись с якорей и пошли за тралами в Артур. Главным шел крейсер «Аскольд», за ним — «Баян» и «Паллада», замыкал строй «Ретвизан», ведя огонь по противнику из орудий главного калибра. Японские снаряды ложились с перелетами, осколки попали в одну из труб «Аскольда». Снаряды «Ретвизана» также давали перелеты, сбив на «Ниссине» антенну беспроволочного телеграфа и пробив стеньговый флаг.

Противников разделяли минные заграждения, поэтому бой шел на постоянной дистанции 62 кабельтова. В 14:30 «Ретвизан» и крейсера пришли на рейд и встали на якорь, ожидая разрешения войти в гавань. (При входе в гавань подорвался на mine и вышел из строя до конца войны сильнейший из артурских крейсеров

«Баян».) Взрыв «Баяна» прямо в проходе вынудил в течение нескольких часов тщательно тралить проход.

«Ретвизан» вошел в гавань только в 20:40. На следующий день сухопутное командование просило флот повторить операцию. «Ретвизану» было приказано развести пары, но приказа на выход в море не последовало: четыре японских броненосца появились у бухты Тахэ. Скрытно и внезапно выйти было невозможно — все подходы к Порт-Артуру до входных бонов были забиты японскими минами.

Сбив русские войска с Зеленых и Волчьих гор, японцы вышли на ближние подступы к Порт-Артуру, войдя в пределы дальности действия корабельных орудий.

17 июля броненосцы начали вести огонь по наступающему противнику прямо из гавани. В этот день «Ретвизан» сделал по противнику 2 выстрела из 12" орудий, обстреливая квадрат, указанный в заявке сухопутного командования. 19 июля в 10:00 «Ретвизан» снова открыл огонь по указанному ему квадрату, но сделал снова всего два выстрела, поскольку стрельба была приостановлена до 14:00.

22 июля «Ретвизан» с 15:30 до 17:15 произвел 9 выстрелов по позициям, где японцы разворачивали осадные батареи. В тот же день «Ретвизан» вел стрельбу в 21:00, 22:00 и в 23:00. Кроме «Ретвизана», по графику вели огонь по

японским позициям и все другие броненосцы эскадры. Но сорвать план противника не удалось. 25 июля японцы начали бомбардировку Артура с сухопутных позиций. Пока огонь вели только 120-мм осадные батареи. Русские броненосцы по очереди включались в контр-батарейный огонь. В этот день «Ретвизан» вместе с «Пересветом» вел огонь с 12:15 до 14:30. Вечером «Ретвизан» вместе с «Победой» вел контр-батарейный огонь с 19:30.

Те японские батареи, местоположение которых на западных склонах Волчьих гор было определено, были подавлены огнем корабельных орудий.

Эта первая бомбардировка с сухопутных позиций, хотя и не причинила кораблям существенных повреждений, однако ясно дала понять, что эскадре в Порт-Артуре оставаться нельзя, если она не хочет погибнуть. 26 июля был получен приказ царя немедленно прорываться во Владивосток.

Начались лихорадочные приготовления к выходу эскадры.

26 и 27 июля противник не прекращал бомбардировок. «Ретвизан» и другие броненосцы энергично отвечали, ведя артиллерийскую дуэль с осадными батареями противника. К борту «Ретвизана» подвели баржу с двумя 6" орудиями, снятыми с подорванного крейсера «Баян». К барже был подведен плавкран для

установки этих двух недостающих орудий на броненосец.

В этот момент в «Ретвизан» один за другим попало 7 японских снарядов. Один из снарядов попал в баржу с орудиями, которая немедленно затонула. Вольнонаемный машинист плавкра-на был убит. Другой снаряд ударил в крышу носовой башни главного калибра и, разорвавшись, засыпал осколками мостик. При этом был легко ранен осколками в голову командир «Ретвизана» капитан 1 ранга Щенснович, потерявший на некоторое время сознание. Кроме того, был тяжело ранен старший баталер броненосца, легко ранены два офицера и 10 матросов. Старший офицер «Ретвизана» лейтенант Скороходов был отравлен газами от разорвавшегося на палубе снаряда.

Палуба была пробита в двух местах. Передняя дымовая труба была также пробита и с нее были сняты все 3 паровых свистка и сирена. Осколками было повреждено одно 75-мм орудие.

Но больше всего бед наделал снаряд, попавший в носовую часть броненосца ниже броневоегo пояса и сделавший подводную пробоину площадью 23 квадратных фута. Броненосец принял 400 тонн воды и получил крен на 1 градус. Для уничтожения крена были затоплены соответствующие отделения противоположного борта, в результате чего осадка броненосца увеличилась на 10 дюймов, а ход упал на 1 узел.

Капитан 1 ранга Щенснович немедленно доложил адмиралу Витгефту о пробоине, к заделке которой приступили только после окончания бомбардировки около 18:00.

Под руководством корабельного инженера Вешкурцева начались работы по заделке пробоины и подкреплению переборок бревнами. Работы продолжались всю ночь и только к утру, за несколько часов до выхода эскадры, удалось укрепить внутреннюю переборку и наложить стальной лист на пробоину. Закрывать пробоину герметически так и не удалось. В трюмных отделениях корабля осталось около 500 тонн воды.

Адмирал Витгефт, выслушав доклад Щенсновича о результатах ночных работ, высказал сомнение по поводу целесообразности участия «Ретвизана» в предстоящем прорыве эскадры во Владивосток и приказал командиру после выхода на внешний рейд доложить ему о состоянии корабля.

28 июля в 06:00 броненосец «Ретвизан» вышел на внешний рейд и стал на якорь по диспозиции. Капитан 1 ранга Щенснович отправился на «Цесаревич» и доложил адмиралу о состоянии корабля при движении на различных режимах хода. Выслушав его, адмирал Витгефт решил, что «Ретвизан» пойдет с эскадрой, а если переборки начнут сдавать и корабль будет наполняться водой, то ему разрешается выйти из строя и следовать обратно в Порт-Артур вмес-

те с пароходом Красного Креста «Монголия», который в случае необходимости примет с «Ретвизана» экипаж.

В 08:00 вместе с эскадрой «Ретвизан» снялся с якоря и занял свое место в строю — в кильватер флагманскому броненосцу «Цесаревич».

В 12:15 японская эскадра, следуя в кильватере контргалсом, открыла огонь с правого борта с дистанции 80 кабельтовых. Когда расстояние несколько уменьшилось, «Ретвизан», следуя за флагманом, открыл ответный огонь из орудий главного калибра. В кормовой башне вели огонь оба 12" орудия, а в носовой — одно правое, так как у левого не закончили еще установку барабана зарядника, сломанного 15 июля во время перекидной стрельбы.

Когда эскадры сблизились на дистанцию 60 кабельтовых, на «Ретвизане» ввели в действие 6" орудия правого борта. Корректировку огня с формарса вели мичман Свиньин и дальномерщики, наблюдавшие за падением наших снарядов. На «Ретвизане» сначала пробовали вести пристрелку одним орудием, что оказалось совершенно невозможным, поскольку на такой дистанции при большом количестве падающих снарядов нельзя было отличить падение своих снарядов от чужих. Пришлось перейти на залповый огонь, что оказалось на таком расстоянии наиболее эффективным. Огонь велся только фугасными снарядами. Вначале «Ретвизан»

вел огонь по флагманскому броненосцу противника «Микаса», а затем переносили огонь на те корабли, которые входили в сектора обстрела орудий «Ретвизана». Когда эскадры разошлись контргалсами, «Ретвизан» сделал несколько выстрелов из кормовой башни по створившимся японским кораблям. В 13:00 на «Ретвизане» был пробит отбой (орудия не разряжались). Очередную вахту оставили у орудий.

За этот период боя в «Ретвизан» попало 12 снарядов противника, один из которых сделал пробоину в носовой части правого борта около кондукторской кают-компани над самой ватерлинией. Через эту пробоину на ходу вода вливалась в носовое отделение броненосца.

За время первой фазы боя у 6" орудия № 13 на восьмом выстреле вырвало втулку воздушного клапана, а у 6" орудия № 33 на 21-м выстреле выломало зубец подъемной шестерни. Оба эти повреждения были устранены через час.

Около 14:00, когда расстояние до противника снова несколько уменьшилось, «Ретвизан» открыл огонь из 12" орудий. После нескольких выстрелов, давших недолеты, стрельбу прекратили. В это период в «Ретвизан» попало еще два японских снаряда.

В 16:30, сблизившись с противником на 65 кабельтовых, «Ретвизан» открыл огонь с правого борта, направив его согласно переданному семафором приказу адмирала на флагманс-

кий броненосец противника «Микаса».

Вскоре после начала второй фазы боя исправление зарядника левого 12" орудия в носовой башне было закончено, и башня начала вести огонь двумя орудиями. Корректировка огня велась из боевой рубки.

Связь с кормовой башней главного калибра была затруднена, поскольку переговорная труба в эту башню была перебита упавшим на нее гафелем. Была также повреждена и телефонная связь. Пришлось посылать в башню рассыльных с записками (!) и пользоваться голосовой связью через жилую палубу и отделения подачи.

В самый разгар боя у обоих 6" орудий верхней батареи сломались зубцы подъемных дуг и шестерен. У одного орудия это произошло на 30-м выстреле, а у другого — на 15-м. По той же причине на 8-м выстреле вышло из строя и одно 6" орудие нижней батареи.

Около 17:00 японский снаряд попал в кромку левой амбразуры носовой башни главного калибра, убив одного комендора и ранив командира башни, артиллерийского квартирмейстера, старшего комендора, старшего гальванера и трех матросов. Башенного командира немедленно заменил артиллерийский кондуктор Емельянов. Потери восполнили комендорами противоминной артиллерии, которые до этого находились в укрытии под броневой палубой, а

артиллерийский квартирмейстер Алексеев после перевязки вернулся в башню. Этот же снаряд раздробил часть свеса над неподвижной броней и заклинил вращение башни, а осколки заклинили орудие в переднем связанном кольце рамы. В момент попадания снаряда комендоры заряжали левое орудие: снаряд и первый полузаряд были досланы до места, а зарядник был поднят в 3-е положение (со вторым полузарядом). От удара снаряд сместился обратно в камеру орудия и сдавил оба полузаряда, заклинив зарядник в верхнем положении и выведя таким образом левое орудие снова из строя. Парусиновые чехлы на амбразурах башни загорелись, огонь перекинулся в башню, начался пожар, при тушении которого вышли из строя от воды реле и электроцепи приборников и вертикального наведения.

Пока все эти повреждения исправлялись в течение примерно часа башня не действовала вообще. Башня снова открыла огонь, когда «Ретвизан» после выхода из строя «Цесаревича» пошел на сближение с противником. При этом удалось сделать только три выстрела, поскольку башня не вращалась и вела огонь только в те моменты, когда из-за поворотов броненосца японские корабли сами приходили на прицел. (Осколками этого же снаряда были выведены из строя все приборы управления артиллерийским огнем носовой башни, в то вре-

мя как другой снаряд, попавший в кормовую батарею, уничтожил все аналогичные приборы орудий правого борта.)

Когда флоты сблизилась на дистанцию 30 кабельтовых, на «Ретвизане» по сигналу «короткая тревога» беглый огонь открыли 75-мм орудия. Орудия главного калибра и 6" перешли на бронебойные снаряды, но к этому времени на «Ретвизане» с правого борта действовала только кормовая башня и 2 шестидюймовых орудия, из которых одно было повреждено.

Весь бой «Ретвизан» шел в кильватер «Цесаревичу». Когда последний неожиданно вышел из строя и покатился влево, «Ретвизан» сначала пошел за ним, но вскоре на «Ретвизане» поняли, что на флагманском броненосце что-то случилось.

Капитан 1 ранга Щенснович, зная, что в случае выхода из строя «Цесаревича» в командование должен вступить князь Ухтомский на «Пересвете», приказал наблюдать за ним. Не видя на «Пересвете» никаких сигналов и адмиральского флага, Щенснович приказал положить руль вправо, выводя «Ретвизан» на прежний курс 80-45°.

За «Ретвизаном» последовала «Победа», которая вскоре однако отвернула и пошла за остальными кораблями эскадры.

Вот тут начинается само интересное. По структуре командования 1-й Тихоокеанской эс-

кадрой в случае гибели адмирала Витгефта и Ухтомского командование эскадрой должен был принять контр-адмирал Рейценштейн, а командование броненосцами — капитан 1 ранга Щенснович. Однако Щенснович не только ничего не сделал, чтобы организовать боевой порядок броненосцев, но, напротив, сделал все, чтобы отделиться от них.

Мы уже знаем с какой легкостью все, кто сумел, разбежались по нейтральным портам после боя 28 июля и разоружились там, имея самые незначительные повреждения или не имея их вовсе. При этом все ссылались на благое намерение идти во Владивосток самостоятельно.

После войны стала популярна легенда о «героическом подвиге броненосца «Ретвизан», который, прикрывая флагманский корабль «Цесаревич», бросился на сближение с противником, имея целью таранить (!) флагманский японский броненосец «Микаса». В действительности же, отойдя от эскадры кабельтов на 20, «Ретвизан» повернул вправо, идя примерным курсом на последний корабль японского строя броненосный крейсер «Ниссин», совершенно отчетливо демонстрируя желание Щенсновича под кормой японской эскадры прорваться в открытое море, где, положившись на удачу и американские котлы Николса, добраться до какого-нибудь нейтрального порта.

Японцы, охватывая широкой дугой русские

корабли, дабы вынудить их вернуться в Порт-Артур, вели в этот момент довольно ленивый огонь по «Ретвизану».

За это время в броненосец попал всего один снаряд, но его осколком капитан 1 ранга Щенснович был контужен в живот. Впав в полушоковое состояние от боли, Щенснович потерял самообладание и приказал вызвать в рубку старшего офицера лейтенанта Скороходова, чтобы передать ему командование кораблем. Однако старшего офицера найти не удалось, поскольку, как выяснилось позже, он находился в этот момент в лазарете, принимая меры по предотвращению распространения воды из носовых пробоин.

Нос «Ретвизана», несмотря на все принятые меры, продолжал погружаться. А между тем в рубке капитан 1 ранга Щенснович, уже ничего не соображая от шока, приказал лечь на обратный курс и возвращаться в Артур.

Скорее всего, в тот момент «Ретвизаном» командовал вахтенный офицер, который и принял это решение. Капитан 1 ранга Щенснович в своем рапорте писал, что, повернув на обратный курс, он, «считая «Цесаревич» неуправляемым и предполагая, что на «Пересвете» адмирал убит и нет командира, решил, что вести эскадру следует ему.»

Как вел эскадру «Ретвизан» говорят такие факты: «Ретвизан» полным ходом начал обго-

нять «Победу». Командир «Победы», полагая, что он хочет вступить в строй вторым за «Пересветом», оставил «Ретвизану» интервал, но тот обогнал «Пересвет» и пошел дальше...

Обогнав «Пересвет», «Ретвизан» стал уходить вперед. Адмирал приказал передать на «Ретвизан» семафором «уменьшить ход». Но на «Ретвизане» семафор не приняли...»

Так капитан 1-ранга Щенснович вел эскадру в Артур. Он не поднял ни одного сигнала и не ответил ни на один из обращенных к нему сигналов. Если беспристрастно разобраться во всем, что произошло на «Ретвизане» и не принимать во внимание рапорты, написанные после боя для самооправдания, а взять на веру более поздние воспоминания служивших на броненосце офицеров, то становится ясно, что после выхода из строя «Цесаревича» «Ретвизан» просто метался, как обезумевшая от страха лошадь, инстинктивно ища то направление, в котором можно было бы быстрее уйти от опасности.

Я вовсе не хочу представить капитана 1-ранга Эдуарда Николаевича Щенсновича как бездарного труса. Наоборот, это был способный, энергичный и знающий офицер. Неоднократно рискуя жизнью, несколько раз раненный в ходе боевых действий, он сутками не покидал мостика во время стоянки «Ретвизана» на мели в проходе и в течение его ремонта. Без сомнения, он был прекрасным моряком и, став после вой-

ны адмиралом, организовал структуру формирования и боевой подготовки первых соединений русских подводных лодок, которая базисно мало изменилась и в наше время.

Но вся беда капитана 1 ранга Щенсновича, как и подавляющего большинства русских военных моряков, заключалась в исключительно низкой боевой и морально-психологической подготовке в условиях реальной боевой обстановки. Все они были прекрасными мореплавателями, но к войне на море готовы не были и оказались совершенно деморализованы неудачами, которые в итоге и привели Российский Флот к невиданному в истории морских войн позорному разгрому.

Набирая ход, «Ретвизан» на своих мощных американских котлах оставил позади остальные русские корабли. Лейтенант Развозов доложил Щенсновичу, что остальные корабли отстают, но тот хода не уменьшил, сославшись на возможную атаку миноносцев.

Вскоре «Цесаревич», «Пересвет», «Полтава» и «Победа» остались в темноте за кормой. «Ретвизан» остался один в ночном море. Капитан 1 ранга Щенснович пришел в себя от контузии и трезво обдумал создавшуюся обстановку. О прорыве во Владивосток в одиночку не могло быть и речи. Уход в какой-нибудь из нейтральных портов был рискованным из-за возможного перехвата противником и весьма про-

блематичным в отношении гарантий безопасности. Оставалось вернуться в Артур в надежде, что крепость будет деблокирована с суши армией генерала Куропаткина.

Ночью при следовании в Артур «Ретвизан» три раза был атакован миноносцами противника, преследовавшими рассеянные остатки русской эскадры. Дважды три японских миноносца выпустили в «Ретвизан» торпеды с дистанции 15-17 кабельтовых. Оба раза на «Ретвизане», увидев вспышки торпедных залпов, клали руль на борт и уходили от курса вправо на 8 румбов. В третий раз, увидев миноносец на левом траверзе, «Ретвизан» повернул прямо от него. При уклонении от торпед по миноносцам велся интенсивный огонь.

Миноносцы также отвечали и одним из их снарядов, попавшим в кормовой мостик, на «Ретвизане» убило двух матросов. После 21:00 «Ретвизан» больше не сталкивался с миноносцами противника, которые, потеряв его в темноте, уже не смогли обнаружить броненосец снова.

Ночь прошла без происшествий, а с рассветом броненосец «Ретвизан» пришел на меридиан Крестовой батареи.

С восходом солнца 29 июля «Ретвизан» встал на бочки дежурных крейсеров на внешнем рейде Порт-Артура.

За время боя 28 июля «Ретвизан» выпустил

по противнику 77 снарядов главного калибра (73 фугасных и 4 бронебойных), 300 — 6" снарядов (плюс 18 — при отражении торпедных атак), 281 — 75-мм снарядов и 290 — 47-мм при отражении торпедных атак.

На броненосце были убиты 6 матросов и 38 ранено, из них 4 тяжело. Легко ранены: командир корабля капитан 1 ранга Щенснович, мичманы Саблин, Гурячков, князь Голицын и Столица.

Во время боя в «Ретвизан» попал 21 японский снаряд. Снарядом пробило фок-мачту, уничтожив в ней винтовой трап и элеватор для подачи снарядов к марсовым орудиям. Разбит формарсовый прожектор. Грот-мачта пробита в нескольких местах, грот-марсовый прожектор уничтожен. На верхнем мостике разбиты два прожектора и носовой компас. Повреждены компасы на переднем среднем и нижнем мостиках, которые были изрешечены осколками. На верхнем заднем мостике разбиты два прожектора и поврежден кормовой главный компас. Избит осколками задний нижний мостик.

Навесная палуба под мостиками была вся изрешечена, дымовые трубы пробиты во многих местах. Носовая башня дала многочисленные трещины на стыках броневых плит. Уничтожена вся мебель в каюте командира, повреждено много других кают и помещений. Повреждены почти все наружные трапы и ле-

ра. Частично уничтожены или повреждены все спасательные плавсредства и шлюпбалки. Отбит ствол у одного 6" орудия и у двух 75-мм, уничтожено четыре 47-мм орудия. Несколько выбоин осколки сделали на 12" орудиях кормовой башни. Повреждены противоторпедные сети и их леера. Утром 30 июля буксиры втянули «Ретвизан» на внутренний рейд Порт-Артура. Флаг на корабле был приспущен и глубокое уныние от осознания понесенного поражения охватило личный состав корабля, включая командира.

«Бой 28 июля закончился поражением нашей эскадры, — писал капитан 1 ранга Щенснович в рапорте на имя контр-адмирала князя Ухтомского, — наши суда в настоящее время не способны в составе эскадры прорваться во Владивосток. Возможно сделать попытки отдельными кораблями прорваться во Владивосток, уклоняясь от встречи с противником, а в случае такой встречи следовать в Вей-Ха-Вей или Киа-Чао (Циндао), где разоружиться и остаться под покровительством международных трактатов... Иного выхода эскадры с рейдов Порт-Артура не считаю возможным.»

Вернувшиеся в Порт-Артур корабли получили в свое ведение участки сухопутной обороны крепости, окончательно связав ее судьбу с собственной судьбой.

Участок от бухты Тахэ до батареи литера «Б»

был передан «Ретвизану», который передал на сухопутный фронт два 6" орудия, четыре 75-мм, 19 — 47-мм, 25 — 37-мм орудий и 2 пулемета, а также 4 прожектора. Для обслуживания орудий и прожекторов с броненосца на сухопутный фронт ушло 170 моряков.

Сразу же после возвращения эскадры началось наступление японцев по всему фронту. «Ретвизан» вместе с другими кораблями принял участие в бомбардировке передовых позиций и тылов осадной армии генерала Ноги. Продолжали нести сторожевую службу и участвовать в тралении катера с «Ретвизана», а в ночь с 7 на 8 августа «Ретвизан» послал на берег первый крупный десант в составе 206 матросов под командованием лейтенанта Пушина.

С 4 по 12 августа при отбитии японского штурма «Ретвизан» ежедневно вел огонь по позициям противника.

8 августа броненосец сделал 17 выстрелов из орудий главного калибра и 29 выстрелов из 6" орудий, подавив японскую батарею.

9 августа «Ретвизан» сделал 69 выстрелов из 6" орудий, уничтожив обоз и вынудив батарею противника сменить позицию.

10 августа «Ретвизан» огнем 12" и 6" орудий рассеял скопление пехоты и кавалерии противника и взорвал склад с боеприпасами.

11 августа «Ретвизаном» была уничтожена 6" осадная батарея противника.

12 августа броненосец уничтожил еще одну батарею и рассеял колонну пехоты и кавалерии противника. В то же самое время десантная рота с «Ретвизана» отбивала атаки противника на редут № 2, а с броненосца в резерв крепости было послано еще 143 матроса под командованием мичмана Гурячкова.

С 12 по 23 августа «Ретвизан» вместе с другими кораблями эскадры продолжал вести бомбардировку японских позиций по заявкам сухопутного командования. 13 августа броненосец выпустил 17 — 12" и 7 — 6" снарядов, уничтожив японскую батарею.

14 августа выпустил 27 — 6" снарядов по скоплению войск противника.

18 августа огнем 12" орудий «Ретвизана» была подавлена еще одна японская батарея, а 21 августа броненосец выпустил 17 — 6" снарядов, заставив замолчать полевую артиллерию противника.

Вместе с тем на «Ретвизане» велись ремонтные работы, выделялись катера для траления и сторожевой службы, и корабль был выбран в качестве флагмана новым командующим (уже не эскадрой, а отрядом) капитаном 1 ранга Р. Н. Виреном. 16 сентября Вирен был произведен в контр-адмиралы и его брейд-вымпел на «Ретвизане» был заменен контр-адмиральским флагом.

Между тем обстановка на сухопутном фронте продолжала ухудшаться, а 19 сентября

на корабли и крепость обрушились первые залпы японских 11-дюймовых осадных мортир.

Еще в период пристрелки японцами своих огромных гаубиц «Ретвизан» получил попадание двумя снарядами, которые пробили на корабле броневую палубу, но не причинили существенных повреждений.

Бомбардировка 11-дюймовыми мортирами, хотя и велась пока вслепую, ясно дала понять командованию Российским Флотом, что неизбежность расстрела боевых кораблей в гавани — всего лишь вопрос времени. Броненосцы пытались подавить огнем осадные батареи, но все было тщетно. 22 сентября инженер-механик «Ретвизана» Лосев с двумя матросами-добровольцами вызвался подорвать 11-дюймовые мортиры противника, которые, по сведениям разведки, находились в районе бухты Тахэ. Шлюпка с добровольцами-подрывниками была прибуксирована к бухте Тахэ минным катером с «Ретвизана». Однако при попытке пристать к берегу шлюпка была обнаружена японскими дозорами, обстреляна винтовочным огнем, после чего Лосев со своими матросами на буксире того же катера вернулся в Порт-Артур.

25 сентября японцы с рассвета приступили к массовой бомбардировке гавани, что вынудило броненосец «Ретвизан» выйти на внешний рейд. Вечером, с наступлением темноты, когда бомбардировка утихла, «Ретвизан» вер-

нулся в гавань и встал на бочках в проходе.

Около 19:00 японские миноносцы, полагая, что «Ретвизан» еще находится на внешнем рейде, сделали попытку приблизиться к проходу в Порт-Артур, но были отогнаны огнем сторожевой канлодки «Гиляк».

Огонь осадных батарей противника с каждым днем набирал силу, в то время, как ответный огонь русских кораблей велся вяло и неорганизованно, поскольку точных сведений о местонахождении 11-дюймовых батарей не было ни в штабе флота, ни в штабе крепости.

29 сентября «Ретвизан» сделал 17 выстрелов из орудий главного калибра, 3 октября — 15 выстрелов и 17 октября — 14 выстрелов. Однако 11-дюймовые японские снаряды продолжали дождем сыпаться на гавань Порт-Артура.

Японцы не могли корректировать свой огонь, однако решили эту задачу достаточно остроумно. Зная от китайцев-лазутчиков места всех русских боевых кораблей, приткнувшихся к берегу под Перепелиной горой, японцы, перемещая огонь своих осадных батарей по дуге с радиусом, равным расстоянию от батарей до гавани, вели очень удачный огонь по невидимым целям. Эта система артиллерийской стрельбы получила в Порт-Артуре название «стрельба веером», и японцы пользовались ею до взятия Высокой горы. (В период с 26 сентября по 18 октября, стреляя таким способом, японцы дос-

тигли 67 попаданий в русские корабли, из них 41 попадание 11-дюймовыми снарядами.)

Против обыкновения «Ретвизану» везло до 8 октября, когда в броненосец попало три 11-дюймовых снаряда. Первый пробил борт в районе ватерлинии и лег в угольной яме, не разорвавшись. Второй ударил в броню между 53 и 54 шпангоутами и, разорвавшись, повредил противоторпедные сети. Третий пробил левый борт и палубу, разорвавшись в угольной яме.

Как ни тяжела была обстановка, «Ретвизан» продолжал жить обычной корабельной жизнью, выделяя катера для траления и сторожевой службы, ведя огонь по закрепленному за ним сектору сухопутного фронта и постоянно пополняя потери сухопутных войск матросами и офицерами своего экипажа.

21 октября минный катер с «Ретвизана» под командованием мичмана В. Дмитриева с экипажем из прапорщика флота Морозова и 10 матросов совершил торпедную атаку на японские миноносцы в бухте Тункао. По русской версии, выпущенная торпеда взорвалась сзади кормовой трубы японского миноносца, по-видимому, сильно его повредив. За эту атаку мичман Дмитриев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (высшей офицерской боевой наградой!) и произведен в лейтенанты, прапорщик Морозов — знаком отличия Военного ордена 3-й степени, матросы — солдатскими Георгиями. Од-

нако японцы не подтвердили этого успеха катера с «Ретвизана», сообщив о нем так:

«Ночью 21 октября мичман Дмитриев на миноносце атаковал наши блокирующие истребители и, хотя не имел успеха, но обращает на себя внимание то обстоятельство, что неприятель сам повел на нас атаку, что случилось в первый раз.»

Как характерно для всей последующей истории русского флота — бездействие крупных боевых кораблей. В то же время на море активно действовали их катера, а на суше — в пехотном строю — их офицеры и матросы, которые несли громадные потери, поскольку были совсем не обучены или плохо обучены сухопутному бою. А многомиллионные гиганты использовались в лучшем случае как плавучие батареи для поддержки приморских флангов сухопутных войск, а то и вообще ничего не делали и в итоге без всякой пользы гибли, попадали в плен, а при лучшем раскладе — также без всякой пользы — шли на слом.

На сухопутном фронте вся ярость боев постепенно сосредотачивалась вокруг стратегически важной Высокой горы. Десантная рота с «Ретвизана» под командованием мичмана Шефнера и прапорщика Добржанского составляла резерв коменданта горы полковника Третьякова, который несколько раз лично водил ее в атаки и контратаки; 4-м сводным морским де-

сантным батальоном командовал офицер с «Ретвизана» лейтенант Хмелев. После ранения мичмана Шефнера и прапорщика Добржанского, десантную роту «Ретвизана» возглавили мичманы Свиньин, Столица и Саблин. Мясорубка на Высокой горе требовала новых пополнений, и 13 ноября «Ретвизан» направил на сухопутный фронт еще одну роту своих моряков. Командиром сводного морского десанта был назначен старший офицер «Ретвизана» лейтенант Скороходов, вскоре, однако, возвращенный на корабль.

22 ноября японцам на короткое время удалось захватить обе вершины горы Высокой, на которых были немедленно развернуты артиллерийские корректировочные посты. Оба рейда Порт-Артура великолепно просматривались с вершин Высокой, и 11-дюймовые осадные батареи открыли прицельный огонь по русским кораблям, выбрав в качестве первой цели флагманский броненосец «Ретвизан».

Начав обстрел броненосца в 10:00, японцы вели его до 15:00. Первый снаряд попал в шканцы «Ретвизана», пробил палубу и разорвался в каюте командира, осколками пробив борт и переборки каюты и оторвав ствол у одного 75-мм орудия. Второй и третий снаряды попали в броню левого борта и никаких повреждений не причинили. Четвертый снаряд, пробив навесную палубу, разорвался в верхней батарее, серьезных

повреждений не причинив. Пятый снаряд попал в коечную сетку на кормовом верхнем мостике и, разорвавшись, не причинил серьезных повреждений. Шестой попал в шканцы у правого трапа и разбил кнехт. Седьмой снаряд пробил подводную часть левого борта и между-бортное отделение, разорвавшись в погребе № 6, повредив осколками переборки. Восьмой снаряд попал в коечную сетку на продольном мостике.

Одним из снарядов, предназначенных для «Ретвизана», в этот день была потоплена «Полтава». Осколками был легко ранен в ноги и спину командующий отрядом, контр-адмирал Вирен, который после ранения съехал на берег. Кроме того, был тяжело ранен один матрос. Но корабль еще вполне мог выйти в море, как большинство других кораблей русской эскадры. Но ничего сделано не было.

Выглядевший таким инициативным по своим мемуарам капитан 1 ранга Щенснович не предпринял ничего, чтобы спасти свой прекрасный корабль от неминуемого позора, хотя имел прекрасный пример в лице капитана 1 ранга Эссена — командира броненосца «Севастополь».

Вечером 22 ноября Высокая гора была окончательно захвачена японцами, а утром 23 ноября противник приступил к спокойному, методичному расстрелу русских кораблей, ко-

торые смиренно ждали своей участи, как кролики перед пастью питона.

23 ноября японцы обстреливали почти исключительно один «Ретвизан», поскольку убедились, что бомбардировка предыдущего дня не причинила броненосцу существенных повреждений.

Бомбардировка началась около 09:00 и первые же три 11-дюймовых снаряда попали в левый борт броненосца ниже ватерлинии. Через образовавшиеся пробоины хлынула вода, корабль стал крениться на левый борт. Последующими попаданиями была повреждена 4-я кочегарка, в котлах которой были пары. Осколками ранило и обварило трех матросов.

Работу котлов пришлось прекратить. Два снаряда попали в 6-й машинный погреб. Была уничтожена пожарная помпа, пробиты переборки, сорваны с петель и исковерканы броневые и водонепроницаемые двери. Погреб оказался затопленным.

Один снаряд попал в навесную палубу, пробил каземат правого кормового 6" орудия и жилую палубу, разорвавшись около элеватора машинного погреба № 5. Вспыхнул пожар, который усилился от последующих попаданий в жилую палубу, где горели командные вещи и мебель. Пожарная магистраль была перебита, и пожар пришлось тушить брандспойтами и ведрами. Много снарядов

попало в броню левого борта, но ни один ее не пробил. Через подводные пробоины в «Ретвизан» продолжала поступать вода. От сотрясений корабля разошлись трещины старой пробоины. Вода разливалась свободно по всему кораблю — пробитые во многих местах водонепроницаемые двери и переборки не могли задержать распространения воды. Водоотливная система была повреждена, да и откачивание воды, которая свободно распространялась по кораблю, уже не имело смысла.

В 16:05 броненосец «Ретвизан», погружаясь левым бортом, опустился на грунт. В мелком бассейне вода едва доходила до верхней палубы «Ретвизана» во время прилива. Убедившись, что броненосец затонул, капитан 1 ранга Щенснович приказал выгружать из еще незатопленных погребов снаряды, заряды, продовольствие и вещи экипажа.

В 07:00 24 ноября продовольствие и вещи матросов были свезены на берег на 4-х портовых баркасах. Боезапас был выгружен на баржи и отправлен на склады минного городка.

К 08:00 эскадренный броненосец «Ретвизан» был полностью покинут экипажем.

За этот день на «Ретвизане» был убит один матрос (сигнальщик, спускавший кормовой флаг при заходе солнца) и ранено 6.

25 ноября по приказу контр-адмирала Вирена на «Ретвизане», как и на других кораблях,

за исключением «Севастополя» и «Баяна», были спущены русские военно-морские флаги. В тот же день адмирал Вирен докладывал главкому во Владивосток, где в частности о «Ретвизане» было сказано следующее:

«После пятидневной бомбардировки, направленной главным образом на «Ретвизан», броненосец разбит, и, получив 7 подводных пробоин, затонул у берега». (Командующий войсками Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель еще задолго до падения Высокой распорядился сводить адмиралов на Высокую гору, чтобы они убедились в том, что ждет флот в случае падения этой высоты. Сухопутное командование, настаивало на уходе флота из Порт-Артура, морское же командование, оправдывая свою трусость, шло на любые ухищрения, чтобы этого не делать, мотивируя это необходимостью сохранить корабли до подхода 2-й эскадры адмирала Рожественского, а затем — необходимостью оказать содействие сухопутной обороне крепости. Когда же корабли погибли без всякой пользы и без всякой попытки спастись, хотя военные корабли существуют совсем не для того, чтобы спастись, генерал Стессель направил адмиралу Вирену письмо, где, в частности, писал:

«22-го и 23-го числа «Ретвизан», «Полтава», «Победа» и «Пересвет» уничтожены. Что же

дальше? Боевой флот, на соединение с которым идет эскадра Рождественского, погиб в лужах Порт-Артура... Миллионы погибли... но, кроме миллионов, есть нечто важнее — вечный срам... Считаю себя вправе, хотя флот мне и не подчинен, просить поставить меня в известность относительно дальнейших планов эскадры».

Адмирал Вирен ответил на это пространственным письмом, где позорную гибель флота пытался объяснить неудовлетворительным состоянием Порт-Артура как военно-морской базы:

«Не знаю, где больше сраму: в том ли, что флот погиб, защищая свое убежище, т. е. часть русской земли (!), использовав для этого весь свой боевой материал и личный состав — или в том, что это убежище оказалось та-кой ловушкой для флота, какую мы могли бы пожелать только злейшему врагу.»

Все очень знакомо. Любая база становится ловушкой для флота, если океанские корабли предпочитают прятаться на внутренних рейдах, а не пытаются бороться с противником в открытом море.

За 50 лет до Порт-Артура Нахимов с Корниловым, убоявшись кирпичных труб на английских и французских кораблях, не решились напасть на союзный конвой, шедший к Балаклаве, растянувшись на 40 миль, и приказали затопить собственный флот.

Через 38 лет после Порт-Артура могучие

боевые корабли позорно отстаивались на базах, предоставив действовать торпедным катерам, и к счастью, появившимся уже тогда подводным лодкам. А офицеры и матросы с винтовками в руках дрались с противником за свои базы. Это уже традиция!»

После капитуляции Порт-Артура, которая была подписана от флота капитаном 1 ранга Щенсновичем, «Ретвизан» был передан японцам вместе с другим «морским имуществом крепости». Перед сдачей на «Ретвизане» пытались уничтожить все, что только можно было уничтожить, хотя гораздо проще было бы его просто затопить на глубокой воде, а не подставлять под расстрел японских мортир. Побывавший после капитуляции крепости на «Ретвизане» английский журналист С. Райт писал:

«Ретвизан» имел почти такие же повреждения, что и «Пересвет»: верхушки барбетов были совершенно сбиты, а станки орудий разбиты вдребезги. Взобравшись на вершину разрушенной башни и ежеминутно рискуя сломать себе шею, мы обошли все кругом, чтобы основательнее взглянуть на царившее в башне опустошение. Мостики на «Ретвизане» были менее повреждены, чем на «Пересвете», но все-таки были обуглены и разрушены... Высокий прилив помешал спуститься вниз. Пришлось ограничиться тем, что я только заглянул в открытый люк. На палубе около него валялась целая коллек-

ция уцелевших от пожара разнообразных вещей: здесь были ценные документы, карты, романы, журналы, газеты, платье, белье, щетки, гребенки, мыло, полотенца и разная мебель.

Подобный беспорядок служит, по-видимому, доказательством того факта, что решение покинуть корабль было принято совершенно внезапно и одновременно объясняет, почему приготовления, сделанные для предания корабля огню, были выполнены так торопливо и неэффективно...

Осмотрев броненосцы, я пришел к заключению, что через несколько месяцев их вполне можно поднять».

«Ретвизан» был поднят японцами 22 сентября 1905 года.

Еще до подъема броненосец был переименован в «Хизен» по древнему названию одной из японских провинций. Включенный в состав японского императорского флота броненосец «Хизен» был отбуксирован из Порт-Артура в Сасебо, где с января 1906 года по ноябрь 1908 года проходил капитальный ремонт и модернизацию.

В 1908 году броненосец «Хизен» был переклассифицирован в линейный корабль. В ходе ремонта и модернизации на линкор была установлена артиллерия Армстронга и новые котлы Майябара. Противоторпедный калибр артиллерии был заменен 42-мм орудиями. Была

несколько изменена конфигурация труб, перемещены боевые марсы, сняты надводные торпедные аппараты (оставлены только 2 подводных 450-мм торпедных аппарата).

С 1908 по 1921 год линкор «Хизен» входил в число линейных кораблей 1-й линии японского флота. После вступления Японии в первую мировую войну линейный корабль «Хизен» вместе с броненосными крейсерами «Идзумо» и «Асама» патрулировал в центральной части Тихого океана, ведя поиск немецкой эскадры адмирала Шпее. После ухода эскадры Шпее из Тихого океана, линейный корабль «Хизен» с крейсером «Асама» патрулировал в районе Гонолулу, блокируя укрывшуюся там немецкую канонерскую лодку «Гейер», пока не было получено сообщение о ее интернировании американцами.

В последующие годы «Хизен» действовал в Тихом и Индийском океанах, обеспечивая перевозки союзников из Австралии в Европу. В 1918-1921 гг. линкор «Хизен» неоднократно приходил во Владивосток, обеспечивая действия японского экспедиционного корпуса в русском Приморье.

1 сентября 1921 года старый линкор был переклассифицирован в корабли береговой обороны 1-го класса. В апреле 1922 года «Хизен» был разоружен в Сасебо по условиям Вашингтонского договора, вычеркнут из списков фло-

та и переоборудован в корабль-цель. Потоплен 12 июля 1924 года в ходе испытаний новых авиационных торпед.

Корабль находился в строю 22 года, из них 20 под японским флагом. Эскадренный броненосец «Ретвизан» был зачислен в списки Русского Флота 11 января 1899 года. Исключен из списков 15 сентября 1905 года. Корабль числился в «12-м Флотском Ее Величества Королевы Эллинов Экипаже».

Бессменным командиром эскадренного броненосца «Ретвизан» с 1899 по 1904 гг. был капитан 1 ранга Э. Н. Щенснович.

Русские адмиралы, державшие свой флаг на «Ретвизане»:

- 1902 год — контр-адмирал Никонов,
контр-адмирал Штакельберг;
- 1903 год — контр-адмирал Ухтомский,
вице-адмирал Старк;
- 1904 год — контр-адмирал Вирен.

7 августа 1906 года решением комиссии, разбиравшей бой 28 июля 1904 года, были представлены к награде и награждены бывшие офицеры броненосца «Ретвизан»: капитан 2 ранга Скороходов — орден Святой Анны 2-й степени с мечами, лейтенанты Алеамбаров — орден Свя-

того Станислава 2-й степени с мечами, Павлинов — орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Свинын — орден Святого Станислава 2-й степени с мечами, князь Голицын — орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

ПЕТРОПАВЛОВСК

Петропавловск — город и порт на Камчатке, где 24 августа 1854 года русский гарнизон под командованием адмирала Завойко отразил высадку десанта объединенной англо-французской эскадры.

«ПЕТРОПАВЛОВСК»

Водоизмещение: 11354 т.

Главные размерения: 114,3х21,3х7,8 м.

Скорость максимальная: 17 узлов.

Мощность механизмов: 11213 л. с.

Вооружение:

четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудий, (8 — в четырех двухорудийных башнях и 4 — в казематах), десять 47-мм и двадцать восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки,

4 надводных и 2 подводных ТА.

Бронирование:

борта — 203 — 406 мм,

казематы — 127мм,

башни — 254 мм,

палуба — 51-76 мм,

боевая рубка — 178- 229 мм.

Экипаж (штатный):

27 офицеров и 606 матросов.

Тип: «Полтава».

Эскадренный броненосец «Петропавловск» был заложен 19 марта 1892 года в новом эллинге Галерного острова в Петербурге.

Строительство корабля велось в рамках изменений 1890 года кораблестроительной программы 1881 г.

Постройкой броненосца руководили корабельные инженеры В. С. Шведов и Е. П. Андрущенко. Работы на «Петропавловске» финансировались средствами Петербургского порта.

Машины для броненосца были изготовлены в Англии машиностроительным заводом «Гауторн, Лесли и К°», артиллерия — Обуховским заводом в Петербурге, а броня и башенные установки — Металлическим заводом.

28 октября 1894 года броненосец «Петропавловск» был спущен на воду. Достройка броненосца на плаву шла очень медленно из-за регулярных опозданий поставок оборудо-

вания заводами контрагентами.

В начале сентября 1897 года корабль перешел из Петербурга в Кронштадт, в гавани которого провел всю зиму 1897 и лето 1898 гг., устанавливая артиллерию и торпедные аппараты и завершая прочие построчные работы.

Осенью 1898 года «Петропавловск» ушел на зимовку в Либаву, а весной 1899 года возвратился в Кронштадт, где в течение всех летних месяцев проводил окончательные испытания, отрабатывал различные задачи боевой подготовки и полностью завершил достроечные работы.

Эскадренный броненосец «Петропавловск» вступил в строй 1 августа 1899 г. Первый командир капитан 1 ранга Грече. (При нахождении броненосца на стапеле им командовал капитан 1 ранга Федотов. Затем должность командира долго была вакантной, и корабль достраивался под руководством старшего офицера капитана 2 ранга Чернышева.)

Стоимость постройки «Петропавловска» — 9225309 р. (машина — 1130500 р.).

После вступления в строй эскадренный броненосец «Петропавловск» был зачислен в 1-й флотский генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича экипаж. (Впоследствии «Петропавловск» был переведен во 2-й флотский экипаж той же 1-й флотской дивизии).

Перемещение центра тяжести государствен-

ных интересов России на Дальний Восток фактически превратило Балтийский флот в «депо» Тихоокеанской эскадры. Постоянные требования командования эскадрой усилить ее корабельный состав привело к тому, что начиная с середины 90-х годов XIX века все вновь построенные крупные корабли стали уходить на Дальний Восток. В силу этих причин эскадренный броненосец «Петропавловск» сразу же после окончания на нем достроечных работ получил приказ следовать в Порт-Артур.

5 октября 1899 года «Петропавловск» вышел из Кронштадта и, посетив по дороге Плимут и Кадикс, прибыл в середине ноября 1899 года на о. Мальта, откуда направился в Смирну, а затем в Пирей, где и встретил новый 1900 г. и новый XX век. Пройдя в Пирее незначительный ремонт, «Петропавловск» направился в Порт-Саид, прошел Суэцким каналом и 28 января 1900 года вышел в Красное море, взяв курс на Аден. Приняв в Адене уголь, «Петропавловск» в конце февраля прибыл в Пуловей, откуда направился в Гонконг.

30 марта 1900 г. броненосец вышел из Гонконга и, зайдя за углем в Нагасаки, прибыл 17 апреля 1900 г. в Порт-Артур — прямо к началу крупных общесфлотских учений Тихоокеанской эскадры.

Действуя совместно с броненосцами «Наварин» и «Сисой Великий», «Петропавловск»

отрабатывал на этих учениях задачи деблокирования отрезанной с моря крепости, перевозки войск и конвоирования транспортов. На этих учениях в предвиденьи грядущего конфликта с Японией впервые броненосцы действовали отдельным отрядом, практикуясь в ночных плаваниях соединением, в совместном маневрировании и артиллерийских стрельбах.

Июнь — август 1900 г. эскадренный броненосец «Петропавловск» провел в китайских водах, принимая активное участие в подавлении Боксерского восстания. Корабль перевозил войска, конвоировал транспорты и неоднократно во многих пунктах китайского побережья «демонстрировал флаг».

В боях на берегу принимала участие десантная рота с «Петропавловска», потерявшая в ходе военных действий 4 человека ранеными. (Интересно отметить, что за этот же период от эпидемии гриппа на «Петропавловске» вышли из строя 171 человек. На корабле чуть не вспыхнула эпидемия тифа (5 случаев), которую с трудом удалось предотвратить.)

После подавления восстания боксеров «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур, откуда вместе с «Сисоем Великим» вышел 27 сентября, направляясь во Владивосток для ремонта. В конце октября «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур, а в ноябре снова прибыл в Таку, где принял на борт русского посланника Лесса-

ра, направляющегося в Японию. В начале декабря 1900 г. броненосец пришел в Нагасаки, где прошел доковый ремонт. Выйдя из Нагасаки в конце января 1901 г., «Петропавловск» посетил ряд портов Кореи и в марте 1901 г. вернулся в Порт-Артур.

В апреле и мае 1901 года эскадренный броненосец «Петропавловск» принял участие в крупных общешлотских маневрах Тихоокеанской эскадры, проходящих в Талиенваньской бухте. В маневрах, кроме «Петропавловска», участвовали еще четыре броненосца — «Наварин» и «Сисой Великий», а также недавно прибывшие однотипные с «Петропавловском» броненосцы «Полтава» и «Севастополь». Маневрами руководил командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал Гильтебранд, державший флаг на крейсере «Россия». На маневрах отрабатывались различные варианты действий эскадры в случае конфликта с Японией. После окончания учений эскадра сосредоточилась во Владивостоке, где «Петропавловск» находился по октябрь 1901 года, после чего вместе со всей эскадрой вернулся в Порт-Артур.

16 ноября 1901 г. на эскадренном броненосце «Петропавловск» поднял свой флаг новый командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Скрыдлов. После короткого смотра эскадре в Талиенваньской бухте, новый командующий, держа флаг на «Петропавловске», со-

вместно с броненосцем «Полтава» обошел ряд портов Кореи и Японии, в частности, побывав в январе 1902 г. в Иокогаме, Нагасаки и Мозампо. В феврале и марте 1902 г. «Петропавловск» посетил ряд портов Китая. 26 марта 1902 г. командиром эскадренного броненосца «Петропавловск», сменив капитана 1 ранга Грече, стал капитан 1 ранга Яковлев.

В мае 1902 г. «Петропавловск», будучи флагманским кораблем Тихоокеанской эскадры, принял участие в общефлотских маневрах в Талиенваньской бухте. Маневрами с борта «Петропавловска» руководил командующий эскадрой адмирал Скрыдлов. На учениях отрабатывалась задача по преграждению пути в Желтое море для японского флота, который по плану учений должен был высадить войска в Чемульпо и в устье реки Ялу. После окончания учений «Петропавловск» в июне 1902 г. пришел во Владивосток, где адмирал Скрыдлов спустил свой флаг и броненосец был выведен в вооруженный резерв. В августе 1902 г. «Петропавловск» перешел в Порт-Артур, где по декабрь 1902 года пробыл в вооруженном резерве. 30 декабря 1902 г. на «Петропавловске» поднял флаг новый командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Старк.

В январе — феврале 1903 г. «Петропавловск» совершил совместно с броненосцем «Пересвет» короткое плавание, посетив ряд портов

Кореи и Японии.

В конце февраля «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур, где адмирал Старк перенес свой флаг на «Пересвет».

Март — июнь «Петропавловск» провел в Порт-Артуре, участвуя в различных учениях по плану боевой подготовки, которые имели место на рейде Порт-Артура, в Талиенване и в Дальнем.

В июле 1903 г., после смотра, проведенного военным министром, эскадра сосредоточилась во Владивостоке, где на «Петропавловске» снова поднял свой флаг адмирал Старк.

После завершения учений «Петропавловск» в августе был переведен в вооруженный резерв, прошел докование и уже в сентябре снова начал кампанию, будучи единственным броненосцем, не находящимся в резерве.

Резко накалявшаяся обстановка на Дальнем Востоке, столкнувшиеся в Корее интересы Японии и России и откровенный курс Японии на ликвидацию положений навязанного ей Симонсекского договора — все это заставило командование Тихоокеанской эскадрой форсировать подготовку к войне.

Война с Японией, которая еще с 1899 года рассматривалась весьма вероятной, во второй половине 1903 г. уже считалась командованием русской Тихоокеанской эскадры неизбежной.

В середине ноября 1903 г. отряд русских

боевых кораблей в составе броненосцев «Петропавловск» (флаг вице-адмирала Старка) и «Полтава», крейсера «Боярин», канонерской лодки «Бобр» и эскадренных миноносцев «Грозовой» и «Внушительный» вышли в море, начав демонстративный поход в Чемульпо с целью охладить горячие головы в Токио.

21 ноября 1903 г. отряд во главе с «Петропавловском» прибыл в Чемульпо, где демонстрировал флаг до 2 декабря, и ушел оттуда после грозного окрика из Петербурга.

Русское правительство, надеясь на решение спорных с японцами вопросов путем переговоров, настоятельно требовало от дальневосточного командования «не бряцать оружием, не провоцировать японцев».

Штаб адмирала Алексеева и адмирала Старка, с одной стороны, заваливался различными предостережениями, напоминаниями и директивами из Петербурга, требующими терпения, сдержанности и миролюбия, а с другой — разведывательными сводками, показывающими, что война японцами уже решена. Русское командование на Дальнем Востоке, жившее идеей превентивного удара, связанное по рукам и ногам приказами из Петербурга, вынуждено было постоянно ограничиваться полумерами, что в итоге и привело к роковым последствиям.

В декабре 1903 г. «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур и был выведен в резерв. Жест-

кие требования экономии привели к тому, что в самый канун войны в строю находились только броненосец «Полтава» с крейсерами «Баян», «Боярин» и «Новик».

Все прочие корабли эскадры, не считая стационаров, были выведены в вооруженный резерв. Однако неопровержимые доказательства неизбежности войны и установление русской разведкой почти точной даты ее начала вынудили адмирала Алексеева 29 декабря 1903 г. отдать приказ (№ 224) о начале кампании.

3 января 1904 г. эскадренный броненосец «Петропавловск», исполняя этот приказ, вышел на внешний рейд Порт-Артура под флагом командующего эскадрой вице-адмирала Старка, где после пробы машин и уничтожения девиации компасов занял свое якорное место по утвержденной диспозиции.

До 18 января из резерва один за другим были выведены и все остальные корабли Тихоокеанской эскадры, принимались меры по охране рейда, последние корабли перекрашивались в боевой оливково-зеленый цвет, грузились все виды боевого снаряжения и боезапасы.

19 января 1904 г. в 5:30 утра на броненосце «Петропавловск» был поднят сигнал: «Суда, стоящие на внешнем рейде — учение № 1». По этому сигналу на всех кораблях пробили боевую тревогу и эскадра приготовилась к бою. В 18:30 по сигналу «Петропавловска» дежурные

миноносцы вышли на охрану дальних подступов к рейду, а в 21:00 эскадра закрыла все огни.

Отныне сообщение с берегом допускалось лишь до 17:00. 20 января на борту «Петропавловска» состоялось совещание под председательством адмирала Алексеева. Обсудив последние разведсводки, пришедшие из Токио, Шанхая и Чифу, участники совещания снова сошлись в мнении о неизбежности войны и о необходимости упреждающим ударом сорвать планы противника.

В тот же день адмирал Алексеев запросил разрешение царя на выдвижение флота к Чемульпо для «противодействия высадке японских войск морскими силами» и на мобилизацию войск Дальнего Востока и Сибири. Не получив ответа на запрос, адмирал Алексеев приказал 21 января совершить демонстративный поход всей эскадрой к Шантунгу.

В 5 ч утра 1904 г. эскадра начала последовательно сниматься с якоря. «Петропавловск», возглавлявший отряд броненосцев, снялся с якоря в 8 ч утра и вышел в море, взяв курс на Шантунг. Броненосцы и крейсера шли отдельными отрядами.

Броненосцы, следуя сигналам с «Петропавловска», производили эволюции по новой двухфлажной сигнальной книге, недавно присланной на эскадру для всесторонних испытаний.

В 16:00, когда эскадра уже находилась в

видимости Шантунгского маяка, из Порт-Артура последовал телеграммой приказ вернуться назад.

В 5 ч утра 22 января «Петропавловск» встал на якорь в Талиенваньской бухте, а в 8 ч утра на его борту состоялось совещание старших штурманов со всех кораблей эскадры, на котором обсуждались меры по оптимизации сигналов при совместном плавании.

Эскадра простояла в Талиенване до II утра, затем по сигналу с «Петропавловска» снялась с якоря и перешла на внешний рейд Порт-Артура.

Выход эскадры к Шантунгу вызвал сильное недовольство в Петербурге и переполох в Токио.

Из Петербурга адмиралу Алексееву последовали строжайшие директивы не провоцировать японцев, поскольку «крайне желательно прийти к мирному соглашению с Японией или, по меньшей мере, насколько возможно, продлить обмен взглядов с токийским кабинетом».

Японцы же, имея информацию о плане адмирала Алексеева нанести им упреждающий удар, узнав о выходе русской эскадры «в неизвестном направлении», на чрезвычайном совещании правительства под председательством императора 22 января решили безотлагательно начать войну, поскольку «русская эскадра, свободная в своих действиях, могла расстроить все

планы и расчеты японского правительства».

Но русская эскадра не была свободна в своих действиях!

Из Петербурга потоком шли директивы с требованием не предпринимать каких-либо действий, могущих послужить для Японии поводом к войне. С большим трудом адмиралу Алексееву удалось добиться разрешения оставить эскадру на внешнем рейде, чтобы в случае необходимости оперативно ввести ее в бой. Однако специальной директивой ему было запрещено выставлять на кораблях противоторпедные сети, так как эти сети, выставленные в мирное время, могли спровоцировать японцев!

Между тем броненосец «Петропавловск» продолжал нести свою службу в качестве флагманского корабля Тихоокеанской эскадры и русского административно-политического центра на Дальнем Востоке.

24 января адмирал Алексеев получил известие о разрыве дипломатических отношений с Японией и уверения, что этот факт не означает неизбежности войны. Эскадра, возглавляемая «Петропавловском», продолжала стоять по диспозиции боевой готовности. (Впоследствии в общем хоре оправданий по поводу столь позорно закончившейся войны эту диспозицию без зазрения совести стали именовать «диспозицией мирного времени». Уже тот факт, что на внешней линии диспозиции стояли лучшие бро-

носцы «Цесаревич» и «Ретвизан» говорит о том, что имелось в виду не подставить их первыми под японские торпеды, а сразу же ввести в действие в случае необходимости.)

«Петропавловск» стоял в глубине диспозиции, имея по носу броненосец «Пересвет», за кормой — крейсер «Джигит», по правому борту — крейсера «Новик» и «Боярин» и по левому — броненосец «Полтава». Эскадра продолжала жить в напряженном состоянии повышенной боевой готовности. С наступлением темноты закрывались огни, всякая связь с берегом прекращалась, орудия противоминной артиллерии были постоянно заряжены, комендоры несли вахты круглосуточно.

26 января «Петропавловск» сигналом передал приказ вице-адмирала Старка о выносе принадлежностей сетевого заграждения на палубы и о готовности к немедленной его постановке. Однако исполнительного приказа не последовало.

Между тем в штабах Алексеева и Старка вновь стало доминировать мнение о необходимости выхода в море даже, если это мероприятие и пойдет вразрез с приказами Петербурга.

26 января 1904 года эскадренный броненосец «Петропавловск» передал на эскадру следующие сигналы:

10:00 — «Эскадре Тихого океана со спуском флага прекратить сообщение с берегом».

11:35 — «Эскадра Тихого океана — сегодня вступить в дежурство крейсерам «Аскольд» и «Диана».

11:40 — «Эскадра Тихого океана — сегодня дежурными по освещению быть «Ретвизану» и «Палладе».

16:50 — «Эскадра Тихого океана — готовиться к походу завтра в 8 ч утра, иметь 10 узлов хода, взять провизии на три дня».

17:05 — «Амуру» и «Енисею» с миноносцами идти на внешний рейд завтра в 7ч.30 мин утра».

17:40 — «Судам, стоящим на внешнем рейде, подготовиться отразить минную атаку, 6" башенные орудия не заряжать».

После передачи последнего сигнала с «Петропавловска» на всех кораблях эскадры была пробита тревога, опробованы прожектора, заряжены противоминные орудия и закрыты все огни, кроме якорных.

В 20:00 на борту «Петропавловска» состоялось совещание с участием командующего эскадрой, вице-адмирала Старка, и начальника штаба заместителя контр-адмирала Витгефта, на котором был составлен приказ о выходе эскадры в море 27 января и определен ее состав и походный строй. (В море, выдвигаясь к Чемульпо на перехват японского флота, должны были выйти все броненосцы и крейсера, оба минзага, транспорт «Ангара» и оба отряда эсминцев.)

Были обсуждены также некоторые дополнительные меры по охране рейда. Совещание закончилось в 23:00.

Повальное бегство японцев из Порт-Артура в этот день, слухи о разрыве дипломатических отношений, а также информация, полученная многими офицерами в частном порядке — все это уже не оставляло никаких иллюзий относительно будущего развития событий.

Эскадра находилась в полной боевой готовности. Правда, некоторые корабли были освещены, проводя срочную погрузку угля и горел входной маяк в Порт-Артурскую гавань. Не надо забывать, что Порт-Артур, помимо всего прочего, был коммерческим портом и погасить входной маяк в его гавань было совершенно невозможно. Кроме того, автор вовсе не хочет сказать, что все действия командования 1-й Тихоокеанской эскадры были безупречными — ошибок было сделано достаточно. Самой главной из них можно считать инструкцию, данную дежурным миноносцам:

«В случае необходимости... полным ходом возвращаться к эскадре (прорезав 4 линии диспозиции!), подходить к флагманскому броненосцу и докладывать о случившемся».

Без всякого сомнения, японцам, имевшим разветвленную сеть в Порт-Артуре, была известна эта инструкция, и именно она легла в основу всего японского плана внезапной атаки мино-

носцев на русскую эскадру.

Расчет был основан на том, что на кораблях примут подходящие миноносцы противника за свои. Недаром японцы шли с открытыми навигационными огнями и отобрали для атаки миноносцы типа «Ярроу», очень похожие на русские эсминцы типа «Сокол».

В 23:35, в самый момент появления на рейде миноносцы противника были обнаружены и освещены прожекторами русских кораблей.

Пока на кораблях гадали свои это миноносцы или нет, японцам удалось выпустить торпеды и подорвать три русских корабля — «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу». Однако, как только враждебные намерения подходящих миноносцев были обнаружены, корабли немедленно открыли огонь, не допустив выхода других японских миноносцев в атаку и в какой-то мере сорвав план адмирала Того.

Находящаяся в полной боевой готовности русская эскадра не была поймана врасплох, а стала жертвой непрогнозируемого стечения обстоятельств точно также, как 38 лет спустя жертвой таких же случайностей стал японский флот в сражении у атолла Мидуэй. (Автор столь подробно останавливается на событиях начала русско-японской войны, во-первых, чтобы показать деятельность броненосца «Петропавловск» в качестве флагманского корабля Тихоокеанской эскадры и, во-вторых, чтобы не возвращаться

более к этим событиям при написании истории других кораблей.)

На броненосце «Петропавловск», стоящем в глубине диспозиции, среди ночной тишины услышали взрыв торпеды (попавшей в «Ретвизан») и артиллерийский огонь, открытый всеми кораблями, стоявшими на внешней линии диспозиции. Считая, что «Ретвизан» стал жертвой случайного взрыва, с «Петропавловска» в 24:00 был передан приказ: «Прекратить огонь» и поднять вверх луч прожектора, обозначавшего в мирное время окончание ночного учения. Однако корабли продолжали вести огонь.

О взрыве на «Цесаревиче» и «Палладе» на «Петропавловске» ничего не знали, получив эти сообщения соответственно только в 00:35 и 00:40. Таким образом, только в 00:40, т. е. через час после атаки на флагманском броненосце поняли, что произошло. (Это уже наша традиционная организация!)

В 00:45 с «Петропавловска» был передан первый боевой приказ, предписывающий крейсеру «Диана» оказать помощь «Цесаревичу», а в 00:55 второй — крейсеру «Новик» — по мере готовности немедленно сняться с якоря, преследовать неприятельские миноносцы, которые взорвали наши три корабля».

Одновременно с этим в 00:45 через Золотую Гору о случившемся было доложено с «Петропавловска» в штаб адмирала Алексева.

Крейсер «Новик», получив приказ в 00:55, в 01:05 снялся с якоря и ушел в преследование противника, что разоблачает еще одну легенду о том, как ничего не ожидавшая русская эскадра стояла по диспозиции мирного времени, без сетей и без паров, в то время, как адмиралы Старк и Алексеев, все командиры кораблей и большая часть офицеров веселились на дне рождения жены адмирала Старка в Порт-Артурском морском собрании. «Петропавловском» же, а следовательно и всей эскадрой, командовал какой-то мичман, а в некоторых вариантах и боцман.

(Через 37 лет, когда японцы внезапно напали на американский флот в Перл-Харборе, американцы действительно были пойманы врасплох, в отличие от русских моряков в Порт-Артуре. Однако, находясь в самой низкой степени боевой готовности, в воскресенье утром, американцы, когда в 07:55 на них посыпались первые бомбы, немедленно открыли ответный огонь, в 07:58 радиостанция штаба флота сообщила о налете, в 08:00 об этом было сообщено всем кораблям, находившимся в море, и в Вашингтон, в 08:03 о налете объявила радиостанция Гонолулу. Мне возразят, что другое время, другие средства связи и, что я вообще противоречу сам себе, доказывая, что Артурская эскадра находилась в боевой готовности. Я отвечу, что боевая готовность складывается из организации

службы и боевой подготовки, особенно командного состава и, по-видимому, самая высокая боевая готовность Российского Флота может сравниться с полным отсутствием таковой в американском флоте.)

Ночной поиск, проведенный «Новиком» и другими крейсерами, оказался безрезультатным — противник скрылся. Однако искать его долго не пришлось — в 08:00 27 января японцы появились перед Порт-Артуром и открыли огонь по стоящей на якоре эскадре Тихого океана.

Русские корабли, руководствуясь приказами с «Петропавловска», энергично отвечали. Вскоре к ним присоединились и береговые батареи крепости. Во время этого боя «Петропавловск» снялся в 11:00 с якоря и в 11:08 открыл огонь из носовых 12" и 6" орудий, направляясь прямо на противника.

В 11:23 «Петропавловск» повернул влево на 8 румбов и открыл огонь всем бортом, которым и действовал до отхода противника на юг (11:50).

В 11:55 на «Петропавловске» был поднят сигнал «Адмирал изъявляет свое удовольствие».

В ходе боя в «Петропавловск» попало три снаряда. 8" снаряд попал в носовую часть левого борта, сделав пробойну в 2х2,5 фута, повредив осколками палубу и 47-мм орудие. Вторым 8" снарядом, попавшим под носовую 6" башню, вдавило броню, повредив осколками борт. Тре-

тым 6" снарядом, пробило верхнюю палубу, но повреждений не причинило. На броненосце был убит один (Никанор Трачевский) и ранено 5 матросов. (В том числе комендор Клим Феликсов, который, несмотря на рану, остался у орудия и предотвратил взрыв снарядного ящика 47-мм снарядов, выхватив горящий снаряд и потушив его).

За бой «Петропавловск» выпустил по противнику 87 снарядов: 19 — 12" и 68 — 6". За этот бой командир «Петропавловска» капитан 1 ранга Яковлев был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами. Награды получили 4 офицера и 30 матросов с «Петропавловска». (Кроме того, за бой 26 — 27 января 1904 г. были награждены: командующий эскадрой вице-адмирал Старк — орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами, флаг-капитан командующего капитан 1-го ранга Эбергард — золотым оружием с надписью «За Храбрость» и младший флагман контр-адмирал Ухтомский — орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами.)

28 января 1904 г. в 14:30 «Петропавловск» вместе с другими броненосцами вернулся на внутренний рейд Порт-Артура, с трудом пройдя мимо сидящего на мели в проходе броненосца «Ретвизан» и встал в восточном бассейне у стенки напротив управления командира порта.

«Петропавловск» оставался у стенки до кон-

ца февраля, руководя оттуда отражением атак японских броненосцев, действиями крейсеров на внешнем рейде и, хотя существовали планы вывода броненосцев на внешний рейд для боя с периодически бомбардирующим Порт-Артур японским флотом, они осуществлены не были. Бой с флотом противника вели одни береговые батареи. 24 февраля 1904 г. в Порт-Артур прибыл назначенный командующим флотом вице-адмирал Макаров, который временно поднял свой флаг на крейсере «Аскольд». Вице-адмирал Старк спустил свой флаг на «Петропавловске», сдал дела Макарову и уехал в Россию, сославшись на болезнь.

27 февраля 1904 г. в 4 часа утра на мачте эскадренного броненосца «Петропавловск» был поднят флаг вице-адмирала С. О. Макарова. В тот же день эскадра стала выходить на внешний рейд. «Петропавловск», выйдя на внешний рейд пятым, в 06:00, в 07:00 поднял сигнал:

«Сняться с якоря всем вдруг», который был отложен до 09:50, в связи с обнаружением на рейде плавающих мин и необходимостью протралить рейд. В 10:20 эскадра, возглавляемая «Петропавловском», вышла в море строем кильватера и в 11:50, будучи на параллели мыса Ляоте-шань, прибавила ход, перестроившись в походный ордер. Вначале «Петропавловск» вел эскадру на восток в надежде встретить противника. Однако противника обнаружить не уда-

лось, и эскадра занялась практическими эволюциями. В 16:00, не прекращая эволюций, эскадра подошла к Порт-Артуру, и в 19:00 все корабли втянулись на внутренний рейд. Выход эскадры в море 27 февраля продемонстрировал адмиралу Макарову полное отсутствие опыта у большинства командиров кораблей в совместных плаваниях, особенно на боевых ходах, недостаток их тактического образования и отсутствие необходимых военных знаний.

9 марта, после отражения очередной атаки японских брандеров, на горизонте Порт-Артура снова появился японский флот. Как только противник был обнаружен, адмирал Макаров, несмотря на малую воду, решил со своей эскадрой выйти в море и вступить под прикрытием береговых батарей в бой с тем, чтобы отогнать флот противника раньше, чем тот осуществит свое намерение бомбардировать Порт-Артур. В ожидании большой воды Макаров перенес свой флаг на «Аскольд» и вышел на внешний рейд с отрядом крейсеров. Став под прикрытием батарей, адмирал приказал приготовиться к бою и ждал выхода броненосцев.

Первым, несмотря на еще малую воду, на внешний рейд вышел «Петропавловск» (09:45) и адмирал Макаров немедленно перенес свой флаг на него. За «Петропавловском» начали выход с внутреннего рейда другие броненосцы. В 12:10 адмирал Макаров, построив эскадру в

кильватерную колонну, повел «Петропавловск» к выходному створу, намереваясь под прикрытием береговых батарей открыть огонь по кораблям противника.

Этот выход эскадры являлся выдающимся событием, которого еще никогда не было в истории Тихоокеанской эскадры, поскольку до сих пор не было еще ни одного случая, чтобы глубоко сидящие броненосцы рисковали выйти в малую воду из гавани. В данном же случае весь выход был закончен к полудню, т. е. за 1,5 часа до полной воды, что произвело ошеломляющее впечатление на противника, построившего все свои планы на невозможности эскадре выйти в малую воду в море.

Увидев всю русскую эскадру на внешнем рейде, адмирал Того отозвал выделенные для бомбардировки Артура через Ляотешань броненосцы, которые и без того не выполнили своей задачи, поскольку находились под огнем русских кораблей, благодаря оборудованному на Ляотешане артиллерийскому корректировочному посту.

Подняв сигнал «Быть в строю кильватера», адмирал Макаров на «Петропавловске» направился в море по направлению к бухте Такэ. С моря в это время подходили вызванные адмиралом Того по радио броненосные крейсера противника.

С приближением японских броненосных

крейсеров «Петропавловск», возглавляющий кильватерную колонну русских кораблей, склонился несколько к югу и сделал прицельный выстрел из 12" орудия по головному броненосному крейсеру противника. Снаряд упал со значительным недолетом. В этот момент японские броненосцы повернули навстречу «Петропавловску», который в свою очередь изменил курс на пересечку броненосным крейсерам. Опасаясь за крейсера, адмирал Того ринулся на соединение с ними, провожаемый пристрелочным залпом из башен «Петропавловска».

«Петропавловск» продолжал идти на противника, вызывая его на бой. Однако адмирал Того, соединившись со своими крейсерами, не принимая боя и даже не отвечая на огонь «Петропавловска», повернул на юг и скрылся за горизонтом. Кипучая энергия и талант адмирала Макарова начали делать, казалось бы, невозможные вещи. Японский флот уже не мог безнаказанно хозяйничать в водах Порт-Артура. Волна за волной по ночам шли на Порт-Артур в атаку японские брандеры-заградители в надежде запереть Русский Флот на внутреннем рейде. Противник отложил высадку на Ляодунский полуостров. Господство на море в районе Порт-Артура и инициатива начали постепенно переходить в руки русского морского командования.

13 марта 1904 г. «Петропавловск» снова

вывел эскадру в море. В этот день адмирал Макаров предполагал провести рейд к островам Мяо-Тао и снова заняться повышением боевой готовности эскадры в совместном плавании. В 04:45 по сигналу с «Петропавловска» эскадра начала выход на внешний рейд, закончив его в 07:00, когда на «Петропавловске» был поднят сигнал о построении в кильватерную колонну и начале движения к выходному створу.

Во время похода к островам Мяо-Тао был потоплен японский пароход и джонка, а также осмотрены несколько английских пароходов компании «Чайна Навигейшн».

Поход к островам Мяо-Тао был прерван из-за столкновения во время эволюций броненосцев «Севастополь» и «Пересвет». В 12:30 «Петропавловск» привел эскадру обратно в Порт-Артур.

В ночь на 14 марта японцы провели новую отчаянную попытку запереть выход из Порт-Артура брандерами. Атака была отбита. Утром 14 марта, когда на горизонте появился флот противника, «Петропавловск» с утренней полной водой вывел эскадру в море, показав адмиралу Того, что ночная атака его заградителей окончилась полным провалом.

21 марта на борту «Петропавловска» состоялась торжественная церемония раздачи Георгиевских крестов матросам и унтер-офицерам Тихоокеанской эскадры. С приветствием к на-

гражданным обратился сам адмирал Макаров, который, в частности, сказал:

«Получив этот крест, вы тем самым составляете честь той части, в которой вы служите. Вас много, каждого не узнаешь, каждому в душу не войдешь, все вы молодцы, я знаю. Каждый из ваших товарищей горит желанием сразиться и победить».

(Впоследствии, в течение 9 месяцев осады крепости ни разу больше не было подобных торжеств на кораблях эскадры.)

Между тем по различным разведывательным каналам к адмиралу Макарову стали поступать сведения о готовящейся японцами высадке на Ляодун. Считая местом сосредоточения транспортов противника острова Эллиот, Макаров решил послать к этим островам два отряда миноносцев для ночной атаки с тем, чтобы подойти утром к Эллиоту со всей эскадрой и завершить разгром транспортного конвоя противника.

Вечером 30 марта 1904 г. из Порт-Артура, выполняя этот план, вышли два отряда миноносцев. Зная о малой опытности командиров миноносцев в совместном ночном плавании, Макаров дал инструкцию, чтобы отставшие от отряда миноносцы возвращались на рейд, но в гавань до рассвета не входили, поскольку в эту ночь ожидалась очередная атака на Порт-Артур брандеров-заградителей противника и ад-

мирал опасался, что ночью возвращающиеся миноносцы попадут под огонь батарей и кораблей, охраняющих проход.

Второй раз неправильно сформулированная незначительная по важности тактическая инструкция миноносцам имела самые роковые последствия для Русского Флота!

Сейчас уже известно, что никакая высадка в конце марта на Ляодун японцами не предполагалась. Напротив, активные действия Русского Флота заставили противника отложить высадку на неопределенное время. Сведения, полученные Макаровым по различным каналам, являлись хорошо продуманной стратегической дезинформацией японского командования.

Японцы, имевшие мощную разведсеть в Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове, прекрасно знали о замыслах русского командования. Не исключено, что им стала известна и инструкция, данная миноносцам на случай отставания от отрядов, идущих к Эллиоту. Именно этим можно объяснить неожиданную отмену японцами очередной атаки брандеров и проведение ими рискованнейшей операции по постановке мин на внешнем рейде Порт-Артурского залива, под самым носом береговых батарей и дежурных кораблей. Постановка мин была произведена минным заградителем «Кориу-Мару», действовавшим под эскортом трех отрядов эсминцев (4-й, 5-й и 14-й).

Одновременно под покровом ночи японский флот отдельными отрядами стягивался к Порт-Артуру, явно демонстрируя свою полную осведомленность о предстоящем выходе русской эскадры к Эллиоту и о навязчивой идее адмирала Макарова разбить противника по частям.

Макаров провел ночь на дежурном крейсере «Диана», с которого были замечены силуэты японских кораблей, ставящих на внешнем рейде мины. Командир крейсера попросил у Макарова разрешения открыть огонь, однако командующий не разрешил, считая, что эти силуэты принадлежат своим миноносцам, которые заблудились во время ночного похода к Эллиоту и вернулись согласно полученной инструкции на внешней рейд.

31 марта в 04:30 адмирал Макаров вернулся с «Дианы» на «Петропавловск».

Между тем оба отряда русских миноносцев, не обнаружив ничего у островов Эллиот, повернули обратно к Порт-Артуру. При этом отставший в темноте миноносец «Страшный» был перехвачен противником на подходах к Порт-Артуру и после короткого ожесточенного боя утоплен. Высланный для обеспечения возвращения миноносцев в море крейсер «Баян» последовательно доложил на «Петропавловск» о бое «Страшного» и о появлении на горизонте японского отряда в составе двух броненосных и 4 легких крейсеров. Представлялась прекрасная

возможность уничтожить этот отряд и осуществить план разгрома японского флота по частям — заветный план адмирала Макарова! В 05:40 на «Петропавловске» взвился сигнал:

«Диане» сняться с якоря и идти на поддержку «Баяна», который пока в одиночку вел бой с японским отрядом, на ходу спустив шлюпки для спасения уцелевших из экипажа «Страшного».

Одновременно с «Петропавловска» был отдан приказ крейсерам «Аскольд» и «Новик» находиться в немедленной готовности к выходу в море. В 06:00 на «Петропавловске» был поднят сигнал броненосцам разводиться пары, по готовности сниматься с якоря и выходить на внешний рейд.

Первым в 07:00 на внешний рейд вышел «Петропавловск» под флагом командующего флотом адмирала Макарова. При выходе на внешний рейд «Петропавловск» несколько задержался в проходе, приткнувшись на мели, но сразу сошел с мели своими силами.

В 07:15 на рейд вышел броненосец «Полтава». Остальные броненосцы несколько задержались, так как сильный ветер не позволял портовым буксирам быстро развернуть броненосцы, носом к проходу. Адмирал Макаров, не дожидаясь остальных броненосцев, двинулся в море на соединение со своими крейсерами. Соединившись с крейсерами, командующий приказал им вступить в кильватер к броненосцам.

Получив сигнал с крейсера «Баян», что из экипажа «Страшного» удалось спасти только 5 человек и что в воде осталось еще несколько человек, Макаров приказал «Баяну» вести русские корабли к месту гибели «Страшного». В 07:58 на горизонте было замечено шесть кораблей противника, идущих на северо-восток. Один японский крейсер под прикрытием миноносцев осматривал место гибели «Страшного».

В 08:15 противник открыл огонь с дистанции 50 кабельтовых. Русский отряд немедленно стал отвечать, идя кильватерной колонной в следующем порядке: «Петропавловск», «Полтава», «Аскольд», «Баян», «Диана» и «Новик».

С приближением русского отряда японцы повернули на 8 румбов вправо на восток и стали удаляться строем фронта, увлекая русские корабли в открытое море из-под прикрытия береговых батарей. Русские корабли в этот момент уже находились в 17 милях на юго-восток от входного Порт-Артурского маяка.

Пока русские корабли продолжали преследовать противника, в 08:40 на юго-востоке появились главные силы адмирала Того в составе 6 эскадренных броненосцев и двух больших броненосных крейсеров «Ниссин» и «Кассуга», которые в этот день впервые появились у Порт-Артура после их приобретения у Италии. На траверзе японской эскадры держался старый броненосец «Чин-Иен».

Курс японцев отчетливо демонстрировал их намерение отрезать русские корабли от Порт-Артура. Возможно, впервые за это полное событиями утро Макаров понял ловушку, расставленную ему адмиралом Того. Немедленно по сигналу с «Петропавловска» эскадра повернула на 16 румбов, на обратный курс к Порт-Артуру.

Крейсерам, минным крейсерам и миноносцам было приказано идти вперед. На внешнем рейде Порт-Артура к «Петропавловску» и «Полтаве» присоединились вышедшие из гавани броненосцы «Пересвет» и «Победа». Противник, не успевший отрезать русские корабли от базы, остановился на горизонте.

Адмирал Макаров приказал миноносцам идти в гавань, а сам, находясь в двух милях от берега, повернул на восток, приказав остальным броненосцам и крейсерам вступить в кильватер «Петропавловску», намереваясь принять бой под прикрытием береговых батарей. Следуя за «Петропавловском», остальные корабли заняли свои места в следующем порядке: «Полтава», «Аскольд», «Баян», «Пересвет», «Победа», «Диана» и «Новик». На левом траверзе «Петропавловска» шли минные крейсера «Гайдамак» и «Всадник». Броненосец «Севастополь», задержавшийся с выходом из гавани, показывался в этот момент в проходе.

По мере того, как корабли занимали свое

место в строю, «Петропавловск», набирая ход, держался в двух милях от северного берега внешнего рейда, идя курсом зюйд-ост-33°. Противник продолжал стоять, не двигаясь, на горизонте. Расстояние до японцев начало постепенно уменьшаться, но в этот момент, в 09:39 «Петропавловск», находясь в двух милях от маяка на Тигровом полуострове, неожиданно взорвался, наскочив на одну из минных банок, поставленных ночью заградителем «Кориу-Мару». (Адмирал Макаров — ведущий специалист по минному делу, возбужденный гибелью «Страшного» и спеша не упустить отряд японских крейсеров, подsunутых ему адмиралом Того в качестве приманки, не отдал приказа протралить рейд перед выходом эскадры!)

Со страшным грохотом, напоминающим заглушенный залп из 12" орудий, над «Петропавловском» мгновенно вырос громадный, в два раза превышающий высоту мачт, столб черного дыма и пламени, в котором совершенно исчезла вся носовая часть броненосца до передней трубы.

Взрыв произошел под носовой башней главного калибра, вызвав детонацию боезапаса и торпед в носовых аппаратах. В результате этого через 3 — 4 секунды после первого взрыва произошел еще один взрыв, сопровождающийся массой огня и желто-бурого дыма. Силою этого взрыва была сорвана носовая башня главно-

го калибра, фок-мачта, передняя труба и часть кожуха. При этом мачта и сорванная труба всей своей тяжестью рухнули на развороченный мостик.

Резко накренившись на правый борт, «Петропавловск» стал стремительно уходить носом в воду. Когда столб дыма и пламени несколько поднялся вверх, вся носовая часть броненосца, мостик и корпус почти до миделя были уже под водой. Поднятая над водой, объятая пламенем корма «Петропавловска» быстро уходила в воду. В это время произошел третий взрыв, который был значительно слабее двух предыдущих. По-видимому, это был взрыв котлов, поскольку вслед за взрывом показалось густое облако пара.

Машины «Петропавловска» продолжали еще работать. Выскочившие наружу винты рассекали воздух, калеча и убивая тех немногих из экипажа броненосца, которым удалось выскочить наверх и попытаться броситься за борт с кормы.

Через 1,5-2 минуты после взрыва «Петропавловск» уже скрылся под водой, оставив после себя медленно расплывающееся в воздухе облако бурого дыма и черное пятнышко на воде с несколькими десятками людей, хватающихся за обломки и барахтающихся в водовороте. Все произошло столь стремительно, что первое мгновение никто на эскадре не понял случив-

шегося. Эскадра остановилась. Очевидец катастрофы, старший офицер крейсера «Диана» капитан 2 ранга Семенов вспоминает:

«... Стоя у правой шестидюймовки носового плутонга, я отдавал обычные распоряжения старшему боцману, когда глухой, раскатистый удар заставил вздрогнуть не только меня, но и весь крейсер. Словно где-то близко хватили из двенадцатидюймовки. Я с недоумением оглянулся... Удар повторился еще грознее... Что такое?... — «Петропавловск!» «Петропавловск!» — как-то жалобно и беспомощно раздались кругов разрозненные, испуганные восклицания, заставившие меня сразу броситься к борту в предчувствии чего-то ужасного... Я увидел гигантское облако бурого дыма и в нем как-то нелепо, наклонно, повисшую в воздухе, не то летящую, не то падающую фок-мачту... Третий удар... Клубы белого пара, заслонившие бурый дым... Котлы! Корма броненосца вдруг стала подниматься так резко и круто, точно он тонул не носом, а переломившись посередине. На мгновение в воздухе мелькнули еще работавшие винты...

Мне казалось, что эта, единственно видимая за тучей дыма и пара, кормовая часть «Петропавловска» вдруг словно раскрылась, и какой-то ураган пламени хлынул из нее, как из кратера вулкана... Даже несколько мгновений после того, как скрылись под водой остатки

броненосца, море еще выбрасывало это пламя...»

Следовавший за «Петропавловском» броненосец «Полтава» резко дал «полный назад». С его палубы вместе с сотней других членов экипажа с ужасом наблюдал за катастрофой лейтенант Ренгартен: «Воздух задрожал от громового, раскатистого звука взрыва. Необъятная масса дыма и воды закрыла всю переднюю часть броненосца — трубы и мачты исчезли куда-то. С неумолимой, потрясающей быстротой погибал огромный корабль, уходя носом в воду... погибал на наших глазах, унося жизни 700 человек, и было дико, мучительно страшно, что уже никакая сила не удержит его...»

«На устах у всех был один вопрос: адмирал! Бога ради, где адмирал?! Спасли его или нет?!»

Опомнившись от шока, экипаж минного крейсера «Гайдамак», который в момент катастрофы находился ближе всех к «Петропавловску», начал спускать шлюпки. В воду полетели спасательные круги и койки. Через 4 минуты к месту гибели флагмана подошли шлюпки с «Полтавы», а затем и с других кораблей эскадры. Спасение людей было крайне затруднено очень сильной зыбью, которой захлестнуло паровой катер с «Полтавы».

Тысячи настороженных глаз следили за сигналами, ожидая сообщения о спасении адмирала Макарова. Минный крейсер «Гайдамак» обнаружил в воде и поднял на борт ши-

нель адмирала, но самого его не нашли.

Спасенный с «Петропавловска» мичман Яковлев рассказал, как в его памяти осталось впечатление, что адмирал Макаров в момент первого взрыва обеими руками закрыл лицо. Было ли это следствием невыносимой боли от ожога или безмерного отчаяния Макарова, понявшего, что произошло — неизвестно.

Сигнальщик Бочков также заявил, что видел адмирала Макарова, лежащего убитым на мостике. Лицо и борода его были в крови. Другой сигнальщик Натанов подтвердил, что видел, как убило адмирала, и тот упал на крыло мостика.

В командование эскадрой вступил младший флагман, контр-адмирал князь Ухтомский, поднявший на «Пересвете» сигнал о перестроении эскадры. В момент перестроения на другой минной банке в 10:10 подорвался броненосец «Победа».

На эскадре началась паника, «строй спутался... корабли сбились в кучу, со всех сторон загремели выстрелы. Среди беспорядочно столпившихся кораблей вздымались столбы воды от падающих снарядов,.. Творилось что-то невообразимое...

Крики: «Конец пришел! Подводные лодки! Всем пропадать! Стреляй! Спасайся» — перекрывали грохот канонады. Обезумевшие люди вытаскивали койки из помещений, отнимали

друг у друга спасательные пояса. «Огонь велся по любому плавающему предмету, убивая еще находящихся в воде людей. Паника на кораблях передалась на берег. Толпы людей бежали к порту, раздавались крики, ругань, рыдания...»

Никогда ни до того, ни после, — записал в своем дневнике капитан 2-го ранга Семенов, — в самых тяжелых условиях войны, не приходилось переживать такого чувства подавленности, такого гнета неотразимого сознания неоправимости разразившегося удара...»

Недостаточно продуманные действия адмирала Макарова дорого обошлись эскадре: один броненосец погиб, второй получил серьезные повреждения. Могло быть, конечно, и хуже. Выведя корабли на минное заграждение противника, Макаров рисковал всем флотом. Катастрофа «Петропавловска» могла завершиться полным разгромом 1-й Тихоокеанской эскадры, если бы на минах подорвались другие корабли и действующий японцы хоть немного активнее. Однако противник, не двигаясь, продолжал стоять на горизонте.

На «Петропавловске» погибли командующий флотом вице-адмирал Макаров, начальник штаба флота контр-адмирал Молаш, начальник военного отдела штаба флота профессор академии Генштаба полковник Агапеев, соратник Макарова, бывший командир ледокола «Ермак» капитан 2-го ранга Васильев, флагманский

минер капитан 2 ранга Шульц, флагманский артиллерист капитан 2 ранга Мякишев, прибывший из Шанхая командир канлодки «Манджур» капитан 2 ранга Кроун, флагманский штурман подполковник Коробицын, флаг-офицеры: лейтенант Дукельский, лейтенант Кубе и мичман Бурачок. Из экипажа броненосца: лейтенанты Лодыгин, Вульф, Кнорринг, мичманы Акимов, Клебек, Окунев, Лепешкин, Шишко, Бодиско, Шмидт, инженер-механики Перковский, Сейпель, Смирнов, корабельные врачи Волкович и Костромитинов, священник Раевский, военные чиновники Шмидт и Ладонов и 620 матросов.

Кроме того, на «Петропавловске» погиб выдающийся русский художник В. В. Верещагин, находившийся там по приглашению адмирала Макарова. (В то время в Порт-Артуре находился еще один талантливый русский художник Кравченко. Он также пытался добиться разрешения выйти в то утро в море на борту «Петропавловска». Адмирал Макаров отказал ему в этом, указав, что гражданскому лицу не место на военном корабле. Разочарованный Кравченко заметил Макарову, что почему для Верещагина сделано исключение. «Василий Васильевич, — отрезал адмирал, — мой личный друг и Георгиевский кавалер». Весьма расстроенный Кравченко изменил свои планы и отправился утром на батарею Золотой Горы, намереваясь сфотографировать ее личный состав, отличив-

шийся в недавнем бою. Ему удалось сделать с Золотой Горы несколько уникальных фотоснимков гибели «Петропавловска».)

Среди спасенных были начальник военноморского отдела штаба флота капитан 2 ранга великий князь Кирилл Владимирович Романов — двоюродный брат царя, командир броненосца капитан 1 ранга Яковлев, лейтенанты Унковский и Иениш, мичманы Шмидт, Яковлев и Шлиппе, а также 73 матроса.

Гибель броненосца «Петропавловск», безусловно, выходит за рамки гибели одиночного корабля при выполнении боевой операции. Не говоря уже о гибели фактически всего штаба и флагманских специалистов, огромного количества документации и архива эскадры, флот мгновенно оказался без боевого, энергичного, агрессивного командующего, без ясного стратегического плана и без руководства.

Создавшаяся после гибели «Петропавловска» обстановка уже делала невозможным выполнение широких замыслов адмирала Макарова. То, что до гибели «Петропавловска» признавалось выполнимым, после гибели уже считалось безумием.

Эскадренный броненосец «Петропавловск» был исключен из списков Русского Флота 7 мая 1904 года. Корабль находился в строю 4 года. После войны по просьбе Русского правительства японцы предприняли водолазные работы

на «Петропавловске» в надежде найти трупы Макарова и Верещагина. Водолазам удалось обнаружить и опознать в кормовой части погибшего корабля труп адмирала Моласа и некоторых других офицеров. Однако ни Макарова, ни Верещагина обнаружить не удалось.

Командиры эскадренного броненосца «Петропавловск» в 1892 -1904 годах.

1892 — 1896 годы — капитан ранга Федотов.

1896 — 1898 годы — капитан 2 ранга Чернышев (и. о.).

1899 — 1902 годы — капитан 1 ранга Грече.

1902 — 1904 годы — капитан 1 ранга Яковлев.

Адмиралы, державшие флаг на броненосце «Петропавловск»:

1901 — 1902 годы — вице-адмирал Скрыдлов.

1902 — 1904 годы — вице-адмирал Старк.

27. 02 — 31. 03. 1904 — вице-адмирал Макаров.

СЕВАСТОПОЛЬ

Севастополь — город в южной части Крымского полуострова, являющийся в XIX и XX веках главной базой Черноморского флота. Во время Крымской войны 1854 — 56 гг. подвергся многомесячной осаде со стороны Союзных сил.

«СЕВАСТОПОЛЬ»

Водоизмещение: 10960 т.

Главные размерения: 114х21, 3х7,9м.

Скорость максимальная: 15 узлов.

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях,

двенадцать 6-дюймовых орудий

(8 в четырех двухорудийных башнях и 4 в казематах),

двенадцать 47-мм,

двадцать восемь 37-мм орудий,

2 десантные пушки,

4 надводных и 2 подводных ТА.

Мощность механизмов: 10600 л. с.

Бронирование: Борта — 229 — 369 мм;

казематы — 127 мм;

башни — 254 мм;

палуба — 51-76 мм;

боевая рубка — 178- 229 мм.

Экипаж (штатный): 26 офицеров и 625 матросов.

Тип: «Полтава».

Эскадренный броненосец «Севастополь» был заложен 22 марта 1892 г. в большом старом эллинге Галерного острова в С.-Петербурге. Строительство корабля велось в рамках изменений 1890 года кораблестроительной программы 1881 года. Постройкой броненосца руководили корабельные инженеры Е. П. Андрущенко и Н. И. Афанасьев. Работы на «Севастополе» финансировались средствами Петербургского порта.

В отличие от других броненосцев этой серии, машины «Севастополя» не были заказаны за границей, а изготовлялись Обществом франко-русских заводов в Петербурге. Артиллерия корабля была заказана Обуховскому заводу, а башенные установки и броня — Металлическому заводу. Другими словами, эскадренный броненосец «Севастополь» полностью создавался в России.

Последнее обстоятельство сразу же привело к тому, что «Севастополь» простоял на стапеле на 7 месяцев дольше остальных броненосцев своего типа, с которыми был заложен почти одновременно.

20 мая 1895 года эскадренный броненосец «Севастополь» был спущен на воду. После спус-

ка выяснилось, что машина броненосца, которая стояла почти вдвое больше обычного, собрана неправильно и существенно ее переделать возможности нет. Переделки в машине и, как обычно, опоздания с поставками необходимого оборудования, сильно замедлили достройку «Севастополя».

До октября 1898 года корабль провел у стенки завода в Петербурге, а затем был переведен в Кронштадт еще без брони и артиллерии.

Достроечные работы на «Севастополе» продолжались до осени 1899 года, после чего броненосец был переведен в Либаву, где провел зиму 1899-1900 гг., готовясь к испытаниям и окончательно отделывая внутренние помещения.

Летом 1900 г. корабль проводил сдаточные испытания в Балтийском море, провел учебные стрельбы и отработал различные прочие задачи боевой подготовки. В процессе сдаточных испытаний выяснилось, что из-за дефектной сборки машины правого борта броненосец способен развить скорость только 14,5 узлов, при этом плохо слушается руля, особенно на циркуляциях.

Все это ставило под сомнение целесообразность посылки броненосца на Дальний Восток. Однако необходимость усиления эскадры Тихого океана была столь острой, что все дебаты на этот счет были прерваны категорическим приказом царя.

15 июля 1900 года эскадренный броненосец «Севастополь» вступил в строй под командованием капитана 1 ранга Мельницкого.

(Стоимость постройки — 10450270 р., машина — 1961000 р. Таким образом, броненосец «Севастополь», будучи самым дорогим кораблем своей серии, был одновременно и самым плохим в техническом отношении.)

Эскадренный броненосец «Севастополь» был зачислен в 15-й флотский экипаж.

Первоначально предполагалось послать «Севастополь» в переход на Тихий океан совместно с броненосцем «Полтава», однако в связи с необходимостью совершить небольшой ремонт в машине «Севастополь» был задержан в Кронштадте, откуда вскоре перешел в Либаву для окончательного ремонта и приема необходимых припасов для дальнего плавания.

10 октября 1900 года эскадренный броненосец «Севастополь» вышел из Либавы, начав переход на Дальний Восток.

Посетив по дороге Брест и Кадикс, «Севастополь» в конце ноября прибыл в Алжир, где соединился с броненосцем «Полтава». В декабре оба броненосца перешли в Пирей, а затем через Суэцкий канал вышли в Индийский океан. В январе 1901 года броненосцы пришли в Аден, откуда после короткой стоянки направились в Коломбо. 26 февраля «Севастополь» и «Полтава» пришли в Сабанг, откуда «Севасто-

поль» один направился в Нагасаки для ремонта машин.

31 марта 1901 года эскадренный броненосец «Севастополь» прибыл в Порт-Артур, войдя в состав эскадры Тихого океана. Апрель — июль 1901 года «Севастополь» провел в Порт-Артуре, а в августе совершил переход во Владивосток, вернувшись в Порт-Артур в октябре для подготовки к крупным учениям.

В ноябре 1901 года «Севастополь» принял участие в крупных общешлотских маневрах в Талиенваньской бухте, а в декабре был выведен в вооруженный резерв в Порт-Артуре.

С декабря 1901 по апрель 1902 года «Севастополь» находился в вооруженном резерве, начав кампанию в середине мая. После осмотра эскадре в Талиенваньской бухте «Севастополь» вышел во Владивосток, посетив по пути Иокогаму.

Июль и август 1902 года броненосец провел во Владивостоке, откуда вышел в сентябре 1902 года совместно с броненосцами «Пересвет» и «Полтава». Посетив по дороге корейский порт Гензан, броненосцы сосредоточились в Талиенваньской бухте, где в октябре 1902 года состоялись очередные учения эскадры Тихого океана, главной целью которых был срыв японских перевозок в Корею в случае войны. После окончания учений «Севастополь» был выведен в вооруженный резерв в Порт-Артуре, в котором

оставался до марта 1903 года, после чего принял участие в учениях и смотрах по случаю приезда в Порт-Артур военного министра, генерала Куропаткина.

Вместе со всей эскадрой «Севастополь» совершил переход в Дальний, а затем во Владивосток, где в августе был снова выведен в вооруженный резерв. В конце сентября 1903 года броненосец вернулся в Порт-Артур, нуждаясь в переборке обеих машин и в ремонте башенных установок орудий главного калибра.

Ремонт корабля шел медленно из-за нехватки производственных мощностей Порт-Артурского порта, так что с сентября по декабрь 1903 года «Севастополь» числился в вооруженном резерве. (В конце ноября 1903 года с броненосца «Севастополь» была отправлена в Сеул для охраны русского посольства рота матросов в составе 55 человек под командованием лейтенанта Климова. Став свидетелями всех драматических событий в Чемульпо, «севастопольцы» вместе с командами «Варяга» и «Корейца», персоналом посольства и казаками были на борту французского крейсера «Паскаль» доставлены в Шанхай, где и интернированы до конца войны.)

18 января 1904 года «Севастополь», исполняя приказ наместника, поднял вымпел, однако ремонт на нем был еще далеко не закончен. Оставалось еще много работы в машине и в обе-

их башнях главного калибра. В силу этих причин «Севастополь» не участвовал в походе эскадры к Шантунгу, оставаясь в Артуре и продолжая ремонт. 23 января 1904 года эскадренный броненосец «Севастополь», окончив ремонт, вышел на внешний рейд Порт-Артура и начал испытания машин. Около 18:00 «Севастополь» вернулся на рейд, встав на свое якорное место (№ 3), и поднял сигнал: «Левая машина работает хорошо, все исправно, проба машин окончена».

Став на свое якорное место по диспозиции, броненосец «Севастополь» имел по носу броненосец «Ретвизан», с правого борта — броненосец «Полтаву» и канонерскую лодку «Гиляк», а с левого борта гораздо мористее — броненосец «Цесаревич».

За кормой «Севастополя», примерно в 20 кабельтовых находился берег.

Напряженная обстановка, характерная для второй половины января, распространившиеся по эскадре слухи, подтверждаемые повальным бегством японцев из Порт-Артура, и указания командования о повышении боевой готовности — все это привело к тому, что в ночь на 26 января командир «Севастополя» капитан 1 ранга Чернышев по собственной инициативе выставил на корабле противоторпедные сети. Однако, как и на «Полтаве», сети пришлось снять после категорического при-

каза командующего эскадрой.

Взрывы японских торпед, подорвавших три корабля эскадры, были слышны на «Севастополе», но на нем, как и на большинстве других кораблей, далеко не сразу поняли, что случилось. После получения сигнала с «Петропавловска» «Севастополь» выслал на помощь «Ретвизану» шлюпки и только что разгруженную угольную баржу.

Утром 27 января при появлении японского флота перед Порт-Артуром броненосец «Севастополь» еще снимался с якоря, когда противник уже открыл огонь.

Следуя за «Петропавловском», «Севастополь» открыл огонь из носовых 12" орудий фугасными снарядами. В 11:45 броненосец развил полный ход, держась постоянно на расстоянии кабельтова от переднего мателота, которым сначала был броненосец «Пересвет», а затем — «Полтава».

«Севастополь» вел огонь по головному, а затем по концевому кораблю противника, израсходовав 10 — 12" и 62-6" снаряда. В процессе этого боя в «Севастополь» попал один 8" снаряд, которым разнесло кормовую дымовую трубу и разбило вельбот. При этом были легко ранены мичман Петров и 2 матроса. После окончания боя, при перестроении эскадры плохо слушавшийся руля «Севастополь» таранил «Полтаву». В результате столкновения сам «Се-

вастополь» повреждений не получил.

После боя 27 января «Севастополь» вместе с другими кораблями эскадры укрылся на внутреннем рейде Порт-Артура, и его боевая деятельность в этот период ограничилась посылкой небольшого десанта в распоряжение командования крепости для патрулирования побережья. Характерно, что в отличие от большинства других командиров кораблей, командир «Севастополя» не получил награды за бой 27 января в связи со столкновением с «Полтавой», хотя в этом не столько вина командира, сколько строителей «Севастополя».

Приезд адмирала Макарова в Порт-Артур ознаменовался бомбардировкой рейда и крепости японским флотом. Бомбардировка существенных повреждений не причинила, но в ходе ее один крупный снаряд попал в левый борт «Севастополя». Этот снаряд не смог пробить броню и никаких повреждений не причинил.

27 февраля 1904 года эскадра под флагом адмирала Макарова впервые после начала войны предприняла выход в море. «Севастополь» вышел на рейд последним в 7 часов утра (выход начался в 04:45) и занял свое место третьим в колонне броненосцев, в кильватер броненосцу «Полтава».

Этот выход в море, хотя и продемонстрировал адмиралу Макарову исключительно низкое состояние боевой подготовки личного со-

става эскадры на всех уровнях, для самой эскадры имел большое значение, подняв боевой дух офицеров и матросов после звонкой оплеухи, полученной от презираемых «япошат» 26 января.

На следующий день при появлении японского флота перед Порт-Артуром броненосец «Севастополь» вместе со всей эскадрой вышел на внешний рейд в «малую» воду, т. е. до полного прилива, что еще более подняло боевой дух эскадры, поскольку ранее этого никогда не удавалось сделать. В этот же день была успешно отражена попытка японского флота бомбардировать Порт-Артур перекидным огнем из-за Ляотешаня. По мере того, как повышалась активность русской эскадры, японский флот с каждым днем действовал все менее решительно, перенеся основной упор на ночные операции брандеров-заградителей.

13 марта 1904 года Макаров вывел эскадру в поход к островам Мяо-Тао, предполагая заняться эскадренными эволюциями и одновременно, впервые за всю войну, потревожить тактические линии японских морских коммуникаций.

Эскадренный броненосец «Севастополь» вышел на рейд последним из всех кораблей, в 7 часов утра. При подходе к островам Мяо-Тао, пока русские крейсера проверяли перехваченные торговые суда, адмирал Макаров начал эскадренные учения, обращая особое внимание на

практику совместного плавания. Броненосцы маневрировали, постоянно меняя курсы и скорость, отрабатывая последовательные повороты и повороты «все вдруг». При выполнении очередного маневра, в 09:45, броненосец «Пересвет», следуя в кильватер за «Севастополем», несколько растянул строй, а затем, желая занять свое место, увеличил ход до полного, не рассчитал движения и ударил тараном под углом 20° в кормовую часть левого борта «Севастополя».

Удар согнул левый гребной винт «Севастополя» и произвел подводную пробоину, через которую начала поступать вода, к счастью, быстро остановленная водонепроницаемыми переборками. «Пересвет», в свою очередь, повредил себе форштевень. После столкновения «Севастополь» вышел на некоторое время из строя, но вскоре снова занял свое место в колонне броненосцев. Однако после столкновения двух броненосцев адмирал Макаров решил прекратить поход и вернул эскадру в Порт-Артур, куда она прибыла в 12:30.

Столкновение «Севастополя» и «Пересвета» вызвало сильный гнев адмирала Макарова. Хотя совершенно очевидно, что в столкновении был виноват «Пересвет», от командования был отстранен командир «Севастополя» капитан 1 ранга Чернышев, который, по-видимому, слишком горячо отстаивал свою правоту. Известную роль в этом, безусловно, сыграла и интрига меж-

ду Макаровым и адмиралом Алексеевым, которые желали видеть на посту командиров кораблей своих протеже.

16 марта 1904 года командиром броненосца «Севастополь» был назначен бывший командир крейсера «Новик» капитан 2 ранга Николай Оттович Эссен — впоследствии один из наиболее выдающихся адмиралов Русского Флота, командующий Балтийским флотом, который приложил невероятные усилия, чтобы заставить русских моряков опомниться от страшного шока русско-японской войны.

Капитан 2 ранга Эссен уже был известен как храбрый и даже несколько бесшабашный командир быстроходного, легкого крейсера, однако настоящую славу, которая предопределила будущую судьбу этого замечательного офицера, ему принесло командование тихоходным, неуклюжим и искалеченным «Севастополем». «Признаться, — пишет в своих воспоминаниях Эссен, — принимать броненосец, притом еще в достаточной степени искалеченный, мне было далеко не по сердцу».

Дефектная сборка машин «Севастополя» и повреждение гребного винта от столкновения с «Пересветом» привели к тому, что броненосец мог теперь развить скорость не более 10 узлов. Однако адмирал Макаров решил не выводить «Севастополь» из строя для ремонта до ввода в строй «Цесаревича» и «Ретвизана», предпола-

гая затем поставить «Севастополь» на длительный капитальный ремонт, т. е. фактически исключить его из боевых действий.

В роковой день, 31 марта 1904 года, броненосец «Севастополь» долго не мог выполнить приказ о выходе на внешний рейд из-за сильного ветра, мешавшего ему развернуться носом к проходу. Только в 09:30 с помощью семи портовых буксиров «Севастополь» начал выходить на внешний рейд. В тот момент, когда «Севастополь» показался в проходе, произошла катастрофа с «Петропавловском».

Последний сигнал, набранный флагами по приказу адмирала Макарова, который не успели поднять на «Петропавловске»:

«Севастополю» встать на якорь».

После гибели адмирала Макарова командование эскадрой принял наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Алексеев. Прибытие в Порт-Артур нового командующего совпало с третьей бомбардировкой японцами крепости перекидным огнем через Ляотешань. В 08:30 временно командующий эскадрой контр-адмирал князь Ухтомский поднял сигнал: «Приготовиться к бою на якоре».

Броненосец «Севастополь», стоя у северной стенки Восточного бассейна на швартовых, открыл огонь из орудий главного калибра, руководствуясь указаниями корректировочного поста.

Первый залп «Севастополя» лег недолетом, второй — также недолетом, поскольку артиллерийские дальнометы броненосца системы Барра и Струда были рассчитаны на расстояние 70 кабельтовых, а корабли противника находились на дистанции 110 кабельтовых.

Третий залп «Севастополя», данный при угле возвышения орудий 15° лег с еще большим недолетом, разорвавшись на рейде и засыпав осколками Тигровый полуостров и стоящие около него собственные корабли. При этом сломался станок одного 12" орудия носовой башни главного калибра, так как при откате орудия увеличившимся давлением сломало контр-шток компрессора. В результате этого орудие ударило о заднее связное кольцо станка, сорвав с болтов накатники и переломив фундаментную раму.

Исправить повреждение в Порт-Артуре было невозможно. В дополнение ко всем своим бедам несчастный корабль лишился одного (из четырех) орудия главного калибра.

На следующий день, 3 апреля 1904 года, на броненосце «Севастополь» поднял свой флаг принявший командование эскадрой наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев. В связи с гибелью практически всего штаба флота на «Петропавловске», адмирал Алексеев сформировал новый штаб во главе с контр-адмиралом Витгефтом.

Среди прочих мероприятий, идущих в разрез с планами покойного адмирала Макарова, новое руководство флотом решило отремонтировать броненосец «Севастополь», у которого был погнут винт и не действовало одно 12" орудие в носовой башне.

Для исправления винта был построен специальный кессон-колокол, а в Петербурге был заказан новый станок для 12" орудия. Исправление винта было завершено к 15 мая, а о новом орудийном станке из Петербурга пришлось забыть, поскольку 23 апреля японцы начали высадку десанта в Бидзыво и развернули боевые действия, с тем чтобы блокировать Порт-Артур с суши. В предвиденьи этого адмирал Алексеев получил приказ царя срочно выехать из Порт-Артура, что он и сделал, временно до прибытия адмирала Скрыдлова из Севастополя передав командование эскадрой своему начальнику штаба контр-адмиралу Витгефту, флаг которого был поднят на «Севастополе» 22 апреля 1904 г.

Как командир флагманского корабля капитан 2 ранга Эссен одновременно начал исполнять обязанности флаг-капитана командующего и был произведен в капитаны 1 ранга.

Оставаясь флагманским кораблем эскадры, «Севастополь» стал местом наиболее важных совещаний, на которых совместно с представителями армии обсуждались новые задачи фло-

та в свете изменившейся стратегической обстановки.

22 апреля на «Севастополе» состоялось совещание флагманов и командиров, на котором, помимо прочих решений, было принято решение послать минный заградитель «Амур» для постановки мин на пути блокирующего Порт-Артур японского флота.

1 мая 1904 г. в 14: 25 на мачте броненосца «Севастополь» взвился сигнал: «Амуру» идти по назначению. Идти осторожно». (На выставленных «Амуром» минах 2 мая подорвались и погибли японские броненосцы «Хатцузе» и «Яши-ма», что было фактически единственным светлым пятном на мрачном фоне поражений и неудач этой войны.

Тут необходимо заметить, к слову, что считавшийся крупным минным специалистом адмирал Макаров так ни разу толком не использовал находящийся в его распоряжении прекрасный минный заградитель, каким был «Амур», а «нерешительный и безвольный» штабист Витгефт в первый же день своего командования принял решение, которое при благоприятных обстоятельствах могло бы изменить весь ход войны.)

2 мая 1904 г. в 10:45 на броненосце «Севастополь» был поднят сигнал: «Флот извещается, что японский броненосец взорвался на mine». Как только этот сигнал был разобран, на кораб-

лях и на берегу загредело такое неистовое «ура», что, казалось, прорвалось наружу все нервное напряжение людей, порожденное долгими месяцами постоянных военных неудач. Затем сигналом с «Севастополя» было передано поздравление командиру «Амура» капитану 2 ранга Иванову.

То, что адмирал Витгефт не воспользовался катастрофой японских броненосцев и не добил остатки японского отряда, объясняется прежде всего тем, что гибель японских кораблей была для русских не менее неожиданным событием, чем для самих японцев.

Надо еще не забывать, что из всех русских броненосцев в тот момент в строю находилась только «Полтава», а в японском отряде, кроме крейсеров, находился гораздо более мощный броненосец «Шикишима».

Сама боевая деятельность броненосца «Севастополь» до падения Кинджоу ограничилась посылкой к Дальнему своего катера для постановки мин.

После падения Кинджоу, когда Порт-Артур был отрезан со стороны суши, на броненосце «Севастополь» состоялось несколько совещаний для решения вопроса о дальнейших действиях флота.

Вопреки мнению большинства командиров кораблей командир «Севастополя», капитан 1 ранга Эссен решительно высказался за выход

эскадры в море и прорыв из блокированного Порт-Артура во Владивосток. Поскольку капитан 1 ранга Эссен занимал пост флаг-капитана командующего, его несогласие с мнением адмирала Витгефта привело к тому, что 25 мая 1904 года Эссен был освобожден от обязанностей флаг-капитана, и командующий перенес свой флаг с «Севастополя» на броненосец «Цесаревич», который к этому времени закончил ремонт.

После перенесения флага броненосец «Севастополь» перешел в Западный бассейн, уступив свое место у стенки Восточного бассейна «Цесаревичу».

Между тем исправление винта на «Севастополе» было окончено, броненосец на пробе машин показал скорость 14,5 узлов. Для введения противника в заблуждение 12" орудие было установлено в башне на фальшивой станине из деревянных брусьев.

10 июня 1904 года, понукаемый приказами сверху, адмирал Витгефт вывел эскадру в море, надеясь воспользоваться ослаблением японского флота после гибели двух броненосцев и дать генеральное сражение, деблокировав Артур с моря. В 4 часа утра эскадра начала выход на внешний рейд — первый выход после гибели адмирала Макарова.

Броненосец «Севастополь» занял свое традиционное место в кильватер «Пересвету», бу-

дучи 5-м в колонне броненосцев, имея за собой броненосец «Полтаву». Выход эскадры проводился очень медленно, что дало возможность адмиралу Того подтянуть силы к Порт-Артуру и перехватить русских всего в 20 милях от берега. При появлении японского флота адмирал Витгефт не решился принять бой и приказал повернуть обратно в Порт-Артур.

С наступлением темноты эскадру атаковали японские миноносцы, отбитые артиллерийским огнем кораблей, причем в рапорте командира «Севастополя» говорится о потоплении одного миноносца противника. Атаки миноносцев противника продолжались и тогда, когда русские корабли прибыли на свои якорные места на внешнем рейде Порт-Артура.

При подходе к якорной стоянке в темноте броненосец «Севастополь», не рассчитав скорости, слишком близко подошел к следовавшему впереди «Пересвету» и, чтобы избежать столкновения с ним, вынужден был уклониться влево. При выполнении этого маневра «Севастополь» в 21:35 наскочил на японскую мину.

С левого борта у носовой башни главного калибра почувствовался сильный удар, корабль приподняло, и громадный столб воды, поднявшись выше мачт, обрушился грязным водопадом на ходовой мостик. «Севастополь» грузно опустился носом и стал крениться на левый борт, откуда-то повалил густой черный дым с

удушливым запахом. Среди команды броненосца началась паника.

Матросы «Севастополя», бывшие свидетелями катастрофических последствий минных взрывов на «Петропавловске» и «Хатцузе», кинулись спускать шлюпки, расхватывая койки и спасательные пояса. Двое матросов выбросились за борт и позднее были подобраны шлюпками крейсера «Новик». Однако благодаря энергичным и спокойным действиям старшего офицера «Севастополя» капитана 2 ранга Бахметьева и лейтенантов Бестужева-Рюмина и Василисина панику удалось прекратить.

Была сыграна водяная тревога, плавсредства приготовлены к спуску и броненосец, освещая путь прожектором, полным ходом направился к западному берегу рейда, встав на якорь на глубине 6 сажен, подойдя почти вплотную к берегу. При движении к берегу выяснилось, что привод штурвала на мостике заклинило стрелой для спуска шлюпок, которая прижала привод к конусам, показывающим положение руля. Пока это выяснилось, корабль управлялся машинами, а затем управление было передано на боевой штурвал в рулевое отделение при помощи прибора Гейслера.

От взрыва мины начался пожар в погребе 6" башни, а переборка подбашенного отделения башни главного калибра вспучилась под напором воды, грозя прорваться. Затопление подба-

шенного отделения неминуемо бы привело броненосец к гибели.

Все гибельные последствия взрыва мины были предотвращены решительными действиями инженер-механика Белова, который сразу же после взрыва, рискуя жизнью, спустился в наполненное удушливыми газами подбашенное отделение, быстро подкрепив с помощью матросов-добровольцев переборки и люки затопленных отсеков, а затем выровнял крен затоплением бортовых коридоров правого борта. (За этот подвиг инженер-механик Белов был награжден высшей офицерской наградой — орденом Святого Георгия 4-й степени.)

Погасив огни, «Севастополь» встал под берегом в бухте Белого Волка и оставался невидимым для японских миноносцев, которые продолжали атаковать русскую эскадру до рассвета.

Утром 11 июня броненосец «Севастополь» на буксире портовых баркасов вслед за тралящим караваном вошел в гавань Порт-Артура и отшвартовался в Восточном бассейне.

После осмотра водолазами подводной части броненосца выяснилось, что корабль получил подводную пробоину ниже броневых поясов, между 23 и 30 шпангоутами, размером 14 на 12 футов. При этом были затоплены погреб 6" башни, угольная яма № 1 и соответствующие бортовые коридоры. От взрыва пострадали два матроса, отравленные удушливыми газами.

Поскольку в Порт-Артуре не было дока для ремонта броненосцев, снова, который раз за войну, встал вопрос о постройке кессона для ремонта «Севастополя». Однако в связи с трудоемкостью работ по постройке кессона было решено использовать старый кессон, построенный в свое время для ремонта броненосца «Ретвизан», который, правда, необходимо было несколько переделать для подводки под «Севастополь».

Между тем японцы, продолжая теснить русские войска, выходили на ближние подступы к Порт-Артуру.

Становилось совершенно очевидным, что в случае падения крепость станет могилой флота. Поэтому высшее командование в лице адмирала Алексеева настоятельно требовало от командования эскадры прорыва во Владивосток.

Командование эскадры, страшась решительного боя с японским флотом, всячески уклонялось от выполнения приказа, ссылаясь на неготовность различных кораблей, в частности «Севастополя».

Последовал приказ наместника: «На броненосце «Севастополь» вести работы день и ночь, дабы закончить исправление в кратчайший срок»... «Тотчас по исправлении «Севастополя» выйти в море и... идти во Владивосток».

К переделке «ретвизановского» кессона

приступили немедленно, но работы двигались медленно и только 25 июня кессон был подведен под «Севастополь».

На следующий день, 26 июня, рано утром, в кессоне произошел пожар при срезке ацетиленом рваных краев пробоины. Считается, что вспыхнули частицы пороха, разбросанные при взрыве мины 10 июня. Загорелись трос и парусина, пламя через пробоину перекинулось в жилые помещения, где вспыхнули койки и столы. Пожар был потушен через 35 минут при помощи шлангов, поданных с броненосцев «Цесаревич» и буксира «Силач».

Окончание ремонта «Севастополя» совпало с первой бомбардировкой японцами Порт-Артура с суши.

Сбив русские войска с Волчьих гор и установив на склонах этих гор полевую артиллерию, японцы 25 июля открыли огонь по гавани из 120-миллиметровых орудий, добившись попаданий в некоторые корабли. Ответный огонь с кораблей оказался малоэффективным.

Необходимость выхода в море стала совершенно очевидной. Адмирал Витгефт назначил выход в море на 27 июля, однако дату выхода пришлось отложить на сутки, так как «Севастополь» не мог к этому времени успеть снять кессон и принять необходимые запасы боевого снаряжения.

Весь день и всю ночь 27 июля броненосец

«Севастополь» грузил боеприпасы и уголь, а также устанавливал дополнительные орудия, снятые с подорвавшегося на mine крейсера «Баян».

Работы велись под огнем японских батарей, обстреливавших город и рейд в течение всего дня.

28 июля 1904 года в 05:00 эскадра начала сосредотачиваться на внешнем рейде, готовясь к прорыву.

Эскадренный броненосец «Севастополь», выйдя на рейд в 07:50, в 08:15, подчиняясь приказу с «Цесаревича», занял свое место в строю в кильватер броненосцу «Пересвет», предпоследним в колонне броненосцев.

Из четырех 12-дюймовых орудий на корабле действовало 3, а из 12 шестидюймовых — только 6.

Около полудня русская эскадра была перехвачена японским флотом и началось знаменитое сражение в Желтом море.

Броненосец «Севастополь» в 12:15 открыл огонь из орудий главного калибра, а по мере уменьшения дистанции до противника ввел в действие и 6-дюймовые орудия.

При первом боевом соприкосновении в «Севастополь» попал только один крупный снаряд, который вдавил одну из плит бортовой брони. Когда японцы около 15:00 зашли под корму русской эскадры, засыпав снарядами концевые корабли «Севастополь» и «Полтаву», 12-дюймо-

вый снаряд с «Севастополя» попал в японский броненосный крейсер «Якумо», нанеся ему значительные повреждения и убив 22 человека.

После того, как сражающиеся эскадры разошлись контркурсами и бой временно прервался, на броненосце «Севастополь» были приняты передаваемые по линии семафором приказы адмирала Витгефта: «Ночью прожекторами не светить», «Стрелять по головному» и «С заходом солнца следить за адмиралом».

С началом второй фазы боя, броненосец «Севастополь», выполняя приказ командующего, открыл огонь по головному кораблю противника — броненосцу «Микаса». Однако трудность корректировки огня вынудили капитана I ранга Эссена перенести огонь на третий корабль в японской колонне — броненосец «Шикишима» и, пристрелявшись по нему, снова перенести огонь на «Микасу».

Японцы, сосредоточив вначале свой огонь на головных кораблях русской эскадры, затем постепенно стали переносить его на концевые.

В 17:35 двенадцатидюймовый снаряд попал в левый борт «Севастополя» около 6-дюймовой кормовой башни и вывел из строя все электрооборудование для заряжания орудий этой башни.

Снаряды в башню пришлось подавать вручную, что привело к многочисленным жертвам в личном составе. Снаряды продолжали засыпать

броненосец, решетя трубы, подбивая орудия и калеча людей. С мостика был сбит дальномер и уничтожен верхний компас.

Пробив борт, крупный снаряд попал в кают-компанию, полностью ее разрушив. Начался пожар. Несколько снарядов разбили фок-мачту, уничтожили и все шлюпки броненосца, и три прожектора. Улетела за борт грот-стенга вместе с антенной беспроводного телеграфа.

Около 18:00 осколки крупного снаряда проникли в боевую рубку, тяжело ранив рулевого и сигнальщика и легко — артиллерийского офицера, лейтенанта Оwandера. Из-за повреждения дымовых труб упала тяга, скорость корабля уменьшилась до 12 узлов.

После выхода из строя броненосца «Цесаревич» на «Севастополе» вначале не могли понять в чем дело, но видя, что строй нашей эскадры пришел в полное расстройство, а противник, воспользовавшись этим, открыл по сбившимся в кучу кораблям убийственный огонь, капитан 1 ранга Эссен в первый момент решил выйти из строя и идти на сближение с противником. Однако от этого пришлось отказаться, так как была выведена из действия одна кочегарка и скорость хода броненосца упала до 10 узлов.

Сигнала о передаче командования контр-адмиралу Ухтомскому на «Севастополе» не за-

метили, поскольку он был поднят в тот момент, когда на броненосце бушевал сильный пожар, дым от которого окутал мостик, мешая сигнальщикам.

. Строй эскадры рассыпался. Не обращая внимания на сигналы младших флагманов, пытающихся навести порядок после гибели адмирала Витгефта, корабли один за другим поворачивали обратно к Порт-Артуру.

«Севастополь» также повернул обратно в Порт-Артур. Шедший в сторону флагманский броненосец «Цесаревич» начал понемногу перегонять «Севастополь». Не зная, что командование эскадрой передано контр-адмиралу Ухтомскому, капитан 1 ранга Эссен попытался семафором запросить у «Цесаревича» разрешения идти во Владивосток самостоятельно, но ответа не получил. Когда уже совсем стемнело, к «Севастополю» подошли крейсер «Паллада» и миноносец «Бойкий». Эссен голосом спросил командира

«Паллады», согласен ли он вместе с «Севастополем» следовать во Владивосток. Капитан 1 ранга Сарнавский ответил, что следует соединиться с эскадрой и идти к Порт-Артуру.

Некоторое время «Севастополь», «Паллада» и «Бойкий» шли вместе. «Цесаревич» скрылся в темноте. Была слышна орудийная канонада и видны вспышки выстрелов в разных направлениях между северо-западной и

юго-восточной частью горизонта, главным образом в направлении прорыва «Аскольда» и «Новика».

Ночь была темная, но ясная. Не имея компасов, «Севастополь» шел, ориентируясь по полярной звезде.

Вскоре начались атаки миноносцев противника, которые неожиданно выскакивали из темноты, сближаясь с «Севастополям» на дистанцию выстрела из 75-миллиметровых орудий.

Уклоняясь от атак, броненосец каждый раз поворачивался к миноносцу кормой и увеличивал ход, не открывая при этом огня, чтобы не быть обнаруженным другими японскими миноносцами.

Маневрируя таким образом, «Севастополь» уходил от направленных в него торпед, отбрасывая их струей винтов, но зато потерял в темноте «Палладу» и «Бойкий». Курсы свои броненосец прокладывал таким образом, чтобы идти в Порт-Артур не по прямой линии, а по параллелям и тем самым избежать встреч с миноносцами противника, целые флотилии которых ринулись под прикрытием темноты в атаку на остатки деморализованной и рассеянной русской эскадры.

Капитан 1 ранга Эссен рассчитал ход «Севастополя» таким образом, чтобы быть на меридиане Порт-Артура и в 20 милях от него к 4 часам утра и тем самым уклониться от возмож-

ной встречи с противником, который мог выдвинуть свои корабли к островам Мяо-Тао. «Севастополь» плохо слушался руля, постоянно рыскал вправо.

Утром, когда рассвело, при осмотре повреждений выяснилось, что несколько стрел сетевого ограждения правого борта упали в воду и бороздили, мешая рулю.

К 4 часам утра «Севастополь» вышел на меридиан Порт-Артура в 15 милях от него и, продвигаясь вперед малым ходом, в 5 часов утра был уже в 11 милях от базы.

В начале шестого налетевшей дождевой шквал закрыл горизонт. Когда видимость улучшилась, с «Севастополя» заметили броненосец «Ретвизан», стоявший под берегом в бухте Тахэ. В 06:00 «Севастополь» встал на стоп-анкер с перлинем в 5 милях от Порт-Артура и сигналом запросил выслать тралы.

Скоро к броненосцу подошли и стали на якорь крейсер «Паллада», миноносец «Бойкий» и госпитальное судно «Монголия». С моря показались идущие к Ляотешаню в кильватерном строю броненосцы «Победа», «Пересвет» и «Полтава».

Из Порт-Артура был выслан тралящий караван, который заведя тралы, взорвал несколько мин в районе стоянки «Севастополя», причем некоторые из них оказались в непосредственной близости от броненосца, а одна

взорвалась под самым носом, так что корабль испытал сильное сотрясение всего корпуса. Затем тралящий караван пошел навстречу идущим с моря броненосцам, а с «Севастополем» были оставлены только миноносцы 2 отряда с заведенными тралами. Когда тралы миноносцев, зацепившись за что-то, оборвались, впереди броненосца осталась только пара портовых катеров с тралами.

На рейде было замечено много плавающих мин. Некоторые из них были взорваны и уничтожены огнем с катеров, две пронесло течением перед носом «Севастополя», которому пришлось дать задний ход, чтобы на них не наткнуться.

Наконец к 10 часам утра «Севастополь» благополучно добрался до входа в порт и, войдя на внутренний рейд с приспущенным флагом, встал на бочки в Западном бассейне.

В сражении 28 июля на «Севастополе» было ранено 2 офицера (лейтенанты Бестужев-Рюмин и Черкасов) и 60 матросов, из которых несколько человек умерло еще до возвращения в Порт-Артур.

Лейтенант Бестужев-Рюмин, командуя казематной батареей 6-дюймовых орудий, был тяжело ранен несколькими осколками, когда руководил тушением пожара на батарейной палубе. После перевязки доблестный офицер снова вернулся в строй, не переставая принимать

деятельное участие во всех работах, пока «Севастополь» не отшвартовался в гавани.

В ходе боя 28 июля и при отражении атак миноносцев «Севастополь» израсходовал 78 двенадцатидюймовых, 206 шестидюймовых башенных, 117 шестидюймовых казематных и 390 снарядов мелкой артиллерии.

Корабль принял некоторое количество воды, главным образом, от разошедшихся в нескольких местах швов обшивки, что было вызвано сотрясением от попадания японских снарядов в броневой пояс.

В одной из разбитых шлюпок «Севастополя» был обнаружен неразорвавшийся японский 6-дюймовый снаряд, а на мостике — кусок ствола 6-дюймового японского орудия, которое, по-видимому, было оторвано при выстреле и улетело на броненосец вместе со снарядом.

На вернувшихся в Порт-Артур кораблях царило уныние. Война, к которой в ее предвиденьи никто серьезно не относился, война, которая всем представлялась в виде серии блистательных побед, превратилась для флота в бесконечную череду поражений и неудач.

После возвращения эскадры в Порт-Артур роль флота была сведена окончательно к нулю.

Некогда могучая Тихоокеанская эскадра, которая во всех предвоенных планах быстро и решительно захватывала господство на море,

стала не более, чем придатком сухопутной обороны обреченной крепости.

При распределении участков сухопутной обороны между кораблями «Севастополю» была выделена оборона Ляотешаньского хребта с вершинами 218 и 200.

Броненосец передал на сухопутный фронт 6 шестидюймовых, одно 120-миллиметровое, шесть 2,5-дюймовых, четыре 37-миллиметровых и три 47-миллиметровых орудия, а также 3 прожектора.

Для обслуживания орудий и прожекторов с корабля было списано 123 человека. Одновременно на корабле велись работы по исправлению повреждений, полученных 28 июля, а также выделялись люди и средства на тральные работы.

29 июля 1904 года японские войска развернули наступление на Порт-Артур по всему фронту. В отражении атак противника, в бомбардировке японских сухопутных батарей, тылов и обозов приняли участие все броненосцы эскадры.

«Севастополь», выполняя заявки сухопутного командования, вел огонь по позициям противника 30 июля, с 1 по 9 августа, выпустив за этот период в общей сложности двадцать четыре 12-дюймовых и сто четыре 6-дюймовых снаряда.

В отражении августовского штурма приняла участие десантная рота броненосца «Севас-

тополь» в составе мичманов Петрова и Бухэ и 280 матросов.

9 августа броненосец «Севастополь» получил приказ выйти в море и подавить японскую батарею в бухте Тахэ, которая своим огнем беспокоила правый фланг сухопутной армии и мешала работе тралящего каравана. Для точного определения места этой батареи капитан 1 ранга Эссен предварительно вышел в море на миноносце «Расторопный».

10 августа 1904 года в 08:55, дождавшись подной воды, «Севастополь» начал выходить из гавани, имея на борту лишь 300 человек экипажа. Уже 320 матросов и офицеров броненосца находились на сухопутном фронте. В виду малочисленности экипажа, а также с учетом того, что предстоящий поход должен был проводиться в водах, где противник постоянно выставлял мины, к орудиям были заблаговременно поданы снаряды, а все погреба тщательно задраены. К люкам и дверям были поставлены дополнительные упоры.

Для эскортирования и обеспечения действий «Севастополя» вместе с ним на бомбардировку батареи противника были посланы миноносцы «Выносливый», «Властный», «Стройный», «Скорый», «Разящий», «Смелый», «Статный», «Сторожевой» и «Расторопный».

От содействия канонерских лодок капитан 1 ранга Эссен отказался. Выйдя из Гавани, «Се-

вастополь» встал на рейде в ожидании тралящего каравана, который несколько задержался, буксируя вытраленные утром мины к бухте Белого Волка.

Не дождавшись тралящего каравана, капитан 1 ранга Эссен приказал 4 миноносцам сопровождения идти с тралами впереди «Севастополя» по направлению к бухте Тахэ. Броненосец двинулся малым ходом за тралами, держась в 1,5 милях от берега, прокладывая курс между берегом и границей минного заграждения, которое по имеющимся сведениям было выставлено японцами предыдущей ночью.

За кормой «Севастополя» два миноносца отмечали буйками протраленный фарватер, а один миноносец был послан в бухту Белого Волка для передачи приказа тралящему каравану немедленно идти к бухте Тахэ для обеспечения возвращения броненосца в гавань после окончания операции.

Сразу же после выхода «Севастополя» на рейд на горизонте появился отряд японских кораблей в составе старого броненосца «Чин-Йен», броненосных крейсеров «Ниссин» и «Касуга», легких крейсеров «Сума» и «Мацусима», двух канонерок и 28 миноносцев.

Противник открыл огонь по «Севастополю» с дистанции 9 миль, причем их снаряды давали даже перелеты, в то время как орудия «Севастополя», стрелявшие только на 7,5 миль, от-

вечать на огонь противника не могли.

Именно это побудило капитана 1 ранга Эссена начать движение, не ожидая тралящего каравана. С началом движения «Севастополя» корабли противника отошли, видимо, полагая, что вслед за «Севастополем» в море выйдут и другие броненосцы эскадры.

В 10:50 «Севастополь» вышел на огневую позицию в бухте Тахэ. Миноносцы сопровождения открыли огонь по берегу, чем вызвали ответный огонь японских батарей. Это позволило более точно засечь их место. При ответном огне батарей в «Севастополь» попал один 120-миллиметровый снаряд, но не пробив палубной брони, разорвался наверху, не причинив никаких повреждений.

В 10:58 броненосец «Севастополь» с дистанции 35 кабельтовых открыл огонь по японским батареям из 12-дюймовых и 6-дюймовых орудий, выпустив 7 двенадцатидюймовых и 60 шестидюймовых снарядов.

Одна батарея противника, состоявшая из десяти 120-миллиметровых орудий быстро была подавлена и замолчала.

Пока «Севастополь» вел огонь по береговой батарее, на него несколько раз пытались выйти в атаку японские миноносцы, но были отогнаны огнем орудий правого борта.

В это время броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга» снова сблизились с «Севасто-

полем» и открыли огонь с дистанции 75 кабельтовых, взяв броненосец в артиллерийскую вилку. В этой обстановке капитан 1 ранга Эссен принял решение вернуться в Порт-Артур под защиту береговых батарей крепости.

При повороте на обратный курс в 11:20 у миноносцев, идущих впереди «Севастополя», лопнули тралы и в непосредственной близости от борта «Севастополя» прошли поплавки тралов с плавающей посреди них огромной сфероконической миной.

Мина была расстреляна огнем 47-миллиметрового орудия броненосца и взорвалась, подняв огромный столб воды и черного дыма, засыпав корабль осколками. Пока миноносцы заводили новые тралы, «Севастополь» пытался развернуться машинами, по возможности на месте, чтобы вернуться к Порт-Артуру по обозначенному буйками фарватеру.

В этот момент из бухты Белого Волка появился тралящий караван, который, не дойдя метров 500 до «Севастополя», развернулся и пошел к Порт-Артуру, предлагая броненосцу следовать в своей струе.

Продолжая вести огонь по берегу и по кораблям противника, «Севастополь» двигался обратно в гавань по протраленному фарватеру, буйки которого оказались снесенными с места сильным прибрежным течением.

В 11:45, находясь в 1,5 милях к югу от Кре-

стовой батарее, броненосец «Севастополь» левой скулой коснулся японской мины. Взрыв пришелся под носовой башней главного калибра, подняв столб воды и был выше клотика форстенги. Броненосец грузно сел носом и стал валиться на левый борт.

Решительными действиями дивизиона борьбы за живучесть крен броненосца удалось остановить.

Вода, затопив 5 отсеков, в том числе погреб 12-дюймовых снарядов и 2 угольные ямы, была остановлена водонепроницаемыми переборками. Экипаж, помнящий о взрыве 10 июня, вел себя спокойно, никаких признаков паники не было.

Стараясь как можно точнее держаться в струе тралящего каравана, чтобы не наскочить еще на одну мину, «Севастополь» пришел на внешний рейд Порт-Артура, куда на помощь ему уже были присланы портовые буксиры. Пришлось снова стать на якорь, поскольку в тралях каравана взорвалось еще несколько мин и необходимо было завести новые тралы.

Остановкой «Севастополя» и скоплением около него нескольких малых судов воспользовались японские крейсера, открыв огонь с дистанции 80 кабельтовых. К счастью, бездействовали миноносцы противника.

Под огнем противника, не причинив-

шем, впрочем, никакого вреда, «Севастополь» в 12:40 снялся с якоря и пошел в гавань вслед за тралящим караваном, причем уже в самом проходе в тралах взорвалась еще одна мина.

В 13:50 «Севастополь» был введен в гавань и встал на бочку в Западном бассейне. Осмотр водолазами повреждений показал, что полученная кораблем пробоина находится очень близко от прежней, полученной 10 июня.

На следующий день начались работы по перестройке старого кессона. Броненосец снова надолго вышел из строя.

Адмирал Н. О. Эссен позднее писал: «Я был очень удручен всем случившимся. Только два месяца прошло после получения броненосцем первой пробоины. Сколько было потрачено труда и забот для исправления... и вот предстоял снова тяжелый труд с перспективной работать под огнем противника во время бомбардировок... Пробоина оказалась несколько глубже и ближе к корме, нежели первая; и по величине значительно больше, причем вмятость подводной части корабля доходила до самого киля».

Командующий эскадрой не разрешил сразу приступить к исправлению повреждений броненосца, поскольку предпринятый японцами штурм требовал постоянной артиллерийской поддержки кораблями сухопутной обороны крепости. «Севастополь» был переведен в Восточ-

ный бассейн, откуда своим огнем поддерживал правый фланг сухопутной армии.

Старый, переделанный в свое время «рет-визановский» кессон был доставлен на Тигровый полуостров, куда еще не залетали снаряды противника, и начались работы по его новой перестройке.

Чтобы обеспечить безопасность корабля от бомбардировок с суши, палуба «Севастополя» была блиндирована мешками с углем и полудюймовыми листами корабельной стали. В отражении августовских штурмов получила боевое крещение на сухопутном фронте рота «севастопольцев» под командованием мичмана Василия Петрова, оборонявшая редут № 1.

21 августа в палубу юта «Севастополя» попал 120-миллиметровый снаряд, тяжело ранил одного матроса, но не пробил блиндированной палубы.

24 августа под «Севастополь» был подведен кессон и начались работы по вводу броненосца в строй. Для этой цели корабль снова был переведен в Западный бассейн, где большая в сравнении с Восточным глубина позволила вести работы независимо от высокой или малой воды.

Однако пребывание «Севастополя» в Западном бассейне было прервано усилившимися бомбардировками рейда, интенсивность которых резко возросла после захвата противником 7 сентября Длинной горы, откуда

просматривалась часть Западного бассейна.

В течение двух дней, 15 и 16 сентября, в броненосец попало семь 120-миллиметровых снарядов, что вынудило перевести корабль в ночь с 16 на 17 сентября обратно в Восточный бассейн.

18 сентября 12-дюймовое орудие «Севастополя», у которого был поврежден станок, было передано на броненосец «Полтава» для замены вышедшего из строя.

19 сентября 1904 года на Порт-Артур обрушились 11-дюймовые снаряды японской осадной артиллерии. Огонь велся пока вслепую, корректируемый только засланными в крепость китайцами-лазутчиками.

4 октября первый такой снаряд настиг «Севастополь», попав в палубу перед носовой башней главного калибра, пробив ее и разорвавшись в цепном ящике. В результате была разбита якорь-цепь, повреждена и прогнута батарейная палуба, вмята жилая палуба и разорван бимс.

6 октября в «Севастополь» попало три 11-дюймовых снаряда.

Один из них попал в люк над камбузом, пробил два блиндировочных листа, прошел через две палубы, уничтожив электромотор одной из лебедек, и, не разорвавшись, лег в жилой палубе.

Два других снаряда ударили в броню правого борта на миделе, в результате чего от ра-

зошедшихся броневых плит оказались затопленными водой бортовые коридоры. От сильного сотрясения корабля потек подведенный под пробоину кессон.

11 октября в «Севастополь» попало несколько 120-миллиметровых снарядов, которые, разорвавшись о блиндированную палубу, не нанесли серьезных повреждений.

14 октября 11-дюймовый снаряд попал в мостик «Севастополя» и, разорвавшись, засыпал осколками корабль, пробив в двух местах палубу и ранив трех рабочих, выходящих из кессона. Для уменьшения количества попаданий снарядов противника в «Севастополь» капитан 1 ранга Эссен до начала очередной бомбардировки, а иногда и во время ее, перетягивал корабль на концах вдоль стенки.

Не видя «Севастополя», японцы вели огонь по месту, указанному заблаговременно китайцами-разведчиками. Сведения о смене броненосцем места, по-видимому, приходили в японские штабы со значительным опозданием.

Пока на «Севастополе» шли ремонтные работы по заделке минной пробоины, все новые и новые офицеры и матросы броненосцев уходили на форты и батареи сухопутного фронта. Постепенно наращивая ярость атак, японцы медленно, но верно вгрызались в систему обороны Порт-Артура.

Порожденная Крымской войной традиция

посылать экипажи боевых кораблей в огонь сухопутных сражений при полном бездействии самих кораблей, не претерпела каких-либо изменений через полстолетия в Порт-Артуре, равно как и через полстолетия после Порт-Артура в годы второй мировой войны. Плохо, а порой совсем необученные сухопутному бою моряки несли большие потери.

Отбивая атаку японцев на батарею зитера «Б», погиб старший офицер броненосца «Севастополь», капитан 2 ранга Бахметьев.

«Севастопольцы» сражались на форту № 3, на укреплении № 2, на Высокой горе и на многих других участках сухопутной обороны. В решительных сражениях за Высокую был смертельно ранен командир «севастопольской» десантной роты, мичман Василий Петров и контужен его помощник, мичман Шнакенбург. Командование десантниками приняли мичман Александров и инженер-механик Лосев.

А между тем оставшийся на «Севастополе» экипаж (менее 100 человек) продолжал ремонтировать свой корабль, участвовал в тральных работах и нес сторожевую службу на катерах в проходе. 24 октября ремонт на «Севастополе» был окончен, и кессон отведен. Корабль снова вошел в строй и включился в бомбардировку японских позиций.

22 ноября после ожесточенных боев пала гора Высокая и начался расстрел стоящих на

внутреннем рейде кораблей русской эскадры. Объятые пламенем, они один за другим тонули на мелководье внутреннего рейда, чтобы через несколько месяцев воскреснуть под японскими флагами.

Предвидя эти события, капитан 1 ранга Эссен обратился 23 ноября к новому командующему эскадрой контр-адмиралу Вирену с просьбой разрешить «Севастополю» выйти на внешний рейд. Вирен отказал, мотивируя отказ теми соображениями, что выход «Севастополя» из гавани потребует отъезда с сухопутного фронта офицеров и матросов его экипажа и, в конечном счете, не принесет большой пользы обороне крепости.

В последующие дни с «Севастополя», как и с других кораблей эскадры, свозили по приказу адмирала боезапас, продовольствие и личные вещи экипажа.

К вечеру 25 ноября из всех крупных кораблей эскадры в строю остался только «Севастополь». Остальные были потоплены огнем осадной артиллерии противника.

Ирония судьбы!

«Севастополь» — калека от рождения, самый несчастливый корабль эскадры, почти всю войну провел, ремонтируя многочисленные боевые и небоевые повреждения, вдруг оказался единственным боеспособным кораблем, пример которого продемонстрировал всем осталь-

ным, что можно было бы умереть и менее позорной смертью.

Вечером 25 ноября капитан 1 ранга Эссен, прибыв на назначенное адмиралом Виреном совещание, снова стал настаивать на разрешении ему выйти на рейд, поскольку завтра «Севастополю», повидимому, придется разделить общую участь — быть расстрелянным 11-дюймовыми снарядами. Удрученный гибелью эскадры адмирал Вирен махнул рукой и сказал Эссену:

«Поступайте, как знаете».

Прямо из штаба командующего Эссен по телефону передал на «Севастополь» приказ приготовиться к выходу к Золотой Горе, обозначить фарватёр и развести боновое ограждение.

Никто из присутствующих на совещании командиров и флагманов не поддержал Эссена, но те, от кого это зависело, нехотя, согласились оказать ему посильное содействие.

Вернувшись на «Севастополь» к 10 часам утра, Эссен приказал немедленно изготовить корабль к выходу из гавани. К полудню броненосец развел пары и с помощью портовых буксиров начал вытягиваться из бассейна.

Засвежевший ветер развел в проходе большую волну. Буксиры захлестывало, и они не могли действовать против волны.

Отдав концы буксиров, «Севастополь» собственным ходом двинулся в проход. Из-за свежей погоды наружный бон не удалось развести.

Времени на ожидания уже не оставалось, наступало время отлива.

Набирая ход, «Севастополь» разорвал неразведенный бон тараном и вышел на внешний рейд, где встал на якорь, ожидая катеров с тралами. Так и не дождавшись их, броненосец снялся с якоря и перешел в бухту Белого Волка, где снова стал на якорь рядом с канонерской лодкой «Отважный», семью миноносцами и буксирным пароходом «Силач».

Это было все, что осталось от огромной и мощной 1-й Тихоокеанской эскадры.

Сразу же после постановки на якорь вокруг «Севастополя» было развернуто сетевое ограждение, дополненное временными сетями с носа так, что незащищенной оставалась только корма.

В этот же день с сухопутного фронта на корабль была отозвана часть экипажа «Севастополя», что довело личный состав броненосца до 300 человек. Начались работы по возвращению на «Севастополь» выгруженного накануне боезапаса и по развертыванию нового сетевого ограждения.

План капитана 1 ранга Эссена, по его собственным словам, сводился к следующему:

«У меня была мысль, — пишет в своих воспоминаниях командир «Севастополя», — воспользоваться темной ночью или снежной пургой, прорвать блокаду, дойти к рассвету до

мыса Шантунг и взять курс на юг... Я полагал, добравшись до Циндао, погрузить уголь или заказать пароход с углем на один из островов Чузанского архипелага к югу от Шанхая. Затем, погрузив уголь, идти вокруг Формозы на соединение с эскадрой Рожественского. Конечно, трудно сказать, насколько мне бы удалась подобная авантюра.

Впоследствии я узнал, что адмирал Того со всеми броненосцами сторожил прорыв «Севастополя» в море.

Однако последующие события помешали выполнению моего плана...»

С утра 26 ноября противник, не заметив из-за пасмурной погоды отсутствия в Восточном бассейне «Севастополя», принялся расстреливать место прежней стоянки броненосца, выпустив по этому месту около трехсот 11-дюймовых снарядов.

Придя в бухту Белого Волка и выставив сетевое заграждение, «Севастополь» был приведен в полную боевую готовность. Корабль стоял, потушив все огни, около орудий бесшумно несли вахту комендоры, командир и артиллерийские офицеры не уходили с мостика. На берегу были развернуты прожекторные станции в дополнение к прожекторам, находящимся на кораблях.

Днем 26 ноября противник узнал о выходе «Севастополя». Адмирал Того, выяснив обста-

новку, приказал 9-му и 15-му отрядам миноносцев в течение ночи произвести торпедную атаку на последний русский броненосец.

Около полуночи миноносцы 9-го отряда «Аотока», «Кари» и «Касасаги» приблизились к месту стоянки «Севастополя» и поочередно выпустили по одной торпедой в смутно видимый на северо-западе силуэт броненосца, 15-й отряд подошел к бухте около часа ночи, но ослепляемый прожекторами, не обнаружил «Севастополя» и вернулся на базу.

С русских кораблей подход миноносцев противника в эту ночь замечен не был, поскольку миноносцы проходили на очень большом расстоянии.

Днем 27 ноября катерами с «Севастополя» была задержана большая китайская джонка с бегущими из Порт-Артура китайцами.

Убедившись, что атаки предыдущей ночи не дали никаких результатов, адмирал Того отдал приказ о новой атаке на «Севастополь» в ночь с 27 на 28 ноября. Атаку должны были произвести миноносцы 10-го, 14-го, 15-го и 20-го отрядов. Однако из-за штормовых условий погоды назначенная атака не состоялась.

В ночь с 28 на 29 ноября погода несколько улучшилась и 15-й отряд японских миноносцев, действуя под прикрытием 1 отряда истребителей, после полуночи предпринял новую атаку на «Севастополь». Миноносцы «Хабари»,

«Саги» и «Удзура» с дальней дистанции выпустили в «Севастополь» по торпедо, ни одна из которых в цель не попала. Остальные миноносцы были обнаружены с береговых постов, обстреляны и отошли, не выпустив торпед.

Утром 29 октября катерами с «Севастополя» был встречен и приведен в Артур английский пароход «Кинг-Артур», который, выйдя из Бомбея, прорвал японскую блокаду и доставил в осажденную крепость 50000 пудов муки.

В ночь с 29 на 30 ноября противник предпринял третью торпедную атаку на «Севастополь» силами 14-го и 20-го отрядов миноносцев, двух минных катеров и отряда прикрытия.

Миноносцы 20-го отряда, обнаруженные береговыми постами, ринулись в атаку сквозь огонь, открытый береговыми батареями и «Севастополем».

Пробиваясь через заградительный огонь русских, японские миноносцы, выходя в точку примерно в 1500 метрах от броненосца, выпускали торпеды и исчезали в темноте.

Два миноносца получили сильные повреждения от огня «Севастополя». Один из них — миноносец № 64 — лишился хода и был приведен на базу на буксире миноносца № 65.

Около 4 часов утра начали действовать минные катера с броненосцев «Микаса» и «Фудзи». Им удалось сблизиться с «Севастополем» на очень небольшую дистанцию и в упор выпус-

тить в броненосец по торпеде. Только после этого катера были замечены и обстреляны. Получив незначительные повреждения, оба катера самостоятельно вернулись на базу.

Обе торпеды попали в «Севастополь». Одна застряла в сетях и, не взорвавшись, затонула. Вторая, взорвавшись в сетях, причинила подводную пробойную ширину в 90 см, в результате чего было затоплено помещение подводных торпедных аппаратов «Севастополя».

Утром 30 ноября пробойна была заделана деревянным пластырем и затопленное помещение осушено.

Днем 30 ноября «Севастополь» завел с кормы к берегу стоп-анкер и получил возможность подтянуться к берегу кормой, насколько позволяла глубина. В этот же день носовая часть броненосца была дополнительно защищена боновым заграждением.

Ночью с 30 ноября на 1 декабря погода резко испортилась, задул свежий ветер с пургой. Перед бухтой Белого Волка был развернут дозор русских миноносцев и минных катеров.

Пять миноносцев противника подходили к бухте, но не смогли из-за пурги выйти в атаку. Выпустив торпеды с дальней дистанции, миноносцы отошли. При этом миноносец № 53 подорвался на mine и погиб со всем экипажем.

В ночь с 1 на 2 декабря погода улучшилась, лишь после полуночи пошел снег.

В эту ночь по приказу адмирала Ямада в атаку на «Севастополь» были брошены все имеющиеся в распоряжении блокадного флота миноносцы 2-го, 6-го, 9-го, 10-го, 12-го, 14-го, 15-го, 16-го и 21-го отрядов, а также минный катер с броненосца «Фудзи».

Как только скрылась луна и пошел снег, бросились в атаку миноносцы 6-го и 12-го отрядов. Ослепляемые прожекторами и засыпаемые снарядами с «Севастополя», японские миноносцы упорно шли к цели, исчезая в снеговых зарядах и снова появляясь из них, призрачно светясь в лучах прожекторов.

«Картина была поразительная, — вспоминает участник боя лейтенант Дмитриев, — японцы, несмотря на слепившие их прожектора, на убийственный огонь наших орудий, неумолимо шли вперед, поддерживая расстояние, как на маневрах.

Подойдя ближе, выпускали торпеды и затем в том же порядке уходили на юго-восток. В этом стройном движении была такая уверенность много и хорошо плавающих людей, что невольно вырывалось:

«Ловко идут! Равнение как держат! Точно по дальномеру!» Когда имеешь дело с таким противником, то любая удача еще более поднимает дух».

Пробившись через заградительный огонь, головной миноносец № 56, подойдя к «Севас-

тополю» на предельно близкое расстояние, выпустил в броненосец торпеду. Следующий за ним миноносец № 58, получив 20 попаданий, все-таки вышел на дистанцию залпа и выпустил торпеду. Шедший концевым миноносец № 52 выпустил две торпеды.

«Стоял страшный грохот, — пишет лейтенант Дмитриев, — около «Севастополя» то и дело поднимаются огромные столбы воды, закрывая броненосец, но он продолжает стоять без крена, значит, торпеды взрываются в сетях».

Около 2 часов ночи в атаку пошли миноносцы второй волны «Хибари», «Саги», «Удзура» и «Хаситака», затем третьей, четвертой и пятой. Огнем с «Севастополя» и миноносцев был поврежден миноносец № 49 и потоплен миноносец № 42.

Шестой волной бросились в бой миноносцы 14-го отряда «Чидори», «Касасаги» и «Манадзуру» и последними — миноносцы 9-го отряда «Аотака», «Цубаме», «Кари» и «Хато».

«Севастополь» вел убийственный огонь орудиями всех калибров.

В миноносец «Аотака» попало несколько снарядов, разбита носовая кочегарка, двое матросов убито и трое ранено.

На «Цубаме» разбита правая машина, один матрос убит и шестеро ранено.

Выходя из атаки «Кари» столкнулся с «Аотака», при этом оба миноносца получили се-

рзные повреждения.

В эту ночь в атаку на «Севастополь» в общей сложности шло 23 миноносца противника и один минный катер. Около 30 торпед было выпущено в «Севастополь» и в его охранение.

Пять торпед попали в развернутые вокруг броненосца противоторпедные сети. При этом четыре торпеды взорвались.

Одна торпеда прошла между бонами с носа «Севастополя» и взорвалась в навесной сети, спущенной на особых стрелах для ограждения форштевня. Взрывом была повреждена обшивка около тарана и затоплено все таранное отделение.

В ночь со 2 на 3 декабря началась шестая торпедная атака на «Севастополь». На этот раз миноносцы противника одновременно выходили в атаку с разных курсовых углов.

Ночь была темной, шел густой снег. Атаку начали около 3 часов ночи миноносцы 2-го отряда № 37, 36 и 49. Не сразу найдя из-за сильного снегопада русский броненосец, миноносцы, пробившись в итоге через снег и заградительный огонь, выпустили в «Севастополь» торпеды. При этом получил попадание снарядом миноносец № 46, на котором было убито 3 человека.

Из миноносцев 21-го отряда сумел выйти в атаку только миноносец № 44, на котором находился командир отряда капитан-лейтенант Эои. Под прикрытием снегопада миноносец

сблизился с «Севастополем» и в упор выпустил в броненосец торпеду. Снарядом с «Севастополя» капитан-лейтенант Эзои был разорван на куски, но миноносцу удалось вернуться на базу. Следующим пошел в атаку 14-й отряд.

Шедший головным миноносцем «Чидори» в густом снегу проскочил мимо «Севастополя» и выпустил торпеду в пароход «Кинг-Артур», а затем атаковал и подорвал торпедой миноносец «Сторожевой».

Следующий за «Чидори» миноносец «Хаябуса» выпустил торпеду, сблизившись с «Севастополем» настолько, что с миноносца ясно видели его якорь-цепь.

Концевые миноносцы «Касасаги» и «Манадзуру», пробившись через заградительный огонь, также выпустили свои торпеды почти в упор и скрылись в снеговом заряде.

В ходе этой атаки в «Севастополь» попало три торпеды, из которых одна взорвалась в сетях бона, вторая — в бортовых сетях, а третья попала в незащищенную сетями кормовую часть броненосца. Эта третья торпеда произвела сильные разрушения в корме, затопив рулевое, румпельное и провизионное отделения. При этом был поврежден кожух дейдвудной трубы и произведена подводная пробоина 3х1,5 сажени (5,4х2,8 м).

«Севастополь», получив сильный дифферент на корму, отдал левый якорь и начал под-

тягиваться к берегу до тех пор, пока корма не села на грунт. При взрыве торпеды был потоплен паровой катер, стоявший на бакштове у броненосца, на котором погиб один матрос.

Полученные «Севастополем» повреждения были настолько серьезными, что его ремонт с помощью кессона мог потребовать не менее месяца.

По проекту корабельного инженера Кутейникова приступили к изготовлению особого легкого пластыря для заделки торпедной пробойны в корме. От пробойн, а также от сотрясений, которые получил корпус корабля при взрывах в сетях многочисленных торпед, броненосец тек, как решето.

При приливе вода на «Севастополе» поднималась выше жилой палубы и сравнивалась с уровнем воды за бортом. В малую воду крен «Севастополя» доходил до 8 градусов, в полную — уменьшался до 4 градусов.

Капитан 1 ранга Эссен, убедившись, что корабль не может более принести пользы на море, приказал свезти на берег всю артиллерию малого калибра и большую часть экипажа. Оставшийся на броненосце экипаж работал по заделке мелких пробойн, чтобы уменьшить крен корабля.

Через несколько дней «Севастополь» открыл огонь из орудий главного калибра по позициям противника на горе Высокой, что

было для японцев большой неожиданностью, поскольку они считали броненосец смертельно поврежденным и предполагали, что он не сможет вести огонь через близко расположенные к нему горы. В результате ответного огня «Севастополь» получил еще 10 попаданий крупными (8-дюймовыми) снарядами.

Действия броненосца «Севастополь» были отмечены приказом командующего Квантунским укрепленным районом генерала А. М. Стесселя, в котором говорилось:

«Гордитесь, славные воины, подвигом броненосца «Севастополь», подвигом героя-командира капитана 1 ранга Эссена, гг. офицеров и команды. Пусть в сердцах ваших этот славный подвиг займет место и пусть каждый из вас с гордостью будет передавать родине и потомству, как броненосец «Севастополь»... героически отбивал атаки 20 неприятельских миноносцев... Ура героям броненосца «Севастополь»!»

Вывод из строя последнего броненосца русской эскадры японскими миноносцами был отмечен рескриптом Микадо, присланным адмиралу Того: «Находящиеся под Порт-Артуром наши отряды миноносцев, в течение нескольких ночей подряд, не взирая на ветер и снег и преодолевая неприятельскую оборону, атакывали неприятельский броненосец... и без всякого замешательства стойко исполнили свои обязанности, талантливо управлялись и проявили при-

мер храбрости... Мы глубоко радуемся проявленной в этом деле горячей преданности наших доблестных моряков».

На это адмирал Того ответил:

«По поводу незначительных действий вверенных мне миноносных отрядов против оставшихся на плаву кораблей противника Ваше Величество соизволили всемилостивейше даровать рескрипт. Совершенно не будучи в состоянии сдержать чувства благодарности, отряды миноносцев... приложат еще большие старания, чтобы оправдать такую высокую милость».

А между тем в Порт-Артуре приближаясь развязка.

Погиб генерал Кондратенко. Пали форты.

До последнего момента «Севастополь» вел огонь по позициям противника. Вечером 19 декабря капитан 1 ранга Эссен получил по телефону секретный приказ адмирала Вирена уничтожить корабли в связи в предстоящей капитуляции. Капитан 1 ранга Эссен вспоминает:

«На позициях и фортах воцарилась зловещая тишина. Время от времени доносились глухие удары. То взрывались в гавани наши корабли, минные, артиллерийские склады и мастерские порта.

Сообщив о полученном приказе командирам «Отважного» и «Силача», я приказал свозить на берег все командные вещи, оставшиеся запасы и всю лишнюю команду. Затем прика-

зал разводиться пары, так как решил потопить корабль на глубине, чтобы он не достался противнику... Перед рассветом все работы были закончены.

Полная вода приходилась на 5 часов утра. «Севастополь» был на плаву и начал сниматься с якоря. Сетевой бон, находившийся впереди «Севастополя», был поставлен так прочно, что пароход «Силач» был не в состоянии отбуксировать его и очистить путь броненосцу.

Буксиры рвались, а бон не двигался с места. Я решил идти и сорвать бон тараном. Стали сниматься с якоря — якорный канат потянул за собой бон, и шпиль сломался.

Все сложилось против нас. Бон не разводился, шпиль сломан, якоря поднять нельзя, руль не действует...

Однако все затруднения удалось преодолеть. Якорный канат был отклепан, подан буксир на «Силач», дан ход машинами, — бон потащили за собой.

На «Севастополе» оставалось только 40 человек экипажа.

Мы отошли от берега к Ляотешаню на глубину 25 сажен. Были отданы буксиры, вся команда посажена в катер и трюмным было приказано открыть кингстоны.

Старший офицер обошел все палубы и помещения, чтобы убедиться, что все покинули корабль. Затем он сошел с броненосца на катер

с трюмным механиком и оставшейся командой.

Я остался один. «Севастополь» быстро погружался и кренился.

Не было никакого сомнения, что броненосец скоро опрокинется и затонет. Тогда к борту погибающего «Севастополя» подошел «Силач», я пересел на него и мы отошли от броненосца.

Было около 8 часов утра. На горизонте виднелись миноносцы противника... Крен «Севастополя» быстро увеличивался на правый борт, Палуба вошла в воду — все на ней посыпалось. Но вот корабль зачерпнул трубами и сразу опрокинулся...

Красная подводная часть его показалась на минуту на поверхности, таран приподнялся, корма грузно опустилась, и броненосец исчез под водой. Некоторое время продержалось на поверхности светлое пятно. Всплывали разные вещи. Наконец все исчезло.

Многострадальный «Севастополь» перестал существовать...»

После капитуляции крепости офицеру с «Севастополя» лейтенанту Басову удалось спасти флаг корабля. Избитый осколками флаг передан Морскому кадетскому корпусу, а затем — в Военно-морской музей.

Эскадренный броненосец «Севастополь» был исключен из списков Русского Флота 15 сентября 1905 года.

Корабль находился в строю 4 года.

**Командиры эскадренного броненосца
«Севастополь». 1892 — 1904 годы.**

1892 — 1893 годы — капитан 1 ранга Скрыгин.

1894 год — капитан 1 ранга Остелецкий.

1895 — 1896 годы — капитан 1 ранга Дикер.

1897 — 1898 годы — капитан 1 ранга Гаупт.

1898 — 1901 годы — капитан 1 ранга Мельницкий.

1902 — 1903 годы — капитан 1 ранга Феодосьев (по октябрь).

1903 — 1904 годы — капитан 1 ранга Чернышев (по март).

1904 год — капитан 1 ранга Эссен (с 16 марта по 20 декабря).

**Русские адмиралы, державшие флаг
на броненосце «Севастополь»:**

С 3 апреля по 22 апреля 1904 года — адмирал Е. И. Алексеев.

С 22 апреля по 25 мая 1904 года — контр-адмирал В. К. Витгефт.

ПОЛТАВА

Полтава — город на Украине, в районе которого 27 июня 1709 года произошло сражение между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII, закончившееся полным разгромом шведов.

«ПОЛТАВА»

Водоизмещение: 10960 т.

Главные размерения: 114, 3х21, 3х7, 9 м.

Скорость максимальная: 17 узлов.

Мощность механизмов: 11255 л. с.

Вооружение:

четыре 12-дюймовых орудия в башнях,
двенадцать 6-дюймовых орудий
(8 в четырех двухорудийных башнях и
4 в казематах),

двенадцать 47-мм и

двадцать восемь 37-мм орудий,

2 десантные пушки,

4 надводных и 2 подводных ТА.

Бронирование:

борта — 229 — 389 мм,

казематы — 127 мм;

башни — 254 мм,
палуба — 51 — 76 мм,
боевая рубка — 178 — 229 мм.

Экипаж (штатный):

28 офицеров и 610 матросов.

Тип: «Полтава»

Эскадренный броненосец «Полтава» был заложен 15 февраля 1892 года в специально построенном для этой цели новом эллинге нового адмиралтейства в Петербурге.

Строительство корабля велось в рамках изменений 1890 года кораблестроительной программы 1881 года.

Постройкой броненосца руководили корабельные инженеры Янковский и Леонтьев. Работы по строительству «Полтавы» финансировались правительством.

Машины для нового броненосца были изготовлены в Англии машиностроительным заводом «Гомфрейс», артиллерия — Обуховским заводом, а броня и башенные установки — Металлическим заводом в Петербурге.

Строительство броненосца «Полтава» ознаменовало впервые в практике русского военного кораблестроения начало постройки по одному проекту относительно крупной серии броненосцев.

В основу проекта кораблей типа «Полтава» было положено усиление сосредоточенности

артиллерийского огня, для чего артиллерия вспомогательного калибра была расположена в башнях, что позволяло вести огонь из двух 12-дюймовых и четырех 6-дюймовых орудий с носа и с кормы. Подобная система расположения артиллерии главного и вспомогательного калибров уже применялась в США и во Франции.

При проектировании броненосцев типа «Полтава» был учтен зарубежный опыт, однако этот опыт получил творческое развитие, особенно в расположении, конструкции и защите орудийных башен вспомогательного калибра.

В западных военно-морских кругах корабли типа «Полтава» назывались броненосцами улучшенного типа «Индиана» (США).

Как и на броненосце «Сисой Великий», на броненосце «Полтава» массивные, полые мачты служили вентиляционными шахтами, а установленная между дымовыми трубами так называемая стрела Тамперлея демонстрировала оригинальное, хотя и не совсем удачное, решение по расположению прожекторных площадок и деррик-кранов для спуска спасательных плавсредств.

Корабли типа «Полтава», выполненные по одному проекту, различались высотой труб, что особенно бросалось в глаза на фоне установленной между труб стрелы, которая на всех броненосцах имела стандартный размер. Так, на «Петропавловске», имевшем самые высокие трубы,

эта стрела была значительно ниже их уровня, на «Полтаве» находилась на одном уровне с трубами, а на «Севастополе» — значительно выше дымовых труб.

25 октября 1894 года броненосец «Полтава» был спущен на воду.

Достройка броненосца «Полтава», как и всех кораблей этого типа, шла чрезвычайно медленно как из-за опозданий с поставками заводов контрагентов, так и из-за плохой организации труда и низкого качества работ на заводе.

Летом 1895 года корабль был отбуксирован в Кронштадт, в гавани которого достроечные работы продолжались до января 1897 года.

Низкое качество монтажа котлов и механизмов привело к тому, что многие работы пришлось делать заново, в результате чего весь 1897 и большую часть 1898 года «Полтава» провела в Кронштадте и только в сентябре 1898 года, еще без артиллерии вспомогательного калибра, вышла, наконец, на ходовые испытания.

На ходовых испытаниях машины броненосца развили мощность в 11255 л. с., что на 655 л.с. превышало проектную.

Зиму 1898 — 1899 гг. броненосец «Полтава» находился на паровом отоплении в Кронштадте, одновременно заканчивая установку артиллерии и торпедных аппаратов.

Летом 1899 года корабль проводил в Бал-

тийском море и Финском заливе окончательные сдаточные испытания, отрабатывая при этом различные задачи боевой подготовки.

Зиму 1899 — 1900 гг. броненосец «Полтава» провел на паровом отоплении в Либаве, где, наконец, закончил все достроечные работы, а также исправил ряд дефектов, которые выявились в процессе испытаний.

3 июня 1900 года броненосец «Полтава» вошел в строй под командованием капитана 1 ранга Озерова. (Сдаточными испытаниями «Полтавы» руководил капитан 1 ранга Невинский.)

Стоимость постройки броненосца «Полтава» — 9560410 р. (машина — 1254855 р.).

События на Дальнем Востоке, связанные с участием России в подавлении Боксерского восстания в Китае и с обострением общей политической обстановки в этом районе, требовали постоянного усиления русской эскадры Тихого океана. Поэтому, едва войдя в строй, броненосец «Полтава» получил приказ следовать в Порт-Артур.

3 октября 1900 года эскадренный броненосец «Полтава» покинул Кронштадт, начав переход на Дальний Восток.

Посетив по пути Шербур и Алжир, «Полтава» в декабре 1900 года пришел в Пирей, совершив переход туда из Алжира совместно с броненосцем «Севастополь».

Далее, через Суэцкий канал, Аден, Коломбо и Сабанг броненосцы следовали вместе, придя в Сабанг в конце февраля 1901 года. Затем корабли разошлись — «Севастополь» отправился в Нагасаки, а «Полтава» — в Гонконг, куда он прибыл 18 марта 1901 года.

25 марта броненосец «Полтава» вышел из Гонконга и 30 марта 1901 года бросил якорь на рейде Порт-Артура, войдя в состав эскадры Тихого океана.

С приходом броненосца «Полтава» на Дальний Восток силы русской эскадры Тихого океана были доведены до 5 эскадренных броненосцев, которые в мае 1901 года провели крупные учения в Талиенваньской бухте, отрабатывая задачи совместного маневрирования и боя.

В июне 1901 года броненосец «Полтава» совместно с броненосцем «Наварин» и крейсером «Россия» совершил поход во Владивосток, посетив по пути Нагасаки.

Корабль оставался во Владивостоке до сентября 1901 года, а затем вернулся в Порт-Артур, где в ноябре состоялись очередные эскадренные учения в Талиенваньской бухте.

В январе — феврале 1902 года броненосец «Полтава» совместно с броненосцем «Петропавловск» посетил ряд портов Кореи и Японии, в том числе Иокогаму и Нагасаки.

В апреле корабли вернулись в Порт-Артур, а в мае броненосец «Полтава» принял участие в

очередных общefлотских учениях в Талиенваньской бухте, на которых отрабатывался план вице-адмирала Скрыдлова по срыву японской высадки на территорию Кореи.

После окончания учений в июне 1902 года броненосец «Полтава» совершил переход во Владивосток, где до сентября простоял в вооруженном резерве.

В середине сентября 1902 года «Полтава» был выведен из резерва и совместно с броненосцами «Севастополь» и «Пересвет» (флагман) направился в Порт-Артур, посетив по дороге корейский порт Гензан.

Приняв в октябре 1902 года участие в очередных учениях в Талиенваньской бухте, броненосец «Полтава» в ноябре был выведен в вооруженный резерв в Порт-Артуре, в котором оставался до марта 1903 года.

В апреле 1903 года броненосец принял участие в очередных маневрах эскадры в Талиенваньской бухте, на которых отрабатывался измененный план действий в случае конфликта с Японией.

Руководил учениями командующий эскадрой вице-адмирал О. В. Старк.

В июне — июле 1903 года броненосец «Полтава» вместе со всей эскадрой участвовал в различных смотрах, учениях и походах по случаю приезда в Порт-Артур военного министра генерала Куропаткина, который инспектировал со-

стояние крепости и флота.

«Полтава» вместе со всей эскадрой совершила поход из Порт-Артура в Дальний, а затем перешла во Владивосток, где в июле сосредоточилась эскадра Тихого океана.

Август и сентябрь 1903 года броненосец «Полтава» провел во Владивостоке в вооруженном резерве, а в начале октября перешел в Порт-Артур.

В середине ноября 1903 года броненосец «Полтава» вместе с флагманским кораблем эскадры «Петропавловск» под эскортом двух эсминцев и канонерской лодки совершил демонстративный поход в Чемульпо, что вызвало большое недовольство в Петербурге, где шли переговоры с японцами, которых старались не раздражать воинственными выходками, дабы не привести дело к войне.

21 ноября русский отряд пришел на рейд Чемульпо, где к нему примкнул крейсер «Боярин», стоявший там стационаром. После окрика из Петербурга отряд вернулся в Порт-Артур.

В декабре 1903 года и январе 1904 года броненосец «Полтава» оставался единственным находящимся в строю броненосцем эскадры Тихого океана — все остальные были выведены в вооруженный резерв.

Интересно отметить, что в ответ на бесконечные запросы как штаба наместника, так и

штаба эскадры разрешить в связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке сокращение программы «вооруженного резерва», т. е. ввести корабли в строй, — Главный морской штаб 14 января 1904 года, за две недели до начала войны — прислал в штаб заместника циркуляр, которым извещал русское командование о решении Государственного совета значительно сократить ассигнования по смете Морского министерства. В силу этого Главный морской штаб предписывал «уменьшить расходы по плаванию кораблей на 1,5 миллиона рублей дополнительно». Это означало, что корабли эскадры Тихого океана отныне могли плавать только 4 месяца и 3 недели в году, а 7 месяцев и 1 неделю стоять в резерве.

И только война помешала осуществить эти «грандиозные планы» экономии.

21 января 1904 года броненосец «Полтава» участвовал в походе эскадры к Шантунгу и 22 января вернулся в Порт-Артур, встав на свое место в глубине диспозиции. С правого борта «Полтавы» находился флагманский броненосец «Петропавловск», а с левого борта — броненосец «Севастополь». С носа по створу «Полтавы» стоял крейсер «Баян», а за кормой «Полтавы» — канонерская лодка «Гиляк».

26 января 1904 года «Полтава» по приказу адмирала сдала в порт на хранение деревянные

шлюпки и все лишние огнеопасные предметы, приняв на борт стальные листы для защиты орудий противоминной артиллерии.

После того, как по эскадре распространился слух о разрыве дипломатических отношений между Россией и Японией, командир броненосца «Полтава» капитан 1 ранга Успенский по собственной инициативе приказал выставить на корабле противоторпедные сети. Узнав об этом, командующий эскадрой посетил «Полтаву», выразил свое резкое неудовольствие командиру корабля за самовольные действия и приказал убрать сети.

27 января 1904 года на броненосце «Полтава» слышали взрывы, расколовшие тишину ночи, но не придали им значения. После сигнала с «Петропавловска»: «Послать шлюпки на помощь бедствующему «Ретвизану», броненосец «Полтава» выполнил этот приказ одним из первых, а узнав, что случилось, с «Полтавы» отправили на подорванный «Ретвизан» дополнительный пластырь.

Огня броненосец «Полтава» не открывал и об истинном положении вещей на нем узнали лишь через несколько часов после нападения на эскадру японских миноносцев.

Утром 27 января 1904 года, когда японский флот подошел к Порт-Артуру, броненосец «Полтава» под огнем противника начал сниматься с якоря. Когда была пробита бое-

вая тревога, якорь так и остался на весу.

Дав ход и следуя в кильватер «Петропавловску», «Полтава» открыла огонь по противнику. Когда японцы повернули на юг, «Полтава», положив руль влево, вышла из строя броненосцев и начала преследование противника, ведя огонь из носовых орудий.

Сигнал адмирала вернул «Полтаву» в строй.

Во время этого боя в «Полтаву» попало 8 снарядов (из них 4 крупных), однако никаких серьезных повреждений, кроме незначительных вмятин в броневых плитах, они не причинили. Потерь в личном составе на броненосце не было.

В течение боя броненосец «Полтава» выпустил по противнику 67 снарядов: 12 — 12-дюймовых и 55 — 6-дюймовых. Во время боя катер с «Полтавы», действуя под огнем противника, успел подхватить брошенные баржи с углем, которых течением несло на берег и отвести их в гавань.

После отхода японцев, при перестроении эскадры, в 12:52 «Полтава» столкнулась с броненосцем «Севастополь».

«Севастополь» несколько обогнал «Полтаву», затем уменьшил ход, стал отставать и в тоже самое время приближаться к «Полтаве». На «Полтаве» было замечено приближение «Севастополя»: руль положили на борт и дали пол-

ный вперед. Однако было поздно, и «Севастополь» ударил «Полтаву» носом в борт между 65 и 75 шпангоутами.

Удар был нанесен под углом и в результате был снят совок правого подводного ТА, заряженного боевой торпедой, ударник которой погнулся и лишь по счастливой случайности не произошло взрыва. Тем не менее в броненосец начала поступать вода, затопившая два отделения бортовых коридоров. Под пробоину был немедленно подведен пластырь и поднят сигнал: «Имею подводную пробоину».

С флагмана немедленно приказали «Полтаве» встать на якорь.

Пробоина оказалась незначительной и в тот же день была временно заделана, а пластырь снят.

Окончательный ремонт «Полтавы» занял неделю. За этот бой командир броненосца «Полтава» капитан 1 ранга Успенский был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Награды получили также ряд офицеров и матросов броненосца.

28 января 1904 года эскадра по приказу адмирала втянулась на внутренний рейд Порт-Артура, где и оставалась до приезда адмирала Макарова.

За этот период деятельность броненосца «Полтава» ограничилась исправлением полученных 27 января повреждений, свозом на бе-

рег небольшого десанта для охраны побережья и выделением паровых катеров для обороны входа в Порт-Артур от атак японских брандеров-заградителей.

27 февраля 1904 года броненосец «Полтава» участвовал в первом выходе эскадры в море под флагом адмирала Макарова, а затем и во всех последующих — 9 и 13 марта.

14 марта 1904 года при отражении очередной атаки японских брандеров активно действовал катер с «Полтавы» под командованием мичмана И. Ренгартена, который сделал попытку торпедировать один из пароходов-брандеров.

В роковой день 31 марта 1904 года «Полтава» стала единственным броненосцем, который без проволочек выполнил приказ Макарова о выходе на внешний рейд. («Петропавловск» вышел в 07:00, «Полтава» — в 07:15, остальные броненосцы задержались из-за сильного ветра, который мешал им развернуться носом к проходу.)

Следуя в кильватер «Петропавловску», «Полтава» приняла участие во всех стремительных событиях этого дня, находясь вместе с минным крейсером «Гайдамак» ближе всех к флагманскому кораблю.

Когда в 09:39 «Петропавловск» неожиданно взорвался, попав на японское минное заграждение, и затонул в течение полутора минут, броненосец «Полтава» застопорил машины, затем,

дав полный задний ход и удерживаясь машинами на месте гибели флагмана, мгновенно начал спускать шлюпки и катера, которые уже через 4 минуты начали спасение уцелевших из экипажа «Петропавловска». (Был спущен паровой катер под командованием мичмана Ломана, вельбот под командованием мичмана Пчельникова и гребной катер под командованием лейтенанта Рощаковского.) Одновременно с этим с палубы «Полтавы» в воду были сброшены все имеющиеся в наличии спасательные круги, буйки и деревянные предметы.

Паровой катер с «Полтавы» был захлестнут волной и затонул, бывшие на нем люди подобраны шлюпками. Всего плавсредствами «Полтавы» было спасено 38 человек из экипажа «Петропавловска».

После подрыва броненосца «Победа» и ухода всей эскадры на внутренний рейд, броненосец «Полтава» долго еще оставался на месте гибели своего однотипного собрата, продолжая поиски в надежде найти адмирала Макарова.

2 апреля 1904 года при бомбардировке японским флотом Порт-Артура из-за Ляотешаня «Полтава» вместе с другими кораблями эскадры пытался вести перекидной огонь, однако сумел сделать только 2 залпа, поскольку его орудия были совершенно неэффективны на подобном угле возвышения.

В этот период броненосец «Полтава» был одним из двух («Пересвет») броненосцев Тихоокеанской эскадры, находящихся в строю.

Помимо несомненного военного счастья «Полтавы», это следует отнести и за счет весьма высокой организации службы на корабле и боевой подготовки как командного, так и рядового состава броненосца. Выход из строя почти всех броненосцев приковал эскадру к внутреннему рейду, а временно назначенный командующим адмирал Алексеев не мог и не хотел предпринимать никаких активных действий.

22 апреля 1904 года одновременно с прибытием нового командующего эскадрой контр-адмирала Витгефта пять матросов с «Полтавы» были награждены Георгиевскими крестами за мужество, проявленное при спасении экипажа «Петропавловска».

А между тем с 23 по 30 апреля 1904 года японцы без всяких помех со стороны Русского Флота произвели высадку своей 2-й армии в Бидзиво, отрезав Порт-Артур со стороны суши и полностью изменив стратегическую обстановку на театре.

Ожесточенные бои, начавшиеся на подступах к Порт-Артуру, стали диктовать Тихоокеанской эскадре новые задачи, а перспектива падения крепости выделяла главную из этих задач — прорыв из Порт-Артура во Владивосток.

В лихорадочном темпе велись работы по вводу в строй поврежденных кораблей, а на броненосец «Полтава», как на один из двух находящихся в строю броненосцев, возлагались практически все задания, связанные с выходом в море.

После гибели на русских минах двух японских броненосцев «Хатцузе» и «Яшима» 2 мая 1904 года, а также потери японцами еще нескольких боевых кораблей разных классов, снова стал обсуждаться вопрос о выходе русской эскадры в море для решительного сражения с противником и деблокирования Порт-Артура со стороны моря.

Хотя мнение по этому вопросу не было единым, тем не менее 10 июня 1904 г. по приказу заместителя эскадры начала выходить из гавани.

Броненосец «Полтава» шел головным вслед за отрядом крейсеров и тралящим караваном.

Сосредоточение эскадры шло очень медленно и только в 16:50 (выход начался в 4 ч. утра!) эскадра перестроилась в боевой ордер, в котором броненосец «Полтава» замыкал колонну броненосцев.

В 17:05, всего в 20 милях от берега, эскадра была перехвачена японским флотом и, не решившись принять бой, в 18:50 повернула обратно в Порт-Артур.

С наступлением темноты на концевые ко-

рабли эскадры начались интенсивные атаки японских миноносцев, причем несколько торпед прошло в непосредственной близости от «Полтавы», с которой японские миноносцы сближались на такое расстояние, что в броненосец попало несколько 75-мм и 47-мм снарядов, не причинивших, правда, никакого значительного ущерба.

Отражая атаки миноносцев, «Полтава» выпустила по противнику 367 снарядов, из них 5 — 12".

Таким образом, не выполнив ни одной из поставленных задач, эскадра вернулась в Порт-Артур, причем при возвращении подорвался на mine и вышел из строя броненосец «Севастополь».

Между тем наступление японцев на Порт-Артур с суши продолжалось, несмотря на содействие, которое корабли пытались оказать приморским флангам сухопутной армии.

Выход в море легких сил флота всегда приводил к столкновению с поддерживающим блокаду японским флотом, что отвлекало от выполнения задачи по поддержке действий сухопутных частей. Поэтому 26 июня для обстрела японских позиций в бухте Лунвантан вместе с отрядом крейсеров и канонерских лодок был послан броненосец «Полтава» с тем, чтобы своими 12" орудиями держать на почтительном расстоянии японские корабли.

Выйдя из Порт-Артура в 06:45, «Полтава» в 10:25 вместе с крейсерами встала на якорь в бухте Тахэ. При этом на броненосце лопнула якорь-цепь и был потерян левый якорь.

Несмотря на перестрелку между японскими и русскими крейсерами, броненосец «Полтава» огня не открывал, однако само его присутствие заставило корабли противника держаться на большом расстоянии и позволило канонерским лодкам и миноносцам осуществить бомбардировку сухопутных позиций противника и обеспечить работу тралящего каравана.

Наступающие на Порт-Артур японские войска к 17 июля вошли в зону действия огня броненосцев эскадры. Броненосец «Полтава» в этот период несколько раз огнем своей артиллерии главного калибра пытался оказать поддержку отступающим русским войскам. Однако особого успеха некорректируемый огонь русских броненосцев не принес.

Японцы продолжали теснить русские войска, выходя на ближние подступы к Порт-Артуру и начав бомбардировку крепости и военноморской базы с сухопутного фронта. Сложившаяся обстановка уже не обеспечивала безопасности русского флота в Порт-Артуре, и 26 июля эскадра получила приказ царя немедленно перейти из Порт-Артура во Владивосток.

Прорыв через японскую блокаду считался многими командирами кораблей, в том числе и

командиром «Полтавы», делом совершенно безнадежным, однако полученный приказ прекратил дискуссии, и 28 июля было решено осуществить попытку прорыва во Владивосток.

На совещании флагманов и командиров кораблей было выдвинуто предложение оставить броненосцы «Полтава» и «Севастополь» в Порт-Артуре в связи с их тихоходностью и идти на прорыв быстроходными броненосцами. Это предложение было отклонено, и «Полтава» получила приказ готовиться к походу.

27 июля под огнем противника, обстреливавшего гавань с сухопутного фронта из 120-мм полевых гаубиц, броненосец «Полтава» устанавливал дополнительные орудия, снятые с подорвавшегося на mine крейсера «Ваян», принимая одновременно различные виды боевого снаряжения.

28 июля 1904 г. в 05:00 начался выход Тихоокеанской эскадры на внешний рейд.

В 06:00 из гавани под флагом командующего эскадрой вышел броненосец «Цесаревич», за ним потянулись остальные броненосцы. Последним из броненосцев в 08:05 из гавани в сопровождении канонерской лодки «Бобр» вышел броненосец «Полтава».

В 08:45 на «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Приготовиться к бою», а в 09:00: «Флот извещается, что Государь Император повелел идти во Владивосток».

Эскадра, построившись в боевой ордер, легла на курс зюйд-ост-20". Броненосец «Полтава» замыкал колонну броненосцев, имея передним мателотом броненосец «Севастополь». В 11:30 на востоке появились главные силы японского флота, идя на сближение с русской эскадрой. В 12:20 залпом башен главного калибра японского броненосного крейсера «Ниссин» начался знаменитый морской бой, вошедший в историю как «морское сражение в Желтом море 28 июля 1904».

В самом начале боя броненосец «Полтава» получил серьезное повреждение: 12" снаряд попал в его корму примерно в 1,2 м ниже ватерлинии, пробил борт, не разорвался и лег в помещении сухой провизии, которое мгновенно было затоплено водой. Из этого помещения, через щель в броневой шахте, вода начала поступать в помещение рулевых машин, грозя затопить цилиндры рулевой машины.

Благодаря энергичной работе личного состава щель в шахте удалось заделать, а незначительный крен выровняли заполнением небольшого носового отсека левого борта (ЛБ). В первой фазе боя броненосец «Полтава» больше повреждений не получил. Японская эскадра, разойдясь с русской контркурсами, развернулась и, зайдя под корму русской эскадры в 03:45, обрушила сосредоточенный огонь на концевые корабли колонны броненосцев, т. е. на

броненосцы «Севастополь» и «Полтава».

В 13:50 два 12" снаряда попали в батарейную палубу «Полтавы», разорвавшись под 6" башней, заклинив ее в положении «по траверзу», благодаря чему башня продолжала действовать. В 13:52 два 12" снаряда попали в верхнюю палубу «Полтавы» между спардеком и 12" башней, произведя страшные разрушения: верхняя палуба от борта до борта была вырвана, мамеринец вокруг башни уничтожен, конус башни пробит в нескольких местах, тлеющие куски мамеринца упали по шахте в зарядное подбашенное отделение, наполняя его дымом.

Эти же снаряды произвели сильные разрушения в батарейной палубе, убив — 6 и ранив 15 человек команды.

В 13:55 еще один 12" снаряд попал в кормовое нижнее офицерское отделение, совершенно раскрыв борт от нижней брони до батарейной палубы.

В 13:57 туда же попал второй 12" снаряд, сделав пробоину 7х2м. Эта пробоина была над самой ватерлинией, угрожая поступлением воды в случае усиления волнения на море. В начале боя осколок снаряда попал в подшипник машины ЛБ, который сильно разогрелся и вынудил уменьшить ход. В результате этого «Полтава» отстала от «Севастополя» примерно на 20 кабельтовых.

При заходе японцев под корму русской эс-

кадры «Полтава» без сигнала открыла огонь по противнику, начав вторую фазу сражения:

В самом начале боя был смертельно ранен стоящий на дальномере мичман де Ливрон — ему оторвало обе руки. При попадании 12" снарядов в носовую башню главного калибра был ранен командир башни мичман Зилов и все комендоры. Снарядом, разорвавшимся у боевой рубки, был ранен старший артиллерист «Полтавы» лейтенант Рыков, а попавшим в спардек — мичман Феншоу и 6 матросов.

Между тем волнение моря усилилось, и в огромную пробоину нижнего офицерского отделения стала поступать вода, затопив отделение примерно на метр, в результате чего броненосец осел кормой.

После выхода из строя флагманского броненосца «Цесаревич» броненосец «Полтава» с прочими кораблями повернул на север, идя в кильватер «Побед», которая в свою очередь следовала за «Пересветом», где находился принявший командование младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский.

С наступлением темноты на деморализованную и рассеянную русскую эскадру начали яростные атаки японские эсминцы. В одной из этих атак броненосец «Полтава» лишь по счастливой случайности избежал гибели.

Вплотную за «Полтавой» шел русский миноносец «Властный», который то приближался

к броненосцу, то отставал. В 12 ч ночи «Властный» находился примерно в 1,5 кабельтовых позади «Полтавы» по правому борту.

Неожиданно вблизи «Властного» появились два японских эсминца, по которым с «Полтавы» был открыт огонь. В это время «Властный», подойдя вплотную к «Полтаве», передал на нее голосом, чтобы прекратили огонь, так как миноносцы свои. Командир «Полтавы» приказал прекратить огонь, но в этот момент один из появившихся миноносцев зашел с правого борта броненосца, а второй повернул «Полтаве» под корму, заходя с левого борта.

Теперь уже стало ясно, что это миноносцы противника и старший офицер «Полтавы» капитан 2 ранга Лутонин приказал открыть огонь. Но было уже поздно: миноносцы выпустили торпеды, одна из которых шла под прямым углом прямо в борт «Полтавы».

Вахтенный офицер мичман Пчельников, увидев идущую в броненосец торпеду, немедленно скомандовал повернуть вправо и дал полный задний ход. Однако торпеда ударила броненосец в правый борт, правда, под острым углом и не взорвалась. Это спасло «Полтаву», поскольку, получив такие серьезные повреждения в бою, броненосец уже не смог бы выдержать торпедной пробоины.

Одновременно с этим под носом «Полтавы» прошли другие, выпущенные японцами,

торпеды. Последующие атаки миноносцев противника были отбиты, и утром 29 июля броненосец «Полтава» вместе с броненосцами «Пересвет» и «Победа» пришел обратно в Порт-Артур и около 12:00 вошел в гавань.

В бою 28 июля на броненосце «Полтава» был убит 1 офицер (мичман Б. Р. де Ливрон) и 11 матросов, ранено 3 офицера (лейтенант Рыков, мичманы Зилов и Феншоу) и 40 матросов.

Броненосец был сильно поврежден, имея 7 крупных пробоин ниже ватерлинии или вблизи ее. Поврежден был мостик и штурманская рубка, во многих местах пробита верхняя палуба, разбита задняя дымовая труба, выведена из строя носовая башня главного калибра, повреждены 2 шестидюймовые башни и 2 шестидюймовых орудия батареи ПБ, разбиты три 47-мм орудия, уничтожены все шлюпки, кроме одного парового катера, повреждена фок-мачта и стрелы для подъема шлюпок, разбиты все вентиляторы.

После боя 28 июля большая часть эскадры вернулась в Порт-Артур, несколько кораблей погибли или разоружились в нейтральных портах.

Вернувшиеся в Порт-Артур корабли входили на внутренний рейд с приспущенными флагами, свозили убитых на берег, служились па-нихиды, казалось, что 1-я Тихоокеанская эскадра отпевает сама себя.

Дух какой-то безнадежности уже висел над всем флотом. Сознание того, что ни одному из кораблей не удалось выполнить поставленной задачи, давило на командный состав эскадры. Было решено, что корабли должны разделить судьбу крепости — крепости, отрезанной с суши и с моря, падение которой было только вопросом времени.

После возвращения в Порт-Артур на «Полтаве», как и на других кораблях, участвовавших в бою 28 июля, велись ремонтные работы, главным образом, силами экипажа. Вместе с тем с кораблей начали снимать орудия для усиления сухопутной обороны крепости, дав каждому ко-раблю определенный участок сухопутного фронта.

Броненосец «Полтава» должен был укомплектовать орудиями и комендорами участок обороны от реки Лунхэ до укрепления № 4. Для этой цели с броненосца были сняты: одно шестидюймовое орудие, одно 120-мм орудие, 12 — 75-мм, 24 — 47-мм и 10 — 37-мм орудий, а также 2 десантные пушки, 2 пулемета и 3 прожектора. Для обслуживания орудий и прожекторов на батареях сухопутного фронта с броненосца было списано 212 человек личного состава.

В период с 29 июля по 12 августа броненосец «Полтава», выполняя заявки командования сухопутных войск неоднократно вел огонь из артиллерии главного и вспомогательного калиб-

ров по скоплению войск противника. Ответный огонь японцев велся из-за гор вслепую, корректируемый только китайцами-лазутчиками. Эти бомбардировки велись 6" и 120-мм полевыми гаубицами, не причиняя серьезных повреждений, однако существенно мешая работам по исправлению повреждений кораблей, полученных в бою 28 июля.

В этот период броненосец «Полтава», стоявший в Западном бассейне наиболее открыто, получил больше всех попаданий.

Один снаряд пробил верхнюю палубу «Полтавы», другой попал в переднюю дымовую трубу, третий сбил прожектор, четвертый разорвался о щит 47-мм орудия, осколками ранив 6 человек. В ночь с 7 на 8 августа 1904 г. японцы начали штурм Порт-Артура. Ожесточенные бои, развернувшиеся на сухопутном фронте, вынудили командование крепости просить сформировать морской десант из числа экипажей боевых кораблей и отправить его на берег.

С броненосца «Полтава» было послано на сухопутный фронт 3 офицера (мичманы Ломан и Ренгартен и доктор Воробьев) и 197 матросов. Вечером 8 августа с «Полтавы», как и с других кораблей 1 ранга, было отправлено на сухопутный фронт еще 100 человек.

В отражении штурма приняла участие и артиллерия кораблей.

8 августа на броненосце «Полтава» при ве-

дении огня по сухопутным позициям разорвало одно 6-дюймовое орудие. 12 августа с «Полтавы» на сухопутный фронт был направлен дополнительный десантный отряд под командованием прапорщика Алалыкина.

Оставшийся на корабле экипаж занимался исправлением повреждений и систематически выделялся на тральные работы, которые велись ежедневно на внешнем рейде.

19 сентября японцы начали обстрел Порт-Артура из 11" осадных гаубиц, от огня которых у защитников крепости не было никакой защиты. Огонь противника пока велся вслепую без корректировки, но на сухопутном фронте японцы начали яростные атаки на гору Высокую, с вершины которой можно было корректировать огонь по Порт-Артурской гавани.

20 сентября «Полтава» получил два первых попадания 11" снарядами, которые пробиты броневую палубу и повредили орудие главного калибра.

Броненосец был вынужден переменить место. 8 октября «Полтава» получила еще одно попадание 11" снарядом, который, пробив левый борт броненосца, разорвался в лазарете, разрушив его и все прилегающие помещения. При этом был убит один матрос.

28 октября броненосец «Полтава» огнем орудий главного калибра заставил замолчать японскую полевую батарею, 2 ноября бронено-

сец своим огнем рассеял скопление войск противника в деревне Шуйшин.

3 ноября «Полтава» вела сосредоточенный огонь из 12" орудий по захваченному противником Кумирненскому редуту, почти полностью разрушив его.

4 ноября орудия главного калибра «Полтавы» взорвали склад боеприпасов противника на Водопроводном редуте. Между тем все внимание японцев переключается на штурм горы Высокой, являющейся главным стратегическим пунктом в системе обороны крепости.

Отряд за отрядом на защиту Высокой уходят офицеры и матросы с кораблей эскадры. Броненосец «Полтава» отдал на сухопутный фронт почти весь свой экипаж.

К моменту гибели на «Полтаве» оставалось чуть более 50 человек. Ожесточенные бои на сухопутном фронте достигли кульминации и обоядной ярости в непрекращающихся атаках японцев на гору Высокую.

11" осадные гаубицы вели непрерывный огонь по вершинам Высокой, поддерживая атаки пехоты. Русские отчаянно защищались, встречая наступающего противника огнем из всех видов оружия, сбрасывая на них морские шаровые мины и даже стреляя торпедами из установленных на суше торпедных аппаратов. Два батальона «Полтавцев» участвовали в обороне Высокой. Офицер с «Полтавы», прапор-

щик флота Алалыкин, возглавил отряд добровольцев-разведчиков, предпринявших много смелых вылазок. В боях на Высокой погиб лейтенант с «Полтавы» Саймонов, ранены и контужены лейтенант Баранов, мичманы Ренгартен, Ломан и Унковский.

С 12 по 16 ноября эскадренный броненосец «Полтава», поддерживая сухопутные войска и десантные отряды моряков, вел огонь из орудий главного и вспомогательного калибров по скоплению японских войск и по артиллерийским позициям противника.

22 ноября японцам удалось временно захватить обе вершины Высокой.

Невзирая на контратаки русских и на продолжающиеся бои, японцы немедленно установили на горе корректировочный пост и начали прицельный обстрел эскадренного броненосца «Ретвизан».

В 13:30 один из предназначенных «Ретвизану» 11" снарядов случайно попал в левый борт «Полтавы», который стоял к «Ретвизану» ближе всех. Этот снаряд, пробив броневую палубу, проник в погреб 47-мм снарядов, где и взорвался. От этого взрыва сдетонировали 2100 47-мм снарядов, находящихся в этом погребе, вызвав сильный пожар.

Система затопления погреба была повреждена еще в предыдущих бомбардировках и не действовала. Поэтому пришлось заливать по-

жар в погребе, направляя шланги через элеватор и вентиляционные шахты. Однако это не дало никаких результатов, поскольку дно и переборки погреба были пробиты осколками и вода, не задерживаясь в погребе, свободно выливалась в коридор гребного вала. Пожар в погребе раскалил все соседние переборки и воспламенил 40 полузарядов учебных 12" снарядов, находящихся в смежном погребе. Около 14:00 эти 40 полузарядов (1984 кг бездымного пороха) взорвались, произведя значительные разрушения переборок, водонепроницаемых дверей и кормовых отростков пожарных труб.

Как только на «Полтаве» начался пожар, командир спасательного буксира «Силач» по собственной инициативе подошел к броненосцу, пришвартовался к его борту и принял активное участие в борьбе с пожаром. Все шланги «Силача» были направлены в кормовое подбашенное отделение «Полтавы», однако пожар продолжал бушевать, поскольку все водонепроницаемые переборки и двери были разбиты, и вода свободно разливалась по всей кормовой части корабля.

От большого количества разлившейся по корме воды у «Полтавы» вскоре образовался дифферент на корму и крен на правый борт. Для уменьшения крена были затоплены левые бортовые коридоры, после чего корабль совершенно потерял запас плавучести и затонул на глу-

бине 11 м, погрузившись в воду по верхнюю палубу с креном в 2,5° на ПБ. И только после этого пожар прекратился.

Таким образом, эскадренный броненосец «Полтава» стал первым, но, к сожалению, не последним кораблем 1-й Тихоокеанской эскадры, потопленным на внутреннем рейде Порт-Артура. В процессе борьбы с пожаром погиб 1 матрос и было ранено 10 матросов. Оставшийся на «Полтаве» экипаж (53 человека) был свезен в артиллерийские казармы Тигрового полуострова.

В момент гибели «Полтавы» через территорию порта шла десантная рота «полтавцев», направляясь к горе Высокой. Командир роты мичман Ренгартен вспоминает:

«На «Полтаве» был пожар. Из всех отверстий на корме валил дым... Я знал, что приспособления для затопления кормового 12" погреба не действуют, и эта мысль меня ужаснула...

Я поминутно оглядывался назад. Вдруг над «Полтавой» выкинуло громадные клубы желтого дыма и раздался оглушительный взрыв... Мы невольно остановились, потрясенные до глубины души: шли на Высокую, т. е. на верную смерть, и по дороге видели, как наша родная «Полтава» взрывается и гибнет...»

Перед капитуляцией крепости на «Полтаве», как и на других затопленных на мелководье кораблях эскадры, были взорваны орудий-

ные башни, жизненные части машин, различные приборы и оборудование.

Взяв Порт-Артур, японцы немедленно приступили к подъему затонувших русских кораблей. Работы, которыми руководил вице-адмирал Сибаяма, шли исключительно быстро и организованно.

8 июля 1905 года броненосец «Полтава» был поднят со дна. В 15:00 того же дня на корабле были торжественно подняты японские военно-морские флаги, и броненосец был включен и состав японского императорского флота под названием «Танго».

16 августа 1905 года броненосец «Танго» под эскортом вспомогательного крейсера «Маншю-Мару» и миноносца «Акебоно» собственным ходом прибыл в Майдзуру, где прошел дополнительный ремонт и был покрашен в шаровый цвет, принятый в японском флоте.

10 октября 1905 года эскадренный броненосец «Танго» принял участие в грандиозном военно-морском параде японского флота, который состоялся в Токийском заливе по случаю победоносного окончания войны с Россией.

В последующие годы броненосец «Танго», перечисленный в класс линейных кораблей (1907 г.), служил в японском флоте в качестве учебного корабля для подготовки строевых матросов и юнг.

В 1908 — 1909 гг. линкор «Танго» прошел

модернизацию, а затем продолжал служить учебным кораблем вплоть до начала первой мировой войны.

После вступления Японии в первую мировую войну на стороне Антанты линейный корабль «Танго» был включен в состав 1-й дивизии 2-й эскадры вице-адмирала Като и принял активное участие в захвате японцами немецкой крепости Циндао, осуществляя бомбардировки, блокаду и охрану перевозок англо-японского экспедиционного корпуса.

После захвата Циндао линкор «Танго» был отозван в Японию, продолжая свою службу в качестве учебного корабля.

В 1916 году Россия обратилась к своим союзникам по Антанте с просьбой о продаже легких крейсеров, чтобы использовать эти корабли для охраны союзных конвоев, следовавших в новый порт Романов-на-Муроме (Мурманск).

Как всегда, в прошлом и в будущем, Россия, спровоцировав войну в Европе, оказалась не в состоянии вести ее собственными силами без обильных поставок со стороны союзников. Однако для охраны союзных конвоев от немецких подводных лодок хотя бы на ближних подступах к Архангельску необходимы были корабли, которые можно было приобрести только у тех же союзников.

Переговоры с Англией не дали результатов, однако Япония согласилась продать России три

корабля: линкоры «Танго» и «Сагами» (б. «Пересвет») и печально-знаменитый крейсер «Варяг», служивший в составе японского флота судном метеоразведки под именем «Сойя».

Не приходится говорить, насколько эти корабли годились для борьбы с подводными лодками, однако выбора не было, и три старых трофея русско-японской войны были приобретены Россией.

Линкор «Танго» вернулся на Родину 21 марта 1916 года, прибыв во Владивосток вместе с другими купленными у Японии кораблями в составе отряда контр-адмирала Яманака. (Россия заплатила за линкор «Танго» 4, 5 миллиона иен, однако сам факт покупки был скрыт и распространена версия, что Япония уступила России как «Танго», так и другие корабли безвозмездно в рамках союзнической взаимопомощи.)

27 марта 1916 года на линкоре «Танго» произошла церемония освящения, после чего в торжественной обстановке были спущены японские и подняты русские военно-морские флаги, гюйсы и вымпелы. Аналогичная церемония передачи кораблей произошла и на «Сагами», и «Сойе». Однако, если два последних корабля вступили в строй Русского Флота под старыми именами («Пересвет» и «Варяг»), то «Танго» вступил снова в строй родного флота под названием не «Полтава», а «Чесма». На это было

две причины: во-первых, в последнюю минуту корабль решили включить в состав Черноморского флота в надежде, что союзникам удастся прорваться через Дарданеллы и, во-вторых — в составе Русского Флота к этому времени уже находился в строю линейный корабль-дредноут «Полтава».

Командиром линейного корабля «Чесма» был назначен капитан 1 ранга В. Н. Черкасов, в прошлом офицер 1-й Тихоокеанской эскадры, участник обороны Порт-Артура. Кроме того, на «Чесме» поднял свой флаг контр-адмирал А. И. Бестужев-Рюмин, назначенный командующим «Отдельным отрядом судов особого назначения». По прибытии кораблей на север контр-адмирал Бестужев-Рюмин должен был стать командующим флотилией Северного Ледовитого океана.

Поскольку в период модернизации в Японии линкор «Чесма» был перевооружен орудиями Армстронга, на нем были поставлены японские котлы Майабара и переделан с учетом японской специфики ряд помещений, пришлось провести ряд мелких ремонтных работ силами Владивостокского порта и обучить личный состав работе с иностранным оборудованием. Кроме того, выход в море был задержан посадкой на камни крейсера «Пересвет».

Линкор «Чесма» пытался стянуть «Пересвет» с камней, однако эти попытки ни к чему

не привели и за помощью пришлось обратиться к японским специалистам. Аварийно-спасательные работы и последующий ремонт «Пересвета» затянулись и было решено отправить по назначению отряд без него.

5 июня «Чесма» и «Варяг» вышли в Уссурийский залив для отработки задач совместного маневрирования.

11 июня, находясь между мысом Поворотный и о. Аскольд линейный корабль «Чесма» провел испытательно-учебные стрельбы из 12" орудий.

18 июня 1916 года линейный корабль «Чесма» в сопровождении «Варяга» покинул Владивосток и 26 июня прибыл в Гонконг.

В Гонконге «Чесма» и «Варяг» находились до 7 июля, готовясь к трудному плаванию в тропических водах.

7 июля 1916 года русские корабли вышли из Гонконга и 12 июля прибыли в Сингапур. Поход очень задерживался частыми поломками на «Варяге».

19 июля отряд покинул Сингапур, взяв курс на Коломбо, куда прибыл 26 июля. Погрузив уголь и дав необходимый отдых личному составу, изнуренному тропическим плаванием, «Чесма» и «Варяг» 4 августа 1916 года покинули Коломбо и 11 августа бросили якоря в порту Виктория на Сейшельских островах. Выйдя с Сейшельских островов 21 августа, отряд 27 ав-

густа пришел в Аден.

По мере приближения к зоне боевых действий на кораблях все более усиливалась боевая готовность. Ночью шли без огней, вахты неслись по боевому расписанию.

Миновав Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море, «Чесма» и «Варяг» 5 сентября 1916 года вошли с Суэцкий канал и утром 6 сентября бросили якоря на рейде Порт-Саида.

8 сентября контр-адмирал Бестужев-Рюмин перенес свой флаг на «Варяг» и совместное плавание закончилось. «Варяг» взял курс на Мальту, а «Чесма» под конвоем французского миноносца «Кутлэ» направился в Александрию.

Переход линейного корабля «Чесма» в Александрию был вызван просьбой союзного командования откомандировать линкор в распоряжение французского адмирала Дартижа для демонстративных операций против Греции с тем, чтобы не допустить вступления последней в войну на стороне центральных держав.

С 23 по 30 сентября 1916 года линкор «Чесма» вместе с тремя французскими линейными кораблями участвовал в разоружении греческого флота, а затем получил приказ следовать по назначению на север, поскольку надобность в нем в Средиземном море миновала, а прорыв через Дарданеллы в ближайшее время не представлялся реальным.

2 октября 1916 года линкор вышел на

Мальту, откуда направился в Гибралтар. На переходе в Гибралтар «Чесма» выдержал жестокий шторм, сильно зарывался носом и принял некоторое количество воды, пробившейся через самодельный деревянный волнолом в подбашенное отделение носовой башни главного калибра.

В Гибралтаре на «Чесме» во время съемки со швартовых, когда левая машина работала задним ходом, в ней произошла крупная авария — отломилась деталь ползуна золотника цилиндра среднего давления. Ремонт повреждения занял 3 суток.

Переход от Гибралтара до Ливерпуля, а затем до Белфаста «Чесма» провела относительно благополучно.

Однако выйдя из Белфаста в Архангельск, линкор попал в Северной Атлантике в жестокий декабрьский шторм. Волной был снесен стальной волнолом, поставленный в Ливерпуле вместо деревянного, выбита крышка левого шлюза и повреждены надстройки.

Линкор обледенел, приняв самую причудливую форму и осев в воду на несколько футов ниже ватерлинии. В таком виде линейный корабль «Чесма» и прибыл 3 января 1917 года в Кольский залив, вступив в отряд судов обороны Кольского залива.

В последовавшей революции, интервенции и гражданской войне линейный корабль

«Чесма» оставался в бездействии, служа в разный период плавскладом, плавтюрмой и блокшивом.

Старый линкор оставался в Кольском заливе при всей калейдоскопической смене военно-политической обстановки в Заполярье, а после вступления в марте 1920 г. в Архангельск Красной Армии был включен в состав советских Морских сил Северного моря (Приказ от 26 июня 1920 г.). После окончания гражданской войны Морские силы Северного моря были расформированы и в 1923 году линейный корабль «Чесма» был разобран. Корпус «Чесмы» дожил вплоть до 1932 года и был окончательно разобран в 1933 году при основании Северного флота СССР.

Корабль находился в строю 23 года.

Броненосец «Полтава» был исключен из списков русского флота 20 февраля 1905 года.

Линейный корабль «Чесма» был включен в списки Русского Флота 6 апреля 1916 года.

(Примечание. Танго — название провинции в районе Киото).

Командиры эскадренного броненосца
«Полтава»/«Чесма» 1892 — 1917 гг.

1892 — 1894 гг. — капитан 1 ранга
Бауер,

1895 — 1900 гг. — капитан 1 ранга

Невинский.

1900 — 1902 гг. — капитан 1 ранга
Озеров,

1902 — 1904 гг. — капитан 1 ран-
га Успенский.

1916 — 1917 гг. — капитан 1 ран-
га Черкасов

Русские адмиралы, державшие флаг на
броненосце «Полтава»/«Чесма»

8 февраля 1903 г. — контр-адмирал
Кузьмич.

С марта по сентябрь 1916 г. —
контр-адмирал Бестужев-Рюмин

ПЕРЕСВЕТ

Пересвет Александр — монах Троице-Сергиевой лавры, который, согласно преданию, был послан Сергием Родонежским в войско Дмитрия Донского для участия в Куликовской битве, произошедшей 8 сентября 1380 года. По тому же преданию, не подтвержденному историческими документами, Куликовская битва открылась поединком между Пересветом и татарским богатырем Челубеем, в ходе которого оба были убиты.

«ПЕРЕСВЕТ»

Водоизмещение: 12674 т.

Главные размерения: 132, 4х21, 8х7,9 м.

Скорость максимальная: 18 узлов.

Вооружение:

четыре 10-дюймовых орудия в башнях,
одиннадцать 6-дюймовых орудий
в казематах,

двадцать 75-мм орудий,

двадцать 47-мм орудий,

восемь 37-мм орудий,

2 десантные пушки,

3 надводных и 2 подводных ТА.

Мощность механизмов: 13775 л. с.

Бронирование:

борта — 178 — 229 мм,

казематы — 51 — 127 мм,

башни — 229 мм,

палуба — 51-82 мм,

боевая рубка — 102 — 152 мм,

Экипаж (штатный): 24 офицера и

736 матросов

Тип: «Пересвет»

Эскадренный броненосец «Пересвет» был заложен 9 ноября 1895 года на Балтийском заводе в С.-Петербурге. Строительство корабля велось в рамках кораблестроительной программы 1895 года. Постройкой броненосца руко-

водил корабельный инженер В. Х. Оффенберг. Работы на «Пересвете» финансировались государством и велись в старом деревянном эллинге завода. Машины броненосца были изготовлены на том же Балтийском заводе, броню поставил Ижорский завод, а артиллерийское вооружение корабля было заказано Обуховскому заводу.

Броненосец «Пересвет» был фактически полностью «до последней заклепки» сделан в России. Единственный заказ за границу, связанный со строительством корабля, был выдан американскому заводу Карнеги на производство профильной брони для прикрытия казематов (325т/292777 р.)

Со строительства «Пересвета» началось создание второй относительно крупной серии русских броненосцев. (Всего было построено 3 корабля этого типа.) В проекте кораблей типа «Пересвет» совершенно отчетливо видна неспособность политического руководства России правильно ориентироваться в схеме международной обстановки, хотя бы для правильного определения вероятного противника.

Призрак войны с Англией настолько влиял на военно-политическое мышление России, что, начиная с середины XIX века все военно-морские программы предусматривали решение различных проблем, связанных с противодействием мощному флоту Великобритании. В силу это-

го была создана уродливая и совершенно нерелевантная концепция действий Русского Флота на океанских коммуникациях англичан, совершенно без учета таких факторов, как передовые базы, возможности материально-технического обеспечения рейдеров и т. п.

Отрезанный проливами на внутренних театрах Русский флот и даже отдельные корабли имели весьма проблематические шансы выйти в океан в случае войны с Англией, а их заблаговременное развертывание на коммуникациях было в тогдашних условиях практически неосуществимо. Тем не менее корабли проектировались и строились с учетом именно этих авантюристических предпосылок. Поэтому при создании броненосцев типа «Пересвет» было решено за счет более высокой автономности плавания (для длительного пребывания на коммуникациях англичан) и скорости хода (чтобы уходить от английских броненосцев) пожертвовать вооружением и бронированием.

Без всякого сомнения, в случае войны с Англией эти «рейдеры» были бы «переловлены» в пределах первой недели с момента начала военных действий, но построенные в рамках этой концепции броненосцы типа «Пересвет» имели 10" орудия вместо 12", слабое бронирование и столь ничтожное преимущество в ходе, что не будь оно вообще сведено к нулю более тихоходными кораблями, в одном строю с которыми

пришлось в будущем действовать этим броненосцам, оно вряд ли дало бы результаты и при рейдерских операциях.

Таким образом, будучи по водоизмещению больше броненосцев типа «Полтава», представляя из себя гораздо более крупную цель, броненосцы типа «Пересвет» были хуже вооружены и хуже бронированы.

После ввода этих кораблей в строй невозможно было даже точно определить, к какому, собственно говоря, классу они принадлежат: к тихоходным броненосным крейсерам или к недовооруженным броненосцам.

Это был очень неудачный тип кораблей, и академик А. Н. Крылов со свойственной ему грубой прямоотой называл эти броненосцы «ублюдками».

7 мая 1898 года эскадренный броненосец «Пересвет» был спущен на воду.

На церемонии спуска нового головного корабля лично присутствовал русский император Николай II. До ноября 1898 года «Пересвет» достраивался у стенки завода, а затем своим ходом перешел в Кронштадт, где достройка корабля продолжалась вплоть до 1901 года.

В октябре 1899 года, еще без артиллерии главного калибра, «Пересвет» провел предварительные ходовые испытания машин, показав скорость на 0,44 узла больше проектной и развив машинами мощность на 32,67 л. с.

больше предусмотренной.

Летом 1900 г. «Пересвет» провел на Балтике, завершая различные недоделки и отработывая учебные боевые задачи.

Зиму 1900 — 1901 гг. корабль провел в Кронштадте, а весной 1901 года начал окончательные сдаточные испытания, показав на них, что и скорость, и мощность машин у него ниже проектных.

После испытаний «Пересвет» вернулся в Кронштадт для производства необходимых исправлений, прошел доковый осмотр и 6 августа 1901 года официально вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Королева. (Общая стоимость постройки «Пересвета» — 11431040 р. (трехвальная машинная установка — 3103000 р.).

После введения в строй эскадренный броненосец «Пересвет» был зачислен в 6-й флотский экипаж.

Пока «Пересвет» достраивался и вводился в строй, призрак войны с Англией постепенно растаял в воздухе, уступив место более реальной перспективе вооруженного столкновения с Японией, что было порождено авантюристической и совершенно бессмысленной экспансией России на Дальнем Востоке.

Едва успев войти в строй, «Пересвет» получил приказ следовать на Дальний Восток для усиления русской эскадры Тихого океана.

Броненосец несколько задержался на Балтике, поскольку специалисты Балтийского завода пытались разобраться, но так и не разобрались в причинах ужасающей неэкономичности его механической установки, пожирающей совершенно немыслимое количество угля для корабля такого водоизмещения.

Суточный расход угля на «Пересвете» составлял 20,5 тонн — в два раза больше, чем на броненосцах типа «Полтава» и в полтора раза больше, чем на «Ретвизане»! (Подобным качеством прославились все броненосцы типа «Пересвет». Снова уместно вспомнить, что они строились в качестве стремительных и автономных рейдеров!)

11 октября 1901 года эскадренный броненосец «Пересвет» покинул Кронштадт, начав длительный переход на Дальний Восток. 18 октября около 8 часов вечера

«Пересвет», идя проливом Большой Бельт, сел в районе Ньюборга на мель, сильно повредив себе подводную часть.

«Пересвет» простоял на мели 32 часа и был снят с помощью датских буксиров только в 4 часа ночи 20 октября.

Временно заделав пробоины, броненосец дошел до Шербура, где намеревался встать на ремонт.

Однако в связи с загруженностью Шербургского порта это осуществить не удалось. В на-

чале ноября поврежденный броненосец покинул Шербур и 17 ноября прибыл в Тулон.

19 ноября «Пересвет» был поставлен в док, где простоял месяц, ремонтируя днище и перебирая машину. Из-за необходимости докового ремонта были отменены планируемые заходы броненосца в Кадис и Алжир.

18 декабря 1901 года «Пересвет» вышел из дока и 19 декабря покинул Вильфранш, взяв курс на Пирей, куда броненосец прибыл 23 декабря, застав на рейде всю русскую Средиземноморскую эскадру во главе с броненосцем «Император Николай I».

Офицеры броненосца и часть команды съездили в Афины, осмотрев Акрополь и ряд музеев, а 28 декабря «Пересвет» посетила греческая королевская чета. (На «Пересвете» лейтенантом плавал двоюродный брат царя — великий князь Кирилл Владимирович.)

Новый 1902 год все офицеры русской Средиземноморской эскадры, члены греческой королевской фамилии и ряд высших офицеров греческого флота встретили в кают-компании «Пересвета».

Один из офицеров броненосца записал в своем дневнике по этому поводу:

«В этом месяце мы просто одурели от бесконечных банкетов и, судя по всему, они нам влетят в хорошую копеечку».

3 января 1902 года «Пересвет» покинул

Пирей и прибыл в Суду, где провел учебную стрельбу торпедами, после чего взял курс на Порт-Саид. 28 января «Пересвет», пройдя Суэцким каналом, прибыл в Аден, откуда взял курс на Коломбо.

На переходе Аден — Коломбо на «Пересвете» произошло 4 взрыва в котлах, трубки которых по словам одного механика «лопались, как мыльные пузыри».

17 февраля 1902 г. «Пересвет» прибыл в Коломбо, где простоял до 27 февраля, перебирая машину. В последний день февраля броненосец покинул Коломбо и, пройдя 9 марта экватор, прибыл 14 марта в Батавию, откуда вышел в Гонконг.

После непродолжительной стоянки в Гонконге «Пересвет» снова вышел в море и 5 апреля 1902 г. прибыл в Порт-Артур, где на нем поднял флаг младший флагман эскадры контр-адмирал О. В. Старк. Проинспектировав состояние службы и боевой подготовки на «Пересвете», найдя их весьма низкими, контр-адмирал Старк перенес свой флаг на крейсер «Россия», а экипаж «Пересвета» приступил к подготовке к крупным общefлотским учениям, назначенным на середину мая.

В конце апреля 1902 года командир «Пересвета» капитан 1 ранга Королев был произведен в контр-адмиралы и сдал командование броненосцем новому командиру ка-

питану 1 ранга Бойсману.

В мае 1902 года «Пересвет» совместно с броненосцами «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь», взаимодействуя с другими кораблями эскадры, принял участие в крупных маневрах, происходящих в Талиенваньской бухте. На маневрах отрабатывались действия флота по плану командующего эскадрой вице-адмирала Скрыдлова в случае возникновения вооруженного конфликта с Японией.

После окончания учений «Пересвет» вместе с другими броненосцами эскадры направился во Владивосток, где до сентября находился в вооруженном резерве.

21 сентября эскадренный броненосец «Пересвет» был выведен из резерва и на нем поднял свой флаг младший флагман эскадры Тихого океана контр-адмирал Кузьмич.

22 сентября «Пересвет» в качестве флагмана повел броненосцы «Севастополь» и «Полтаву» из Владивостока в Порт-Артур. Посетив по дороге корейский порт Гензан и японскую базу в Нагасаки, отряд в середине октября прибыл в Талиенваньскую бухту и после непродолжительного совместного плавания, перешел в Порт-Артур.

В январе — феврале 1903 года эскадренный броненосец «Пересвет» совершил непродолжительное плавание, посетив ряд портов Японии и Кореи, в частности Иокогаму и Нагасаки.

Пройдя в Нагасаки доковый осмотр и почистив подводную часть, корабль в середине февраля вернулся в Порт-Артур, где до конца марта пробыл в вооруженном резерве.

В апреле на «Пересвете» поднял свой флаг новый младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский, под флагом которого броненосец принял участие в эскадренных учениях, начавшихся 20 апреля в Талиенваньской бухте. На таких учениях вновь назначенный командующим эскадрой вице-адмирал Старк отрабатывал свой план военных действий, отличный от плана вице-адмирала Скрыдлова.

После окончания учений эскадра стала готовиться к встрече военного министра генерала Куропаткина, прибывающего в Порт-Артур, чтобы проинспектировать состояние крепости, эскадры и всего Квантунского укрепленного района.

Командование эскадрой решило принять министра на борту «Пересвета». Поэтому в начале июня контр-адмирал Ухтомский перенес свой флаг на броненосец «Ретвизан», а на мачтах «Пересвета» взвился флаг командующего эскадрой вице-адмирала Старка.

15 июня 1903 года генерал Куропаткин прибыл в Порт-Артур на борту крейсера «Аскольд». Под грохот артиллерийского салюта брейдивмпел министра был поднят на «Пересвете» над флагом командующего эскадрой, после

чего, возглавляемая «Пересветом» эскадра совершила показательный поход из Порт-Артура в Дальний, произведя по пути учебные стрельбы и эволюции, а затем перешла во Владивосток, где вице-адмирал Старк перенес свой флаг на броненосец «Петропавловск», а на «Пересвете» снова поднял флаг контр-адмирал Ухтомский.

Простояв до сентября 1903 г. в вооруженном резерве во Владивостоке,

«Пересвет» перешел в сентябре в Порт-Артур, где после непродолжительного пребывания в строю, в конце октября был снова выведен в вооруженный резерв.

Конец 1903 года застал почти все корабли Тихоокеанской эскадры, стоящими в вооруженном резерве либо в Порт-Артуре, либо во Владивостоке, поскольку 1903 год ознаменовался сильным перерасходом средств на содержание эскадры.

Нескончаемые директивы из Петербурга постоянно требовали от адмиралов Алексеева и Старка строжайшей экономии средств и материалов, однако неопровержимые доказательства готовности японцев в любую минуту начать военные действия против России заставили адмирала Алексеева 29 декабря 1903 года отдать приказ о выводе кораблей из резерва и о начале кампании «вследствие неопределенности политического положения»,

как туманно говорилось в его приказе.

Во исполнение приказа эскадренный броненосец «Пересвет», находящийся на внутреннем рейде Порт-Артура, 18 января 1904 года поднял вымпел и 19 января с утренней полной водой вышел на внешний рейд, присоединившись к уже вышедшим из резерва кораблям эскадры.

21 января «Пересвет» под флагом младшего флагмана эскадры контр-адмирала Ухтомского совершил вместе со всей эскадрой демонстративный поход к Шантунгу, целью которого, согласно официальному приказу, было «упражнение личного состава в эскадренном плавании и маневрировании, а также испытаниях беспроволочных телеграфов».

Рассмотрев в этом походе военную провокацию, Петербург приказал адмиралу Алексееву немедленно вернуть эскадру в Порт-Артур. 22 января «Пересвет» вместе с эскадрой вернулся в Талиенваньскую бухту, а оттуда, подчиняясь сигналу флагмана, перешел на внешний рейд Порт-Артура и занял по диспозиции якорное место № 4.

В ночь с 22 на 23 января «Пересвет» вместе с крейсером «Баян» заступил дежурным по ночному освещению внешнего рейда.

23, 24 и 25 января «Пересвет» оставался на своем якорном месте, имея за кормой броненосец «Петропавловск», по правому борту крейсер «Боярин», а по левому — крейсер «Баян».

Подчиняясь приказу, броненосец держал круглосуточно расчеты у орудий противоминной артиллерии, торпедные аппараты — готовыми к действию, а 25 января сдал в порт все лишнее дерево и часть деревянных спасательных средств.

Неизвестно по каким причинам адмирал Алексеев решил не информировать состав эскадры о надвигающихся событиях и даже дал указание старшим офицерам всячески опровергать любые слухи о возможности войны. Офицеры эскадры, уже о многом догадавшиеся по тем экстренным мероприятиям, что предпринимались на кораблях, имели также возможность получать информацию и из различных частных источников.

Утром 26 января на броненосец «Пересвет» была доставлена телеграмма, адресованная одному из офицеров корабля — лейтенанту Черкасову. Телеграмма была получена от отца Черкасова, в которой тот благословлял сына-офицера на «кратный подвиг в войне с японцами».

Содержание телеграммы сразу же стало известно не только офицерам «Пересвета», но и всех кораблей, что стояли по соседству с броненосцем, а в течение нескольких часов и всем офицерам эскадры.

Напряжение среди личного состава росло, но когда в ночь с 26 на 27 января на кораблях слышали взрывы японских торпед, люди на-

ходящиеся в каком-то странном сомнамбулизме, вначале никак не могли понять, что собственно произошло.

На «Пересвете» контр-адмирал Ухтомский, верный инструкциям заместника, начал убеждать офицеров, что это ночное учение, которое действительно, как правило, происходило по понедельникам. Даже когда посланные с подорванных кораблей катера разнесли по эскадре сообщение о случившемся, на «Пересвете» (втором флагмане эскадры) все еще отказывались верить в случившееся. По-видимому, адмирал Ухтомский, в свете имеющейся у него информации, не мог примириться с фактом, что русскую эскадру все-таки поймали врасплох.

Адмирал приказал спустить вельбот и лично направился с «Пересвета» на «Ретвизан», чтобы собственными глазами убедиться в том, чему ему не хотелось верить. И только после этого «Пересвет» направил шлюпки и катера на помощь подорванным японскими торпедами кораблям.

Весь остаток ночи на «Пересвете» лихорадочно готовили корабль к бою, и, когда утром 27 января на горизонте показался японский флот, «Пересвет», как и вся эскадра, был готов к сражению.

В 11:07 японцы, приблизившись к рейду, открыли огонь. Невзирая на путаницу, возникшую от противоречивых сигналов растерявшие-

гося вице-адмирала Старка и вмешательства наместника, «Пересвет» в 11:16 открыл ответный огонь, дал ход и, следуя приказу адмирала, вступил концевым кораблем в кильватерную колонну броненосцев. Ведя огонь сначала левым, а затем правым бортом, «Пересвет» по очереди обстреливал все корабли противника, выпустив в течение боя 308 снарядов (17 — 10", 86 — 6" и 205 — 75-мм).

В ходе этого боя «Пересвет» не получил, как, впрочем, и не добился ни одного попадания. За этот бой командир «Пересвета» капитан 1 ранга Бойсман был награжден мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени, а державший на броненосце флаг контр-адмирал Ухтомский — орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами. Кроме того, различными орденами были награждены четверо офицеров «Пересвета» и 25 матросов.

После окончания боя командующий эскадрой принял решение перевести эскадру на внутренний рейд. Это удалось начать только в 14:30 28 января.

Входу броненосцев очень мешал сидящий на мели в проходе подорванный «Ретвизан». Тем не менее в целом вход на внутренний рейд прошел благополучно, и только «Пересвет», начавший вход в гавань в 17:20, сел на мель в проходе.

Снятый с мели через 20 минут с помощью

пяти буксиров, «Пересвет» уже не успел войти в гавань до начала отлива и вынужден был остаться на ночь на внешнем рейде, войдя во внутренний бассейн лишь на рассвете 29 января.

«Пересвет» оставался со всей эскадрой на внутреннем рейде до приезда в Порт-Артур адмирала Макарова. В течение этого периода боевая деятельность броненосца ограничилась посылкой на берег небольшого десанта для патрулирования побережья и выделением паровых катеров для охраны сидящего на мели в проходе броненосца «Ретвизан».

С приездом адмирала Макарова начался активный период деятельности русской эскадры. На следующий день после своего прибытия в Порт-Артур адмирал Макаров вывел эскадру в море.

Это произошло 27 февраля — через месяц после начала войны.

Выход начался в 04:45 через 45 минут после того, как адмирал Макаров перенес свой флаг с крейсера «Аскольд» на броненосец «Петропавловск». Вслед за крейсерами «Баян» и «Аскольд» первым из броненосцев в 05:15 на внешний рейд вышел «Пересвет», неся флаг контр-адмирала князя Ухтомского.

Это был первый совместный поход эскадры в боевых условиях. «Пересвет» шел четвертым в колонне броненосцев, которые по сигналам с «Петропавловска» совершали различ-

ные эволюции в рамках эскадренного маневрирования.

В 16:00 «Пересвет» вместе с другими кораблями вернулся в Порт-Артур и вошел на внутренний рейд.

9 марта 1904 года «Пересвет» участвовал во втором выходе эскадры в море, когда была сорвана попытка японцев повторно бомбардировать крепость через высоты Ляотешаня. Это был именно тот день, когда русской эскадре впервые удалось полным составом выйти из гавани в малую воду, что произвело ошеломляющее впечатление на противника и так шокированного меткостью перекидного огня русских кораблей.

«Пересвет», получивший приказ наблюдать за действием отряда японских кораблей, бомбардировавших крепость, поднял сигнал: «Неприятель отступил, получив повреждение», что было встречено громким «ура» на всех кораблях эскадры.

Японцы, прекратив бомбардировку на два часа раньше, чем в предыдущий раз, стали отходить в море, демонстрируя явное нежелание вступить в бой с русской эскадрой и даже не отвечая на огонь «Петропавловска». Русская эскадра, продолжая двигаться за противником, ожидала присоединения «Пересвета» и «Победы», которые могли выйти на рейд только с началом прилива. (Ко всем своим прочим недо-

статкам корабли типа «Пересвет» имели еще и слишком большую осадку.)

С началом прилива в 12:10 (за полчаса до полной воды) «Пересвет» и «Победа» вышли из гавани, когда противник уже скрывался за горизонтом. В 12:15 оба броненосца получили приказ вернуться на внутренний рейд.

13 марта «Пересвет» принял участие в походе эскадры к островам Мяо-Тао для нанесения удара по морским коммуникациям противника. Пока крейсера останавливали и осматривали перехваченные пароходы, броненосцы, подчиняясь сигналам адмирала Макарова, снова практиковались в совместном маневрировании при быстрых изменениях скорости.

При выполнении этих маневров броненосец «Пересвет», следуя за «Севастополем», несколько растянул строй и в 09:45, желая занять свое место, увеличил ход до полного, не рассчитав движения и ударил «Севастополь» тараном в кормовую часть левого борта. Удар пришелся под углом в 20 градусов.

«Севастополь» получил серьезные повреждения, а «Пересвет» повредил себе форштевень. Из-за повреждений, полученных «Пересветом» и «Севастополем», адмирал Макаров прервал операцию и в 12:30 эскадра вернулась в Порт-Артур.

Недовольство адмирала Макарова низкой боевой подготовкой эскадры на всех уровнях

остро прорвалось после столкновения «Пересвета» и «Севастополя». Оба командира получили выговор в приказе, а командир «Севастополя» капитан 1 ранга Чернышев был снят с должности. (Адмирал Макаров планировал отстранить от командования и командира «Пересвета» капитана 2 ранга Бойсмана, заменив его командиром канонерской лодки «Манджур» капитаном 2 ранга Н. А. Кроуном, которого адмирал вызвал из Шанхая.

С трудом пробравшийся из Шанхая в Порт-Артур капитан 2 ранга Кроун успел только узнать о своем новом назначении и через несколько часов погиб вместе с адмиралом Макаровым при взрыве «Петропавловска».)

В выходе эскадры 14 марта «Пересвет» не участвовал, ремонтируя полученные накануне повреждения.

В роковой день, 31 марта, когда нервы адмирала Макарова не выдержали, и он попался в довольно простую ловушку, расставленную адмиралом Того, броненосец «Пересвет», снимаясь с бочек и готовясь выйти на рейд вслед за «Петропавловском» и «Полтавой», сел в 17:45 на мель, с которой сошел только через полчаса, и таким образом смог присоединиться к эскадре только в 08:40, когда Макаров, по-видимому, начав разгадывать план противника, приказал эскадре повернуть на 16 румбов.

«Пересвет» шел четвертым в колонне в

кильватер крейсера «Баян», имея за кормой броненосец «Победа». Когда в 09:39 «Петропавловск» неожиданно взорвался и почти мгновенно затонул, все корабли застопорили машины и начали спускать шлюпки, посылая их к месту гибели своего флагмана.

Командование эскадрой принял находящийся на «Пересвете» контр-адмирал Ухтомский, который, опасаясь возможных действий противника и паники на своих кораблях, поднял в 09:55 сигнал: «Всем кораблям построиться в кильватерную колонну за флагманским броненосцем «Пересвет» и выйти за линии створных знаков».

В момент перестроения эскадры в кильватер своему новому флагману Пересвету» в 10:10 на mine подорвался броненосец «Победа».

На эскадре началась паника. Считая, что взрывы «Петропавловска» и «Победы» вызваны нападением японских подводных лодок, корабли начали вести огонь по всему плавающему на поверхности воды.

Строй эскадры смешался. Видя это, адмирал Ухтомский приказал «Пересвету» полным ходом идти на внутренний рейд, подняв сигнал: «Всем кораблям войти в гавань, начиная с броненосцев».

В 12 часов дня все корабли русской эскадры вслед за поврежденной «Победой» втянулись на внутренний рейд, после чего с «Пересвета»

последовал приказ приготовиться к перекидной стрельбе, поскольку адмирал Ухтомский не исключал возможности бомбардировки противником крепости. Однако противник не воспользовался возможностью развить успех и, простояв на горизонте до 15:00, скрылся в юго-восточном направлении.

2 апреля, когда в Порт-Артур прибыл принявший на себя командование флотом адмирал Алексеев, японцы предприняли очередную бомбардировку крепости с моря через Ляотешань.

В 08:30 по сигналу с «Пересвета» корабли приготовились к ответной перекидной стрельбе, а броненосцу «Победа» и сигнальной станции на Золотой Горе было приказано перебивать большой искрой радиопередачи японцев, чтобы лишить противника возможности корректировать артиллерийский огонь своих кораблей.

Бомбардировку крепости вели броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга», выпустившие 190 снарядов. Отвечал им практически один «Пересвет», сделавший 28 выстрелов из 34 в общем объеме ответного огня. Остальные корабли не могли вести ответного огня либо из-за слишком большой дистанции, либо из-за необходимости слишком большого угла возвышения орудий главного и вспомогательного калибров. Хотя «Пересвет» и добился одного попадания в японский крейсер «Ниссин», капитан 1 ранга

Бойсман после боя докладывал, что «даже при стрельбе с 90 кабельтовых броненосец и башни получают слишком сильные сотрясения, а при углах возвышения орудий 25-30 градусов начинает ненадежно работать система электрической подачи в башнях».

3 апреля в 08:00 служба «Пересвета» в качестве флагманского корабля эскадры закончилась. Прибывший в Порт-Артур адмирал Алексеев поднял свой флаг на броненосце «Севастополь». Однако «Пересвет», оставаясь вторым флагманским кораблем, был единственным, не считая «Полтавы», броненосцем, находящимся в строю и в боевой готовности.

Необходимо помнить, что «Пересвет» считался флагманским кораблем отряда броненосцев, т. е. основной ударной силы флота, и на нем держал свой флаг командир этого отряда контр-адмирал князь Ухтомский — человек крайне нерешительный, безвольный и слабо подготовленный для своей должности.

В свое время адмирал Макаров поднимал вопрос о замене контр-адмирала Ухтомского, но не успел этого сделать. О том же просил адмирал Алексеев, уезжая из Порт-Артура. Однако князь Ухтомский заменен не был и в его руках оказалась судьба эскадры в бою 28 июля.

После гибели адмирала Макарова активность действий русского флота резко изменилась. Японцы снова начали спокойно хозяйни-

чать в водах около Порт-Артура, все сильнее сжимая кольцо морской блокады.

В ночь с 19 на 20 апреля противник предпринял третью, самую серьезную попытку заблокировать выход из Порт-Артура брандерами-заградителями.

Попытка была сорвана и все 9 брандеров противника затонули далеко от входа в гавань. Один из брандеров, прорвавшийся дальше всех и направляющийся точно по острову в проход, был взорван катером с броненосца «Пересвет», который действовал под командованием мичмана Беклемишева. Торпедировав брандер, катер, повернувшись к нему кормой, открыл огонь из 37-мм орудия и винтовок по японцам, которые пытались покинуть тонущее судно.

22 апреля перед отъездом из Порт-Артура адмирал Алексеев, передавая командование эскадрой своему начальнику штаба адмиралу Витгефту, наградил большое количество матросов эскадры знаками отличия Военного ордена. Среди награжденных было 6 матросов с броненосца «Пересвет».

А между тем, не встречая никакого сопротивления, японцы без всяких помех высадили десант на Ляодунском полуострове в составе целой армии, которая, отрезав Порт-Артур с суши, создала на театре военных действий совершенно новую стратегическую обстановку.

Высадившаяся на Ляодунский полуостров

2-я армия генерала Оку, тесня русские войска, выходила непосредственно к Порт-Артуру.

Было совершенно ясно, что боевым кораблям русской Тихоокеанской эскадры уже нельзя оставаться в крепости, блокированной и с суши, и с моря.

После ослабления японского флота из-за гибели нескольких кораблей на минах и в результате столкновений, штаб русской эскадры решил предпринять попытку прорыва из Порт-Артура во Владивосток.

10 июня 1904 года, дождавшись вступления в строй после ремонта «Цесаревича» и «Ретвизана», русская эскадра вышла в море, однако, встретив японский флот, не решилась принять бой и повернула обратно в Порт-Артур.

Броненосец «Пересвет» принимал участие в этом выходе и активно участвовал в отражении атак японских эсминцев после наступления темноты, доложив о потоплении двух из них, что однако не подтверждается противником.

При отражении торпедных атак «Пересвет» израсходовал чудовищное количество снарядов — 644 (7 — 10", 61 — 6", 150 — 75-мм и 426 — 47-мм).

События на сухопутном фронте продолжали развиваться весьма неблагоприятно для русской армии. Японцы продолжали теснить ее, и 17 июля, выходя на ближние подступы к Порт-Артуру, передовые отряды японской ар-

мии уже вошли в зону действия огня корабельных орудий броненосцев Тихоокеанской эскадры.

В этот же день русские броненосцы оказали своим огнем первый раз непосредственную поддержку сухопутным войскам. Выполняя заявки армии, «Пересвет» сделал 7 выстрелов из орудий главного калибра по скоплению войск противника.

В ходе ожесточенных боев за Волчьи горы броненосец «Пересвет» совместно с другими кораблями эскадры в период с 18 по 24 июля неоднократно вел огонь своими десятидюймовыми орудиями по скоплению и перемещению войск противника, которые занимали исходные позиции для решительного штурма крепости.

25 июля 1904 года японцы, сбив русские войска с Волчьих гор, установили там 120-мм осадные орудия и начали методическую бомбардировку внутреннего рейда Порт-Артура.

Стоящие в гавани броненосцы, в том числе и «Пересвет», вели с японцами ожесточенную контрбатареиную дуэль. «Пересвет», который снова стрелял чаще и лучше других кораблей, уничтожил несколько артиллерийских позиций противника, за что был отмечен специальным сигналом командующего флотом. Некорректированный огонь японских сухопутных батарей не нанес значительного ущерба, однако он

произвел сильное моральное воздействие на командование флотом, снова продемонстрировав, насколько флоту опасно оставаться в Порт-Артуре. 26 июля последовал личный приказ царя, предписывающий эскадре немедленно покинуть Порт-Артур и прорываться во Владивосток.

В тот же день японцы провели вторую бомбардировку крепости с сухопутных позиций, открыв огонь в 07:45. Первым в 08:12 открыл ответный огонь «Пересвет», показав снова отличную стрельбу, быстро уничтожив две артиллерийские позиции японцев и заставив батареи противника 4 раза менять место.

Отличная стрельба «Пересвета» снова была отмечена специальным сигналом командующего, выразившего броненосцу «свое особое удовольствие». Между тем выход эскадры на прорыв был назначен на 28 июля. Корабли срочно принимали необходимые запасы и уголь, устанавливали ранее снятые орудия.

На «Пересвет» было решено установить несколько 6" орудий, снятых с крейсера «Баян», который незадолго до этого подорвался на mine и не мог принять участия в прорыве. Работы продолжались всю ночь и весь день 27 июля под непрерывным огнем противника, который с 07:55 начал очередную бомбардировку гавани со всех своих позиций на Волчьих горах.

Не прерывая работ, броненосцы «Пере-

свет», «Ретвизан» и «Победа» в 08:30 открыли ответный огонь.

На этот раз огонь противника был эффективнее обычного, так как корректировался с высоты «67», откуда был частично виден внутренний рейд. Благодаря этому японцы добились нескольких попаданий в русские корабли, в том числе и в «Пересвет», получивший два попадания 120-мм снарядами, которые, правда, не причинили броненосцу особых повреждений. Кроме того, один снаряд попал в кран, устанавливавший на «Пересвет» снятые с «Баяна» орудия.

Тем не менее установку орудий удалось закончить, после чего поврежденный кран был отведен на мелкое место.

К утру 28 июля 1904 г. эскадренный броненосец «Пересвет» был готов к выходу в море, чтобы в составе эскадры попытаться покинуть обреченную, блокированную крепость и прорваться во Владивосток. (В период с 14 мая по 28 июля все корабли эскадры, включая и «Пересвет», выделяли людей и средства для производства ежедневных тральных работ на внешнем рейде. Всего за это время была обнаружена и обезврежена 201 японская мина. С «Пересвета» в тралении участвовали сам капитан 1 ранга Бойсман, а также лейтенант Остелецкий, штабс-капитан Лизоблюдов и мичманы Андросов, Рыжей, Денисов и Грече.)

Всю ночь с 27 на 28 июля на «Пересвете»

устанавливались в нижней батарее снятые с «Баяна» шестидюймовые орудия.

Только к утру 28 июля была закончена установка броневых щитов в казематах.

Не спавшие двое суток комендоры были сильно утомлены, а впереди их ждал бой. На борт был принят полный артиллерийский боекомплект, 20 шаровых мин и 5 зарядных отделений торпед. Кроме того, на броненосец был погружен трехмесячный запас продовольствия и 1500 тонн угля. Полный запас угля у «Пересвета» составлял 2050 тонн, но при такой нагрузке сильно увеличивалась осадка броненосца, что позволяло ему выходить из гавани только в полную воду. Вследствие этого еще адмиралом Макаровым «Пересвету» был установлен запас угля 1500 тонн.

Утро 28 июля было ясное и тихое. С рассвета корабли Тихоокеанской эскадры начали сниматься с якорей и выходить в море. По ордеру выхода «Пересвет», неся флаг контр-адмирала Ухтомского, снялся с якоря в 07:40 и вышел на внешний рейд вслед за броненосцем «Победа».

В 08:45 на флагманском броненосце «Цесаревич» был поднят сигнал: «Приготовиться к бою», а в 09:00 — сигнал о приказе идти во Владивосток.

Между тем эскадра медленно двигалась вперед за тралящим караваном навстречу роковому сражению.

С началом движения эскадры «Пересвет» занял свое место в строю в кильватер броненосцу «Победа», четвертым от флагманского броненосца «Цесаревич».

В кильватер «Пересвету» следовал броненосец «Севастополь».

Около полудня русская эскадра была перехвачена объединенным флотом адмирала Того Хайхачиро, а в 12:15, когда расстояние между противниками уменьшилось до 65 кабельтовых, «Пересвет» первым открыл огонь из носовой башни главного калибра.

В ходе первой фазы боя, около 12:30, в «Пересвет» попал всего один 12" снаряд, который, ударившись в четырехдюймовую броню жилой палубы под кормовыми казематами, разорвался, не пробив брони. Осколки этого снаряда проникли через прицельные прорезы в 3-й каземат, где вывели из строя шестидюймовое орудие и ранили 3 комендоров.

В 16:30, когда японцы, разойдясь с русской эскадрой контркурсами, снова настигли ее, началась вторая 147фаза боя. Сражение велось на дистанции 40 — 45 кабельтовых.

Японцы сосредоточили свой огонь на флагманских броненосцах эскадры «Цесаревиче» и «Пересвете», засыпая их снарядами.

В ходе второй фазы боя в «Пересвет» попало 40 японских снарядов.

Два крупных снаряда попали в носовую

башню главного калибра, убив командира башни лейтенанта Салтанова, старшего комендора Шевченко и комендора Вдовицкого, ранив при этом почти всех находящихся в башне.

Осколками этих же снарядов были погнуты угольники мамеринца, которые заклинили башню настолько, что 10 человек едва могли повернуть ее вручную. Кроме того, часть осколков попала в боевую рубку, где перебила кабели управления огнем и переговорную трубу в носовую башню.

Следующий снаряд попал в жилую палубу правого борта впереди носовой переборки. В пробоину хлынула вода, покрывшая палубу примерно на полметра, однако распространение воды было задержано носовой переборкой.

В 16:40 еще один снаряд попал в жилую палубу, на этот раз позади носовой переборки, образовав громадную пробоину.

Проникшая через эту пробоину вода, хлынула затем в подбашенное отделение, в боевые погреба, в отделение подводных торпедных аппаратов и боевых динамомашин. Вследствие этого пришлось остановить динамомашины, вывести из отсека людей и задрать водонепроницаемый люк.

Однако, поскольку носовая башня главного калибра продолжала вести огонь, было невозможно вывести людей из подбашенного отделения и боевых погребов. Поэтому все двери

и люки, ведущие в подбашенное отделение и погреба, были задраены, а отрезанные там 25 человек продолжали подавать снаряды и полузаряды в башню, вращая ее вручную, поскольку электрическая система вращения башни вышла из строя. Дальнейшее распространение воды через эту пробоину было остановлено третьей переборкой впереди носового траверза. Заделка пробоины из-за ее большого размера и сильной зыби была невозможна.

В 16:43 12" снаряд попал в семидюймовый броневой пояс ниже ватерлинии и, не пробив брони, помял 5 шпангоутов и переборку. Почти в то же самое время в броневой пояс носовых казематов попал еще один 12" снаряд, образовав пробоину в виде треугольника с основанием 2 фута и высотой 8 футов.

Через эту пробоину было принято 160 тонн воды, что образовало значительный крен, который удалось выровнять затоплением отделений противоположного борта.

Около 17:00 в «Пересвет» попало сразу три 12" снаряда. Один из них ударил в борт под самой верхней палубой, под запасным якорем пробил борт, разворотил палубу, выбив два контрфорса в якорь-цепи. Осколками этого снаряда осыпало палубу и боевую рубку, где был серьезно ранен командир броненосца капитан 1 ранга Бойсман.

Второй 12" снаряд, пробив борт, разорвал-

ся в гальванопластической мастерской, уничтожив все, что там находилось, выпучив переборку.

Третий снаряд уничтожил корабельную канцелярию, которая была затоплена водой. Ведя огонь всем правым бортом, «Пересвет» продолжал получать одно попадание за другим.

В 17:05 крупный снаряд попал в передний траверз кормовой рубки, разбил машинный люк и осколками вывел из строя среднюю машину броненосца, в результате чего скорость корабля упала до 12 узлов.

Вследствие многочисленных попаданий в верхнюю палубу и надстройки «Пересвета» на броненосце были сбиты обе стенки, разбиты и разворочены трубы, уничтожены все дальномеры, компасы и приборы управления огнем, разбиты все спасательные плавсредства и прожектора, надстройки и палуба изрешечены осколками, снесены и исковерканы вентиляционные трубы.

Из 10 шестидюймовых орудий было повреждено 7, из двадцати 75-мм орудий разбито 9, практически выведена из строя носовая башня главного калибра и повреждена кормовая.

При перекладке руля броненосец начинал медленно крениться в сторону, противоположную повороту, и вода, залившая жилую палубу, перекатываясь с борта на борт, увеличивала крен, который доходил до 8°. Причем «Пере-

свет» оставался в подобном положении до перекладки руля, а затем начинал валиться в противоположную сторону. Это объяснялось частично опустошением угольных ям и боевых погребов, что опасно повысило ветацентрическую высоту броненосца. Пришлось затопить все междудонное пространство, после чего устойчивость броненосца улучшилась.

Когда флагманский броненосец «Цесаревич» неожиданно вышел из строя, «Пересвет», уменьшив ход, последовал за ним. В момент поворота на «Пересвете» разобрали сигнал: «Адмирал передает командование», который означал, что в командование эскадрой должен вступить находящийся на «Пересвете» контр-адмирал Ухтомский.

Поскольку на «Пересвете» были сбиты обе стены, контр-адмирал Ухтомский приказал поднять сигнал: «Следовать за мной» на леерах правого крыла ходового мостика над боевой рубкой.

Сигнал этот был плохо видим и на многих кораблях его не заметили. Было предложение поднять сигнал «следовать за мной» на боевом марсе, однако туда было трудно добраться, поскольку мачта рядом с боевой рубкой была разбита попаданием 12" снаряда, оба трапа внутри мачты были повреждены и завалены обломками. Там же лежал труп убитого матроса, а сама мачта ежеминутно грозила упасть. Кроме того,

весь выигрыш в высоте составил бы 10 — 12 футов, а на «Пересвете» рассчитывали, что, если адмирал передал командование, то все корабли обязаны следить за сигналами «Пересвета».

Одновременно с подъемом сигнала на поручнях мостика, его пытались продублировать семафором и с помощью большого рупора — голосом на ближайшие корабли, но это не дало никаких результатов.

Строй эскадры смешался, на кораблях все были охвачены паникой, каждый думал только о себе.

Без всякого сомнения, многие видели, если не сигнал «Пересвета», то уж наверняка сигнал «Аскольда», но никто уже не хотел им подчиняться.

Еще никем не разобранные моральные уроки боя 28 июля красноречиво говорят о том, что японцы не только разбили и рассеяли русскую эскадру, но и нанесли ей такой моральный удар, от которого она уже не могла оправиться, что в известной степени и объясняет ее позорный конец.

Через несколько минут после подъема сигнала: «Следовать за мной» под носом «Пересвета» прошли крейсера «Аскольд» и «Диана», причем последний настолько близко, что старший штурман «Пересвета» капитан Лизоблюдов голосом предупредил «Диану», что броненосец плохо управляется и существует опасность стол-

кновения. Это услышали, но приказ флаг-офицера лейтенанта Стеценко, чтобы «Диана» подняла сигнал: «Эскадре следовать за «Пересветом», оставили без внимания.

Позже офицеры «Дианы» клялись, что ничего не слышали и не видели.

Быстро темнело, и корабли исчезали в темноте. После 19:00 можно было с трудом различать силуэты только близко идущих кораблей.

Убедившись, что ему не удалось принять командование эскадрой и что последняя прекратила свое существование в качестве организованного боевого соединения, адмирал Ухтомский провел краткое совещание с командиром и старшим штурманом «Пересвета», решая вопрос о дальнейших действиях броненосца.

Было ясно, что «Пересвет» со своими разбитыми трубами (вследствие чего увеличился и без того огромный расход угля), с вышедшей из строя средней машиной и с многочисленными пробойнами у ватерлинии не сможет самостоятельно прорваться во Владивосток.

Сначала поэтому было решено остаться на ночь на месте боя и принять окончательное решение утром. Однако чуть позднее выяснилось, что броненосец «Ретвизан», с которым удалось установить связь, повернул в Порт-Артур.

Командир «Пересвета» посоветовал Ухтомскому поступить так же. После некоторого колебания адмирал согласился, что это

наиболее оптимальное решение.

«Ретвизану» было приказано вступить в кильватер «Пересвету». Однако «Ретвизан», игнорировав этот приказ, обогнал «Пересвет» и стал удаляться полным ходом. По приказу Ухтомского на «Ретвизан» семафором передали приказ уменьшить ход. Однако и этот приказ не был выполнен «Ретвизаном», который быстро скрылся в темноте.

Для тех, кто считает, что сражение 28 июля окончилось почти «вничью», пусть хотя бы этот пример послужит доказательством, что русская эскадра была разбита, рассеяна, морально уничтожена и панически разбежалась во все стороны.

Позднее на «Ретвизане», конечно, утверждали, что не «разобрали» сигналов с «Пересвета», но, как выяснилось, командир «Ретвизана» капитан 1 ранга Щенснович почему-то считал себя, а не Ухтомского командиром отряда броненосцев, а посему не считал себя обязанным выполнять приказы адмирала.

Вся история Русского Флота полна схожих случаев, но если капитан 1 ранга Щенснович считал себя командиром отряда, то почему же он так позорно бежал, оставив свой отряд на милость судьбы и миноносцев противника?

«Пересвет» остался один в темноте. Вскоре с броненосца заметили какой-то корабль и от-

крыли по нему огонь, думая, что это японский миноносец. Но затем, почему-то именно тогда, когда этот корабль стал отвечать на огонь, на «Пересвете» решили, что случайно встретились с только что потерянным из виду броненосцем — «Ретвизан», отдали приказ прекратить огонь.

А между тем неизвестный корабль оказался действительно миноносцем противника, который сблизился с «Пересветом» настолько близко, что один из его 57-мм снарядов попал в ствол правого носового орудия главного калибра, сделав на нем выбоину глубиной около 5 см и выведя его окончательно из строя.

К счастью для «Пересвета», атаковавший его миноносец «Мурасаме», уже израсходовал все свои торпеды.

Ночью броненосец шел без огней, отражая не особенно интенсивные атаки миноносцев. Исправных компасов на «Пересвете» не было, шли, ориентируясь по полярной звезде, не зная точно своего места.

На рассвете выяснилось, что около «Пересвета» остались только броненосцы «Полтава» и «Победа», а также миноносец «Властный».

На горизонте был виден островок, который сначала приняли за о. Кэп, но потом выяснили, что это о. Роунд. На «Пересвете», не имея возможности точно определить свое место, попросили показать место броненосец «Победа».

Снова встал вопрос, куда следовать даль-

ше? Идти во Владивосток с таким немногочисленным отрядом адмирал не решился, видя насколько избиты «Полтава» и «Победа» и зная, как серьезно поврежден «Пересвет», способный дать ход только в 10 узлов.

Поэтому адмирал принял окончательное решение вернуться в Порт-Артур, чтобы своими уцелевшими орудиями и людьми оказать содействие обороне крепости.

Приняв это решение, адмирал запросил броненосец «Победа», может ли он вести отряд в Порт-Артур. Получив утвердительный ответ и выяснив, что полный ход, которым может следовать отряд, равен 9 узлам, Ухтомский приказал миноносцу «Властный» следовать вперед, чтобы выяснить обстановку на подходе к Порт-Артуру. Вскоре «Властный» вернулся и доложил на «Пересвет», что подход к Порт-Артуру охраняется крейсером противника.

Предполагая, что противник отрезал возвращающиеся корабли от базы, на всех трех броненосцах приготовились к бою. Однако, подойдя ближе, обнаружили, что корабль, принятый миноносцем «Властный» за крейсер противника, в действительности является пришедшим накануне броненосцем «Ретвизан», за которым виднелись броненосец «Севастополь» и крейсер «Паллада».

Миноносец «Властный» был послан за тралющим караваном, с помощью которого «Пере-

свет» и все остальные корабли втянулись на внутренний рейд Порт-Артура, идя тем же фарватером, что и накануне перед выходом в бой.

В бою 28 июля на броненосце «Пересвет» был убит один офицер (А. В. Салтанов) и 12 матросов. 69 человек было ранено, в том числе и командир «Пересвета» капитан 1-го ранга В. А. Бойсман, получивший осколочные ранения в плечо, живот и ногу.

Получив первую помощь, капитан 1 ранга Бойсман через 10 минут снова вернулся в рубку и оставался на ногах в течение всего боя и ночного похода. Командир покинул свой пост только тогда, когда «Пересвет» в 11:00 29 июля вошел в Западный бассейн Порт-Артура и встал на бочки. После этого командир был отправлен на госпитальное судно «Монголия», а в командование «Пересветом» вступил лейтенант Дмитриев 5-й. (Впоследствии, уже находясь в японском плену, Василий Арсеньевич Бойсман скончался от осложнений, вызванных ранами, полученными им в бою 28 июля.)

Интересно отметить, что во время боя 28 июля на «Пересвете» находились две женщины — жены офицеров — Ольга Черкасова и Лидия Непенина. Когда началось сражение, они, обеспокоенные за судьбу своих мужей, покинули лазарет, где должны были находиться, и бегали по всему кораблю, вызывая огромное удивление у всего экипажа.

За время боя и при отражении атак миноносцев эскадренный броненосец «Пересвет» израсходовал 109 десятидюймовых снарядов, 720 шестидюймовых, 315 — 47-мм снарядов.

Через несколько лет после окончания войны группа офицеров «Пересвета», некоторые из которых уже ушли в отставку, получили награды за бой 28 июля. Награды получили офицеры многих других кораблей, за исключением интернированных.

В тот же день, когда избитые в бою русские корабли вернулись в Артур с приспущенными флагами, японцы возобновили бомбардировку гавани с сухопутных позиций.

На этот раз корабли и сооружения военноморской базы обстреливались не только 120-мм орудиями, но и подтянутыми к Артуру 6" осадными батареями. Бомбардировка создавала очень нервную обстановку на кораблях, но существенных повреждений она не приносила, поскольку огонь японских осадных батарей велся вслепую и корректировался только китайскими шпионами.

После совещания на борту «Пересвета» 6 августа 1904 года, на котором было принято решение разделить судьбу крепости, корабли получили под свою ответственность различные участки сухопутного фронта.

«Пересвету» достался участок от укрепления № 4 до батареи литера Д.

Броненосец сдал на сухопутный фронт три 6" орудия, два 75-мм, два 47-мм и четыре 37-мм орудия, а также 3 прожектора. Для их обслуживания с «Пересвета» было списано на берег 103 человека.

Решение совещания, которое имело место 6 августа на борту «Пересвета», вызвало резкую критику со стороны находящегося в Мукдене адмирала Алексева, который настаивал на скорейшем ремонте кораблей и новом выходе в море «для прорыва во Владивосток».

Полемика между Ухтомским и Алексеевым привела к тому, что приказом № 115 от 15 августа 1904 года контрадмирал Ухтомский был снят со своего поста и отчислен в распоряжение штаба заместника, а на «Пересвете» поднял свой брейд вымпел вновь назначенный командующим отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре (так теперь стала скромно именоваться некогда могучая Тихоокеанская эскадра) капитан 1 ранга Вирен — бывший командир крейсера «Баян».

Через несколько дней капитан 1 ранга Р. Н. Вирен был произведен в контр-адмиралы и, спустив брейд-вымпел на «Пересвете», поднял свой контр-адмиральский флаг на броненосце «Ретвизан».

Между тем японцы, перегруппировав свои силы, начали генеральный штурм крепости. Со всех кораблей на усиление сухопутного фронта

были посланы десанты.

«Пересвет» послал на берег 213 матросов под командованием мичманов Максимова и Витгефта.

В период штурма с 30 июля по 12 августа броненосец «Пересвет» вел наиболее интенсивный огонь из орудий главного и вспомогательного калибров, оказывая непосредственную артиллерийскую поддержку обороняющимся русским войскам. Огонь велся по скоплению войск противника, по его артиллерийским позициям, по складам и передовым штабам. При этом «Пересветом» было уничтожено несколько артиллерийских батарей и уничтожено много живой силы противника.

С 13 по 21 августа «Пересвет» поддерживал своим огнем русские контратаки, которые велись в тщетных попытках отбить захваченные японцами позиции. Неся большие потери от огня русских кораблей, японцы вели своими осадными батареями непрерывный огонь по внутренним бассейнам Порт-Артура.

Сбив русские войска с вершины Длинной горы, противник получил возможность относительной корректировки перекидного огня своей артиллерии.

С вершины Длинной горы был виден небольшой участок акватории Западного бассейна, где и стоял броденосец «Пересвет». Естественно на нем и сконцентрировался артилле-

рийский огонь противника, однако 120-мм и даже 6" японские снаряды не причинили, да, пожалуй, и не могли причинить броненосцу существенных повреждений.

Всего за период с 5 по 18 сентября «Пересвет» получил 17 попаданий. За это время «Пересвет» продолжал ежедневно вести перекидной контрбатарейный огонь по японским позициям, брал на себя заведывания тралением и охраной рейда, а также обеспечивал действия своего десанта на берегу.

19 сентября 1904 года японцы начали бомбардировку Порт-Артура из 11" осадных мортир, которые им удалось скрытно доставить и развернуть в боевых порядках своей осадной армии. В первый же день бомбардировки в «Пересвет», который был ясно видим с Длинной горы, попало 9 одиннадцатидюймовых снарядов.

Из этих снарядов только один, попавший в борт вблизи ватерлинии, нарушил водонепроницаемость «Пересвета», остальные разорвались, не причинив особых повреждений. Однако материальный ущерб первого дня бомбардировки из 11" мортир не шел ни в какое сравнение с их моральным воздействием на личный состав эскадры.

Все отлично понимали, что от этих снарядов защиты нет. Пришлось приостановить ремонтные работы и свести на берег во избежа-

ние напрасных потерь в личном составе большую часть экипажей. Все корабли подтянулись ближе к Перепелиной горе, чтобы по возможности стать менее видимыми с Длинной горы.

До 25 сентября японцы, развернув 11" осадные батареи, вели ими довольно вялый огонь, испытывая итальянские мортиры на дальность и кучность огня, одновременно заканчивая оборудование и маскировку их позиций.

Интересно отметить, что 5 броненосцев, имея в общей сложности девять 12" и восемь 10" орудий, так и не смогли в течение всей осады не только подавить осадные батареи противника, но даже нанести им какой-нибудь ущерб, поскольку точно установить их позиции так и не удалось.

26 сентября противник начал интенсивный методический обстрел фортов и гавани Порт-Артура из своих тяжелых осадных орудий.

28 сентября в броненосец «Пересвет» попало одиннадцать 11" снарядов.

Первый из этих снарядов, пробив батарейную палубу «Пересвета», прошел через угольную яму, разорвался на жилой палубе, уничтожив торпеду (без зарядного отделения) и турбину.

Второй снаряд пробил сетку с койками, навесную палубу верхней батареи, уничтожил элеватор 37-мм орудия, пробил палубу нижней батареи, повредил рефрижератор, пробил в двух

местах карапас и, разорвавшись, уничтожил еще одну торпеду.

Третий — пробил кожух средней дымовой трубы и навесную палубу, уничтожил отростки главной пожарной магистрали, пробил палубу верхней батареи, разбил трубы рефрижератора, уничтожил ледник и элеватор подъема мусора, пробил пустую угольную яму, двойной борт, наружную обшивку до четырехдюймовой брони и, не разорвавшись, лег за двойным бортом.

Четвертый — повредил носовую шлюпбалку и разорвался о броню каземата № 7.

Пятый — повредил заднюю дымовую трубку, пробил кожух и, выйдя на палубу верхней батареи, пробил ее, откатился под рукав угольной ямы, разбив по пути вентилятор боевого погреба № 3 и трубы парового отопления, к счастью, не взорвавшись.

Шестой — пробил элеватор 75-мм орудия и навесную палубу, разорвался на палубе верхней батареи, пробив ее осколками, уничтожив при этом динамомашину, масляную цистерну, изрешетив палубу нижней батареи и ранив 4 человека.

Седьмой — пробил навесную палубу, уничтожив склад артиллерийских принадлежностей, пробил наружный борт, скользнул по станине 75-мм орудия и, не разорвавшись, откатился к борту.

Восьмой — повредил мостик, уничтожив

койки, ограждавшие рубку, пробил навесную палубу и шахту левой машины, прошел через палубу верхней батареи, пробил двухдюймовую броню каземата № 4 и, разорвавшись, повредил 6" орудие.

30 сентября в «Пересвет» попало 4 снаряда.

Первый — пробив три палубы, уничтожил мощную динамомашину.

Второй — попал в левый борт броненосца, пробил его и, разорвавшись у переборки 66, повредил ее и водонепроницаемую дверь из левой машины в кочегарку.

Третий — попал в правый борт «Пересвета», сорвал дверь угольной ямы и повредил турбину.

Четвертый — попал в броню верхнего каземата носового 6" орудия, повредив полупортик. Расстрел «Пересвета» продолжался, а оставшиеся на нем люди ждали своей судьбы.

В те дни на «Пересвете» побывал военный корреспондент Е. К. Ножин, который впоследствии вспоминал:

«Воскресенье. День ясный, теплый. Ветра нет. Внутренний рейд, как зеркало. Бомбардировка только что началась. У берега ни одной шампунки. Недавно в пристань попал снаряд — все разбежались. На одном из судовых катеров добрался наконец до «Пересвета». Большой, темный и грозный стоял он в центре Западного бассейна... Зияют, словно раскрытые

ворота, огромные надводные пробоины, всюду и везде следы взрывов неприятельских снарядов...

Между тем бомбардировка усиливалась — японцы пристреливались. Через полчаса два снаряда попали в адмиральское помещение. Затем попадания участились — огонь японцев сосредоточился исключительно на «Пересвете».

Вышли наверх. На верхней палубе никого — только вахтенный офицер, подвахтенный и часовой у кормового флага. Громада броненосца стоит недвижимо. Снаряд за снарядом падает в воду, вздымая при взрыве огромные столбы воды. Слышен вой снаряда, сердце замрет, прислушиваешься — куда упадет? Ждешь... В воду. Опять вой! В воду. Опять. Еще, еще. Вой — долгий, протяжный. Треск, гул — ударило в борт. Громада броненосца как бы нервно вздрогнула.

Спустились вниз. Вестовые подали чай.

Присутствующие офицеры непринужденно болтают. Кто пьет чай, кто читает...

Бомбардировка продолжалась.

Я зорко наблюдал за офицерами и матросами. Полное безразличие к смертельной опасности. Жизнь текла обычным путем. Только в самый момент попадания все прислушивались, стараясь угадать, где упал снаряд. А каждый следующий снаряд мог упасть именно сюда, где мы сидели.

Попадания все чаще, чаще. Бомбардировка усиливалась.

Около 5 часов снаряд разорвался на камбузе, где люди брали кипяток. Побежали туда. Несколько убито, несколько ранено. Двум оторвало ноги. В помещении стоял густой, удушливый дым. Стоны раненых, испуганные лица уцелевших. В дыму суетятся санитары и фельдшеры. Кровь, кровь, лужа крови, куски одежды, куски мяса...»

В ночь на 1 октября «Пересвет» перешел на новое место ближе к берегу под защиту Перепелиной горы.

Между тем на сухопутном фронте с каждым днем возрастала жесточенность боев.

Не считаясь с потерями, японцы яростно штурмовали гору Высокую, которая господствовала над крепостью и гаванью.

И японцы, и русские отлично понимали, что падение Высокой — это падение Порт-Артура и гибель заблокированной в нем эскадры.

Тяжелые осадные батареи, прекратив обстрел гавани, переключились на поддержку сухопутных войск, которые непрекращающимися волнами шли на штурм Высокой горы.

На головы атакующих обрушивались шаровые мины, торпеды, их засыпали снарядами, ручными гранатами и просто камнями, поливали пулеметным огнем и мощными залпами русских трехлинейек. Сойдясь врукопашную, люди

дрались прикладами, штыками, шашками, просто кулаками, рвали друг друга зубами, душили.

Японцы откатывались, и на скопление их войск обрушивались 12" снаряды броненосцев.

В боях за гору Высокую принимал активнейшее участие десант моряков с «Пересвета» под командованием мичманов Рыжея, Максимова, Денисова, Буткевича, инженер-механика Гебенштрейта и прапорщика Семенова.

Минный офицер с «Пересвета» лейтенант Кротков изобрел электрическое проволочное ограждение, развернутое на подступах к Курганной батарее, после штурма которой было обнаружено 150 трупов, убитых током, японских солдат.

И тем не менее ярость японских штурмов возрастала. Их неистовость и полное презрение к смерти наряду с прекрасной боевой подготовкой в итоге сделали свое дело. В ночь на 22 ноября русские были сбиты с обеих вершин Высокой.

Еще под огнем отчаянных русских контратак на Высокой начали разворачиваться артиллерийские корректировочные посты, и утром 23 ноября осадные батареи обрушили прицельный огонь 11" снарядов на русские корабли.

В этот день главной целью японцев был броненосец «Ретвизан», однако 5 тяжелых снарядов попало и в «Пересвет».

Первый снаряд, пробив палубы, уничтожил механическую мастерскую.

Второй снаряд попал в носовой Кочегарный кожух, пробил его, и не разорвавшись, лег на верхней палубе.

Третий попал в кормовую кочегарку, пробил котел и также не разорвался.

Четвертый — проник в тросовое отделение и, разорвавшись, причинил подводную пробоину.

Пятый уничтожил офицерский камбуз и разорвался в кормовом кочегарном кожухе.

Все понимали, что корабли обречены, но приказа выйти в море так и не последовало. Какое-то проклятие висело над русским флотом, лишив его последнего права погибнуть достойно.

Покончив 23 ноября с «Ретвизаном», японцы с рассветом 24 ноября приступили к расстрелу «Пересвета». За день в броненосец попало 20 одиннадцатидюймовых снарядов. После первых десяти попаданий на корабле вспыхнул сильный пожар, бороться с которым под градом снарядов было совершенно невозможно.

Командовавший броненосцем капитан 2-го ранга Дмитриев, опасаясь взрыва и надеясь этим прекратить бомбардировку, приказал открыть кингстоны и затопить «Пересвет». Объятый пламенем корабль, опустился на грунт на ровном киле, погрузившись в кормовой части почти до

верхней палубы.

Однако это не прекратило расстрел «Пересвета». В уже погибший корабль японцы всадили еще 10 снарядов и только после этого перенесли огонь на броненосец «Победа».

После затопления с «Пересвета» были свежены на берег остатки экипажа и боевых запасов. Перед капитуляцией крепости все затопленные в гавани корабли были взорваны.

Руководивший уничтожением «Пересвета» лейтенант Черкасов, в ответ на появившиеся сообщения о подъеме «Пересвета» японцами, по-видимому, не кривя душой, писал; «За время войны, как от боев, так и от бомбардировок и собственной стрельбы все корабли были расшатаны и изрешечены, и заплаты ставились на заплаты. «Пересвет» в бою 28 июля получил 40 снарядов, из которых один сделал подводную пробоину и три, близких к ватерлинии.

Были дни, когда, стоя на рейде, «Пересвет» получал по 3, 8, 10, 13, 22 и 27 одиннадцатидюймовых снарядов, пробивавших корабль почти до самого киля, и массу шестидюймовых снарядов. В общем, было много больше сотни попаданий, а из них больше пяти подводных.

После потопления, когда броненосец сел футов на 8 глубже в малую воду, то в этих восьми футах небронированного борта было еще больше пробоин, сделавшихся таким образом тоже подводными, которые для подъема кораб-

ля надо также предварительно зачинить. Палубы и водонепроницаемые переборки до самого киля были все изрешечены и покороблены, разные трубы и вспомогательные механизмы повреждены, котлы — разбиты... Кроме этого, перед капитуляцией на броненосце пироксилином было уничтожено все, что имеет какую-либо боевую ценность...

Из всего этого видно, что поднять корабли, затопленные в Артуре, представляется делом весьма сложным, трудным, кропотливым и страшно дорогостоящим. Раньше, чем поднимать, их придется чинить под водой. Починка кессонами, как чинили мы свои корабли, теперь невыполнима, так как кессон может присосаться только к находящимся на плаву кораблям...

Следовательно, для подъема наших кораблей японцам придется построить кругом каждого броненосца по сухому доку и, откачав воду, чинить повреждения, если только от подобной стоянки на грунте поврежденные корабли не развалятся сами собой. Понятно, что постройка одного только такого дока займет 2 — 3 года работы и обойдется дороже нового современного броненосца! Кроме того, мы знаем, что до марта 1905 года японцы и не приступали к подъему кораблей.

Весь японский гарнизон Порт-Артура состоял из 1000 — 2000 человек, несших исключительно караульную службу. На кораблях нахо-

дились только вахтенные, никаких работ не было видно.

Не могли же они (японцы) в четыре месяца (с марта по июль) поднять все корабли, починить их и привести машины, котлы, палубы, переборки и все жизненные части в такой вид, чтобы корабли эти «под собственными парами» могли выйти из Артура — нет, это вещь абсолютно невозможная!

Стоит только представить себе картину разрушений, чтобы быть совершенно спокойным и уверенным в вымысле японских сообщений. Порт и мастерские были настолько разрушены, что к исправлению их положительно не стоило приступать. А ведь раньше, чем чинить корабли, японцам пришлось бы восстанавливать мастерские, а на это тоже нужны время и деньги... Нет, корабли наши могут быть только проданы как железный лом, который при том надо еще добывать из воды».

Не будем говорить о познаниях лейтенанта Черкасова в вопросах судоподъема, но писал он вполне искренне.

После захвата Порт-Артура японцами на затопленном «Пересвете» побывал английский журналист Н. Сеппинг-Райт, которому, по мнению некоторых советских историков, подчинялся адмирал Того.

Сеппинг-Райт пишет: «На «Пересвет» мы поднялись с некоторым затруднением по очень

слабо укрепленному трапу, поручни которого были совершенно уничтожены. Палуба представляла картину разгрома и разрушения... Носовая башня была полуразрушена, орудия и станки — разбиты вдребезги... Снаряд сбил верхнюю часть башни и на палубе лежала ее крыша. Остальная часть башни вся расшаталась и представляла сходство с лопнувшим гранатовым яблоком.

Мостик был уничтожен, а попавший в боевую рубку снаряд, привел ее в полную негодность. Все закоптело и искорежилось от действия пожара.

Огонь dokonчил разрушение всего, уцелевшего от действия японских снарядов. Сильно пострадали дымовые трубы: одна из них имела вид безобразной груды изогнутого железа. Задний мостик находился в таком же состоянии разрушения, как и передний, хотя бушевавший на броненосце пожар сгладил много следов повреждений, нанесенных японскими снарядами. Повреждения машинного отделения оставались пока еще тайной, обнаружить которую можно было, только выкачав оттуда воду».

Захватив Порт-Артур, японцы назначили командиром порта способного и энергичного вице-адмирала Сибайяма — крупного специалиста аварийно-спасательных работ.

В середине марта 1905 г. под его руководством начались работы по подъему и исправле-

нию затопленных в гавани русских кораблей, которые были организованы настолько быстро и велись настолько эффективно» что у лейтенанта Черкасова, привыкшего к совершенно другим темпам и другой организации работ, безусловно были все причины сомневаться в правдивости японских сообщений.

29 июня 1905 года броненосец «Пересвет» был поднят японцами, переименован в «Сагами» (древнее название японской провинции Канагава) и торжественно включен в состав императорского флота Японии.

Через несколько дней броненосец «Сагами» своим ходом направился в Сасебо, где он был поставлен в док.

17 августа 1905 г. броненосец «Сагами» закончил доковый ремонт и направился в Токийский залив для подготовки к торжественному военно-морскому параду японского флота по случаю победоносного завершения войны.

Из окна военно-морского госпиталя за уходом «Сагами» с болью наблюдал пленный русский офицер капитан 1 ранга В. Семенов, который записал в своем дневнике:

«17 августа — «Пересвет» вышел из дока и пошел куда-то... Боже, какой позор! Больно глядеть. Как ударило по сердцу! Идет под своими машинами, под японским флагом!»

Приняв участие 10 октября 1905 года в торжественном военно-морском параде победы,

броненосец «Сагами» был поставлен на капитальный ремонт и модернизацию.

Модернизационные работы на броненосце продолжались до 1909 г., после чего «Сагами» служил в составе японского флота в качестве корабля береговой обороны.

После модернизации «Сагами» японцы выпустили дезинформацию о том, что на броненосец вместо 10" орудий поставлены 12" системы Армстронга. Только после вступления Японии в 1914 году в войну на стороне Антанты выяснилось, что на корабле осталась десятидюймовая артиллерия.

«Пересвет» оставался в японском плену до 1916 года, после чего он был продан обратно России за 7 миллионов иен в связи с необходимостью усиления вновь созданной русской флотилии Северного Ледовитого океана.

21 марта 1916 г. линейный корабль «Сагами», ведя за собой на Родину своих пленных товарищей — линейный корабль «Танго» (б. «Полтава») и крейсер «Сойя» (б. «Варяг»), прибыл во Владивосток в составе отряда японского контр-адмирала Яманака.

27 марта японский линкор «Сагами» был снова переименован в «Пересвет», переклассифицирован в класс броненосных крейсеров и в 10 часов утра, когда на нем снова взвились русские военно-морские флаги, вторично вступил в строй Русского Флота под командованием ка-

питана I ранга Д. Д. Заботкина. Кроме того, на «Пересвете» поднял свой флаг командующий отрядом контр-адмирал А. И. Бестужев-Рюмин.

В процессе подготовки к длительному переходу из Владивостока в Мурманск «Пересвет» 23 мая 1916 года вышел из Владивостока в море под флагом командующего отрядом для испытания машин и производства артиллерийских стрельб. Погода была не совсем благоприятной — над морем периодически спускался туман, поэтому предполагалось до захода солнца возвратиться на базу.

Завершив испытания, «Пересвет», находясь в семи милях восточнее маяка Скрыплева, повернул на обратный курс и, следуя 7-узловым ходом, стал возвращаться во Владивосток. В это время туман стал настолько плотным, что маяк Скрыплева совершенно скрылся из вида и направление на него было определено только по звуку сирены. В данной обстановке, не зная точно своего места, «Пересвет» повернул влево на 6° , намереваясь пройти серединой фарватера.

В 18:58, через 16 минут после поворота, в тумане справа по носу был замечен скалистый берег, прямо на который шел «Пересвет». Командир, заметив навигационную ошибку, дал полный ход назад, однако «Пересвет», продолжая по инерции двигаться вперед, выскочил носом на прибрежный риф в 120 м от берега, получив крен 2° на левый борт и дифферент на

корму. Когда туман рассеялся, было установлено, что крейсер сел на камни в 1,5 кабельтовых к востоку от мыса Иродова.

Осмотр отсеков показал, что «Пересвет» получил ряд подводных пробоин, в результате чего некоторые носовые водонепроницаемые отделения оказались затопленными водой, в том числе и подбашенное отделение носовых орудий главного калибра. А это свидетельствовало о необходимости полной замены вертикального кия, а также шпангоутов до первого непроницаемого стрингера наружной обшивки внутреннего дна и некоторых платформ.

Произведенный водолазами вокруг корабля осмотр грунта показал, что «Пересвет» сидел днищем до 10 шпангоута на каменной плите, имевшей небольшой склон к морю. При этом наружное дно между 11-м и 30-м шпангоутами на протяжении 22,8 м было повреждено, а киль разбит на протяжении 34,8 м (от 5-го до 34-го шпангоута). Все попытки сойти с мели собственными средствами, давая машинами задний ход, не привели ни к каким результатам. Пришлось запросить помощь.

Контр-адмирал Бестужев-Рюмин доложил по радио об аварии командующему Сибирской флотилией вице-адмиралу М. Ф. Шульцу, прося его прислать портовые средства для производства спасательных работ, а затем дал радиogramму на «Чесму» (б. «Полтава»), приказав

линкору развести пары и находиться в готовности к выходу на помощь «Пересвету».

Первыми к месту аварии в 2 часа дня прибыли из Владивостока мощные портовые буксиры «Надежный» и «Свирь». На «Надежном» находился командир Владивостокского военного порта. Затем прибыл линейный корабль «Чесма», с помощью которого и было решено снять «Пересвет» с камней. С «Чесмы» на корму «Пересвета» был подан буксирный конец, и в течение последующих 30 минут линкор пытался стянуть своего товарища с мели. Однако все попытки оказались тщетными. Тогда к линейному кораблю «Чесма» присоединился буксир «Надежный», с которого на «Пересвет» в течение одного часа 40 минут подавали мощный буксирный конец. Однако этот конец лопнул после 10 минут буксировки.

25 мая линейный корабль «Чесма» и оба буксира продолжали попытки снять «Пересвет» с камней. Носовая часть корабля была разгружена, а в кормовые отделения было принято 200 т воды для уменьшения дифферента на нос. Однако все усилия были тщетными. Буксирные перлины рвались один за другим, а «Пересвет» не двигался ни на дюйм. В конце дня работы по спасению «Пересвета» были временно приостановлены. Видя тщетность усилий снять «Пересвет» с камней своими силами, командование Сибирской флотилии 26 мая послало телеграм-

му русскому военно-морскому атташе в Токио капитану 2 ранга А. Н. Воскресенскому с просьбой прозондировать почву о возможности привлечения к работам по снятию «Пересвета» с камней японских спасательных компаний. 30 мая капитан 2 ранга Воскресенский сообщил о согласии японского командования оказать содействие спасательным работам на «Пересвете». 1 июня во Владивосток из Японии был отправлен японский крейсер «Касаги» с группой специалистов спасателей и необходимым оборудованием.

В ожидании прибытия японских специалистов вокруг «Пересвета» продолжались водолазные и подрывные работы, в результате которых уменьшилась площадь касания днища крейсера с выступающими из плиты камнями. Одновременно из Владивостока к месту аварии были доставлены баржи-понтон, которые 3 июня были заведены под нос «Пересвета». 4 июня началось откачивание воды из барж и отсеков корабля, но в связи с малой мощностью насосов работы шли медленно и неэффективно. Новые попытки буксировки «Пересвета» с помощью «Чесмы» и двух буксиров снова практически ни к чему не привели. После этого было принято окончательное решение передать спасательные работы на «Пересвете» в руки японцев, поскольку к этому времени крейсер «Касаги» уже доставил во Владивосток японских специалистов.

7 июня 1916 года японцы приступили к работам по снятию «Пересвета» с камней. Используя мощные насосы, они быстро откачали воду из «Пересвета» и, осушив внутреннее дно, залили цементом обнаруженные трещины. Укрепив переборки и разгрузив носовую часть «Пересвета» еще на 400 т, японцы подвели под корабль 4 баржи-понтон и в тот же день, 7 июня, в 20:45 «Пересвет» был снят с камней и отведен на буксире во Владивосток, где был поставлен в док для производства временного ремонта, чтобы корабль мог совершить переход в японский порт Майдзуру для более капитального ремонта.

25 июля «Пересвет» вышел из дока во Владивостоке, а 27 июля покинул Владивосток, взяв курс на Майдзуру, куда он прибыл через 63 часа, идя со скоростью 8 узлов.

6 августа «Пересвет» был введен японцами в док военно-морской базы Майдзуру, где корабль простоял более месяца.

12 сентября доковые работы были закончены и «Пересвет» начал подготовку к почти кругосветному переходу в Мурманск.

19 октября 1916 года «Пересвет» вышел из Майдзуру и, зайдя по дороге в Гонконг, Сингапур, Аден и Суэц, прибыл 6 декабря 1916 года в Порт-Саид.

В этот период, в разгаре первой мировой войны, в Восточном Средиземноморье резко возросла активность немецких подводных ло-

док, которые, помимо обычных атак на союзные корабли и конвои, еще и выставляли мины на вероятных путях их движения.

Особенно интенсивно немецкие подводные лодки действовали у побережья Египта на торговых путях из Суэцкого канала.

В начале декабря 1916 года немецкая подводная лодка «U-73» произвела несколько минных постановок у побережья Египта на подступах к Суэцкому каналу.

22 декабря 1916 г. (4 января 1917 г.) «Пересвет» в сопровождении английского эсминца вышел из Порт-Саида. Корабль следовал в полной боевой готовности на случай отражения возможных атак немецких подводных лодок.

Отойдя на несколько миль по прямому курсу от Порт-Саида, английский эсминец, эскортирующий «Пересвет», пошел зигзагами, и его примеру последовал «Пересвет», стараясь ворочать в точках поворота своего мателота. В момент третьего поворота для выполнения зигзага, в 17:30, «Пересвет» последовательно подорвался на двух минах.

Первый взрыв произошел в носовой части левого борта напротив носовой 10" башни, что вызвало детонацию боезапаса главного калибра.

Мощный двойной взрыв снес крышу башни главного калибра и, прорвав все палубы, поднял высоко над кораблем страшный смерч зе-

лено-оранжевого огня и желто-черного дыма. Взрыв в носу отразился двойным взрывом в корме и «Пересвет» стал быстро зарываться носом в воду.

Считая, что корабль торпедирован немецкой подводной лодкой, расчеты противоминной артиллерии открыли огонь по воде. «Пересвет», валясь на левый борт, продолжал уходить носом в воду и в наступившей после взрыва тишине был ясно слышан скрежет, ломаемых водой водонепроницаемых переборок.

Видя, что гибель «Пересвета» неминуема, командир крейсера, несмотря на контузию в голову, успокоил личный состав и отдал приказ покинуть обреченный корабль.

Попытки спустить шлюпки большей частью окончились неудачей — их разбивало волной.

Удалось спустить только один паровой катер, на который стали поднимать из воды людей, плававших около гибнущего корабля.

В 17:47 (через 17 минут после взрыва) «Пересвет», перевернувшись через левый борт, затонул на глубине 45 метров.

Жизнь многострадального ветерана закончилась.

Место гибели «Пересвета» — в 10 милях на NO-24' от выхода из Порт-Саида.

В течение четырех часов английский эсминец и подошедшие французские траулеры спасали экипаж «Пересвета».

Всего удалось поднять из воды 557 человек, из которых 9 впоследствии умерли в госпитале Порт-Саида. Погибло 252 человека — 30,4% личного состава.

(Стоимость аварийно-спасательных работ и ремонта в мае — сентябре 1916 г. — 740000 р.)

Корабль находился в строю 15 лет, из них 11 — под японским флагом.

Эскадренный броненосец «Пересвет» был зачислен в списки Русского Флота 3 октября 1895 года.

Исключен из списков 15 сентября 1905 г. Крейсер «Пересвет» был вторично зачислен в списки Русского Флота 6 апреля 1916 года.

Исключен из списков 28 марта 1917 года.

Командиры эскадренного броненосца «Пересвет» с 1895 — 1917 гг.

1895 — 1897 гг.- капитан 1-го ранга
Филисов

1897 — 1902 гг.- капитан 1-го ранга
Королев

1902 -1904 гг.- капитан 1-го ранга
Бойсман

1904 г.- капитан 2-го ранга Дмитриев

1916 г.- капитан 1 ранга Заботкин.

(Капитан 1 ранга Дмитрий Дмитриевич Заботкин — дед популярной в наше время балерины и киноактрисы Ольги Заботкиной — был

снят с должности после посадки «Пересвета» на камни в мае 1916 г., хотя в своем рапорте он уверял, что «Пересвет» был сознательно посажен на камни штурманом — немцем по происхождению. А это доказывает, что попытки свалить низкую боевую подготовку и общее отсутствие элементарного порядка на происки шпионов, диверсантов и вредителей были изобретены не после 1917 года, как многие думают, а намного раньше.)

1916 (17. 08 — 22. 12) — капитан 1 ранга Иванов 13-й.

Русские адмиралы, державшие свой флаг на «Пересвете»

1902 г.- контр-адмиралы Старк и Кузьмич

1903 г.- вице-адмирал Старк и контр-адмирал князь Ухтомский

1904 г.- контр-адмирал князь Ухтомский и контр-адмирал Р. Н. Вирен 1916 г. — контр-адмирал Бестужев-Рюмин

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПЕРЕСВЕТ»

Капитан 1 ранга Иванов 13-й: «Как и кем была произведена приемка «Пересвета», но она была совершена недостаточно серьезно, требо-

вательно и внимательно. Зашпаклевавши и замазавши непроницаемым толстым слоем краски все дефекты, японцы привели их во Владивосток, где состоялась передача, и наших многострадальных, старых ветеранов вновь осенил славный Андреевский флаг...»

Людевиг (волонтер): «Домерщиков Мих. Мих., новый «старшой», тотчас же по прибытии на корабль произнес две речи перед офицерами и командой.

Перед первыми он развил мысль о необходимости воздействия на матросов не кулаком и наказанием, а личным примером добросовестного отношения к службе. Тенденция эта встретила резкую оппозицию офицеров. Во всяком случае, повышение требования к офицерам, с одной стороны, и защита интересов матросов, может быть иногда в ущерб престижу офицеров, с другой стороны, повели к тому, что старший офицер оказался совершенно изолированным от остальной кают-компании. Матросам Домерщиков сказал, что он будет строго требовать службу, но зато обещал заботиться о пище, а со своими нуждами разрешил без стеснения ходить к нему.

Следуя программе, высказанной перед офицерами, он первое время ни одного взыскания не накладывал и пытался воздействовать словом. Но вожжи слишком быстро были распущены. До того незаметное тайное пьянство на

корабле стало явным, а число краж увеличилось. Число метчиков все росло и дошло до баснословной цифры, в 20 с лишним человек в день.

Пришлось снова вводить строгости... По словам офицеров, вахтенных начальников, командир был предупрежден английскими властями о том, что в Порт-Саиде предполагаются германские агенты и что необходимо принять строжайшие меры по охране корабля от проникновения посторонних лиц.

Па словах были даны строжайшие распоряжения, чтобы абсолютно никто без специального разрешения на корабль не пропускался, но на деле было вовсе не так.

Разные прачки, портные, торговцы свободно разгуливали не только в офицерских палубах, но даже и в обеих командных. Рабочие одного из порт-саидовских заводов, работавшие по ремонту мусорных эжекторов, всходили на корабль, иногда даже не спрашивая разрешения вахтенного начальника.

Часовые у трапов, привыкшие к халатному отношению к своим обязанностям и к беспрепятственному посещению корабля посторонними лицами, даже не всегда вызывали вахтенного унтер-офицера.

Посторонние на корабле, распущенность экипажа, доступность к погребам, вообще порядки, которые ни один капитан торгового, грузового парохода у себя не допустил бы, делали

на «Переевете» вполне возможным устройство взрыва со злым умыслом...

В Порт-Саиде находился агент пароходного общества РОПиТ господин Пахомов, тип очень небольшого удельного веса, и еще какие-то двое русских, темные типы, избравшие себе знакомство с кондукторами и нижними чинами, отпускаемыми на берег...

Война кончается, бессмысленно идти на верную гибель в кишашее немецкими подлодками Средиземное море и губить сотни матросских жизней ради того, чтобы перегнать на Север ржавую, никому не страшную коробку...

День отхода держался от экипажа в секрете, и даже в последние дни в точности не было известно, когда мы уходим. Как это всегда бывает, лучше всех были осведомлены поставщики, и от них-то мы узнали, что уходим 22-го в четыре часа. Но около двух часов дня от начальника обороны Порт-Саида и Суэцкого канала - французского адмирала пришло распоряжение выходить в три часа, т. е. на час раньше.

В последние минуты, когда сообщение с берегом было уже прекращено и отдавались последние перлины, неожиданно на палубу вышли каких-то два «вольных человека». Никто их не остановил. Они сели в шлюпку и съехали.

По словам кондуктора Николайчука, это были два брата, русские подданные, один из них служил когда-то фельдфебелем. Они были при-

глашены в кондукторскую кают-компанию баталером Пален. Он их угощал...»

К 1 ранга Иванов 13-й: «Ровно в 3 часа якоря были убраны и мы вошли в канал, следуя за идущим впереди конвоиром. Перебравшись в походную рубку, я занял свое место на мостике, где у главного компаса находились оба штурманских офицера и сигнальщик-англичанин.

Я сделал распоряжение о разводке очередной смены по боевому расписанию к орудиям, погребам и на корабельные посты.

Время подходило к 05:30 вечера, сумерки начинали сгущаться, пошел небольшой дождь, и погода заметно стихла. В свое время была дана боцманская дудка к ужину, вскоре после которой конвоир вновь начал делать зигзаг вправо, меняя курс.

Наш поворот в его месте удался очень хорошо, но только что, завершив циркуляцию, мы легли ему в кильватер, как я почувствовал два последующих сильных подводных удара в левый борт, около носовой башни; корабль сильно вздрогнул, как бы наскочив на камни, и прежде, чем можно было отдать себе отчет в происходящем, рядом, поднявши по борту столб воды, из развороченной палубы с левого борта около башни вырвался громадный столб пламени взрыва, слившись в один из нескольких последовательных взрывов по направлению к мостику.

Было ясно, что за последовавшим наружным двойным взрывом детонировали носовые погреба правого борта, разворотили палубу и сдвинули броневую крышу у носовой башни.

Я застопорил машины, а судовая артиллерия открыла огонь, стреляя из носовых шестидюймовых орудий ныряющими снарядами по неопределенной цели, ибо никому не удалось увидеть ни лодку, ни перископ, да и открыть последний и в более спокойной обстановке было бы затруднительно, а гулявшие беляки служили хорошим прикрытием для подводной лодки.

Положение «Пересвета» было угрожающим. Тотчас же после взрыва, корабль сильно осел, и волны начали заливать бак, образуя крен на левый борт, все время увеличивавшийся.

Было ясно, что никаких мер к спасению корабля из-за полученных сильных повреждений предпринять было уже невозможно, и была дана команда:

«Всем надеть пояса!» и «Всем на гребные суда!»

Спускаемые гребные суда разбивались о борт в щепу, обрывались тали.

Взяв себе пробковый матрас из кем-то расшнурованной и брошенной на мостике койки, я завернулся в него и, кое-как обвязав вязки (они наполовину были оборваны), стал ожи-

дать своей участи.

Набежавшей на мостик волной я был подхвачен и брошен в открытый порт правого носового шестидюймового барбета, в котором я застрял, но следующая волна выжала меня из порта и бросила на свободную воду...»

«... Когда основание носовой башни стало входить в воду, старший офицер скомандовал: «Прыгать всем за борт!» Он строго наблюдал, чтобы по возможности прыгали отдельными шеренгами и попавшие в воду скорее отплывали от тонущего броненосца, не мешая друг другу.

Французское командование впоследствии отметило, что благодаря распорядительности старшего офицера «Пересвета» спаслось так много команды.

Бывший старший офицер Домерщиков, узнав в Специи, что есть слухи, направленные против Ренштке, специально приезжал в Брест и, узнав историю с термографом, рассказал матросам, как он возвращал в Порт-Саиде Ренштке сигнальный ящик для залповой стрельбы, который он брал в кают-компанию.

Но Домерщикову рассеять подозрение не удалось...»

ПОБЕДА

Победа — русское слово, означающее торжество над противником.

«ПОБЕДА»

Водоизмещение: 12674 т.

Главные размерения: 132, 4х21, 8х7, 7 м.

Скорость максимальная: 18 узлов.

Вооружение: четыре 10-дюймовых орудия в башнях,

одиннадцать 6-дюймовых орудий

в казематах,

двадцать 75-мм, двадцать 47-мм и

восемь 37-мм орудий,

2 десантные пушки и 4 пулемета,

3 надводных и 2 подводных ТА.

Мощность механизмов: 14500 л. с.

Вронирование: Борта — 178 — 229 мм,

Казематы — 51 — 127 мм,

Башни — 229 мм,

Палуба — 51 — 82 мм,

Боевая рубка — 102 — 152 мм.

Экипаж (штатный):

20 офицеров и 725 матросов.

Тип: «Пересвет».

Эскадренный броненосец «Победа» был

заложен 9 февраля 1899 года на Балтийском заводе в С.-Петербурге как третий корабль типа «Пересвет». Строительство корабля велось в рамках кораблестроительной программы 1895 года. Постройкой броненосца руководил корабельный инженер В. Х. Оффенберг, в прошлом строитель «Пересвета».

Работы на «Победе» финансировались государством и велись в каменном эллинге Балтийского завода. Машины и котлы броненосца были изготовлены на том же Балтийском заводе, броню поставил Ижорский завод, торпедные аппараты и электротехническое оборудование — Путиловский завод, а артиллерию — Обуховский завод. В 1898 году специально для броненосца «Победа» были спроектированы новые 10" орудия, прочность которых увеличилась на 6%, а вес каждого орудия — на 4,9 т.

Всего было изготовлено 5 таких орудий, четыре из которых пошли на «Победу», а пятое было оставлено в запасе.

Строительство броненосца «Победа» шло исключительно быстро. Координированно и своевременно выполнили свои поставки заводы-контрагенты. В результате стапельный период строительства броненосца был исключительно коротким в сравнении с другими кораблями этой серии.

Эскадренный броненосец «Победа» был спущен на воду 11 мая 1900 года, простояв на

стапеле всего один год и три месяца. (Стапельный период «Пересвета» составлял 2 года и 7 месяцев, а «Осляби» — 2 года и 3 месяца.) Лето 1900 года «Победа» провела у достроечной стенки завода, а затем была отбуксирована на противоположный берег Невы — к стенке Франко-русского завода, где на корабле были установлены башенные установки с орудиями главного калибра. Зимой 1900 — 1901 гг. броненосец провёл в Петербурге, а весной 1901 года перешёл в Кронштадт для установки торпедных аппаратов, артиллерии вспомогательного калибра и окончательной достройки.

В июле 1901 г. «Победа» вышла на ходовые испытания, которые в целом прошли удовлетворительно. Тем не менее, несмотря на то что «Победа» была технологически лучше собрана с более высоким качеством выполнения работ, чем на других броненосцах этой серии, ей были свойственны все недостатки кораблей этого крайне неудачного проекта.

Проведя зиму 1901 — 1902 гг. в Кронштадте, эскадренный броненосец «Победа» 19 мая 1902 года был официально освящен и вступил в строй под командованием капитана 1 ранга Зацаренного.

Общая стоимость постройки броненосца «Победа» 9535924 р. Стоимость минно-артиллерийского вооружения — 510064 р. После вступления в строй эскадренный броненосец

«Победа» был зачислен в 19-й флотский экипаж.

24 июля 1902 года броненосец «Победа» вместе с пришедшим из США «Ретвизаном» и кораблями учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота принял участие в военно-морском параде на ревальском рейде в честь встречи императора Николая II с кайзером Вильгельмом II, который прибыл с визитом в Россию на борту яхты «Гогенцоллерн».

На фоне черных корпусов кораблей учебно-артиллерийского отряда особенно подчеркивалась белоснежность бортов «Победы» и «Ретвизана», готовившихся к дальнему переходу на усиление эскадры Тихого океана в Порт-Артуре. На «Победе», которая, как и другие корабли, подняла флаги расцвечивания, а также стеньговый и немецкий флаги, гремели залпы артиллерийского салюта. Оркестр броненосца исполнил немецкий гимн.

Кайзер Вильгельм II, сопровождаемый в числе других и адмиралом Тирпитцем, вместе с императором Николаем II посетил броненосец, сказав много лестных слов, как в адрес самого корабля, так и экипажа. (Именно на этой встрече кайзер убеждал Николая II сосредоточить как можно большие силы Русского Флота на Дальнем Востоке и стать владыкой Тихого океана.

Германия, безусловно, была более всех заинтересована очистить Балтику от стремительно растущего Русского Флота.)

Лето 1902 года броненосец «Победа» провёл на Балтике, завершая подготовку к переходу на Дальний Восток.

Необходимость срочного усиления эскадры Тихого океана перед лицом все более реального вооруженного конфликта с Японией привела к формированию на Балтике крупного отряда из только что построенных кораблей, которые совместно должны были совершить долгое плавание в Порт-Артур.

В этот отряд, командование над которым принял контр-адмирал Штакельберг, кроме броненосца «Победа», входили броненосец «Ретвизан» (флагман), крейсера «Богатырь», «Боярин», «Паллада» и «Диана», а также два миноносца — «Бурный» и «Бойкий». Местом сосредоточения отряда была назначена Либава.

26 октября 1902 года эскадренный броненосец «Победа» вышел из Кронштадтского дока и 27 октября покинул Кронштадт, взяв курс на Либаву. 30 октября «Победа» прибыла в Либаву, а 31 октября отряд адмирала Штакельберга, ведомый «Ретвизаном», вышел в море, начав долгий переход в Порт-Артур.

15 ноября отряд адмирала Штакельберга (без миноносцев, которые пошли в Брест) пришел в Портленд. 20 ноября броненосец «Победа» как новейший корабль представлял Русский Флот на военно-морском ревью в Спитхеде по случаю коронации короля Эдуарда VII.

Опытные, зоркие глаза англичан мгновенно подметили все вопиющие недостатки нового русского корабля.

«Огромная, громоздкая, слабовооруженная цель», — писал о «Победе» английский военноморской ежегодник «Брассей».

26 ноября отряд адмирала Штакельберга вышел из Портленда, и, посетив по пути Виго и Алжир, прибыл 28 декабря 1902 года в Пирей, где полным составом стояла русская Средиземноморская эскадра контр-адмирала Кригера.

Это была наиболее внушительная демонстрация русской военно-морской мощи в Средиземном море за 100 прошедших лет.

В не очень просторной гавани греческого порта Пирей стояли три русских броненосца, четыре крейсера, две канонерские лодки и 13 эсминцев, включая 3 эсминца, переходящих с Балтики на Черное море.

Радостное настроение, царившее на русских кораблях, было несколько омрачено на броненосце «Победа», поскольку на переходе в Пирей на корабле произошла авария в машине, требующая продолжительного ремонта. Поэтому, когда 20 января 1903 года отряд адмирала Штакельберга покинул Пирей, «Победа» не смогла следовать вместе с ним.

Ремонт затянулся и только 27 марта 1903 года броненосец «Победа» покинул Пирей, взяв курс на Порт-Саид. Пройдя Суэцким каналом,

броненосец вышел в Индийский океан, прибыв 25 апреля в Коломбо.

Посетив далее по пути Сабанг и Гонконг, эскадренный броненосец «Победа» прибыл 6 июня 1903 года в Порт-Артур, войдя в состав эскадры Тихого океана. «Победа» в числе других кораблей эскадры участвовал в показательном походе эскадры в порт Дальний во время инспекции эскадры и крепости военным министром генералом Куропаткиным.

В июле 1903 года «Победа» вместе с остальными броненосцами Тихоокеанской эскадры и несколькими крейсерами совершила переход во Владивосток, где все броненосцы в срочном порядке прошли доковый ремонт.

Вернувшись в середине сентября в Порт-Артур, «Победа» после краткого пребывания в строю, была 28 октября 1903 года выведена в вооруженный резерв.

Между тем продолжала расти напряженность в отношениях между Россией и Японией.

Столкновения с Японией Русское правительство не боялось, постоянно это столкновение провоцируя, но, как ни странно, совершенно к нему не готовясь.

Почему-то почти до января 1904 года царю общее убеждение, что Япония не посмеет сама напасть на Россию, а будет терпеливо ждать русского нападения. Русская дипломатическая миссия в Токио и русская агентурная

разведка на Дальнем Востоке тщетно предупреждали правительство, однако к середине января 1904 года обстановка стала настолько очевидной, что адмирал Алексеев приказал выводить корабли эскадры из вооруженного резерва, дабы иметь их под рукой на случай всяких неожиданностей.

Выполняя приказ наместника, эскадренный броненосец «Победа» поднял 18 января 1904 года флаги и вымпелы и с полной водой вышел на внешний рейд, сопровождаемый крейсером «Диана» и минным заградителем «Амур».

Включившись в боевую жизнь эскадры, броненосец «Победа» участвовал в демонстративном выходе эскадры к Шантунгу 21 января, и вернулся вечером 22 января на рейд Порт-Артура, встав по диспозиции, имея по носу крейсер «Палладу», по левому борту броненосец «Цесаревич», по правому — «Ретвизан», а за кормой примерно в 5 кабельтовых — берег.

В ночь с 26 на 27 января на «Победе» шла погрузка угля, на верхней палубе для освещения горели электрические люстры. Вышедшие из темноты японские миноносцы наметили ярко освещенную «Победу» в качестве цели и выпустили в нее торпеды одновременно с атакой «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллады». Торпеды прошли под самой кормой «Победы» и были ясно видимы часовым, стоявшим под флагом.

Как только прогремели взрывы японских

торпед, на «Победе» пробили тревогу, открыли боевое освещение и корабль немедленно открыл огонь артиллерией вспомогательного и противоминного калибров по японскому миноносцу, появившемуся между «Цесаревичем» и «Палладой». Поскольку «Победа» была буквально зажата между «Цесаревичем», «Ретвизаном» и «Палладой», огонь вести было очень трудно и только после ухода подорванных кораблей и «Аскольда» «Победа» осталась крайней в линии и могла беспрепятственно обстреливать весь горизонт.

После внезапной атаки японские миноносцы скрылись в темноте, но ночью с «Победы» по ошибке сделали несколько выстрелов из 47-мм орудий по появившемуся на воде огоньку, который оказался горевшим фосфористым кальцием одной из невзорвавшихся японских торпед. Броненосец «Победа» выслал шлюпки на помощь подорванным кораблям и на поиск неразорвавшихся японских торпед. Одна такая торпеда была обнаружена всего в нескольких метрах от борта броненосца, поднята шлюпочной стрелой на палубу и разряжена. В первую ночь войны броненосец «Победа» выпустил по противнику 80 снарядов: два шестидюймовых, восемнадцать 75-мм и шестьдесят 47-мм.

Утром 27 января, когда главные силы японского флота появились перед Порт-Артуром, броненосец «Победа» после целой серии бес-

толковых и противоречивых сигналов с берега и ожидания адмирала, снялся с якоря под огнем противника и, пропустив вперед «Петропавловск» и «Полтаву», вступил им в кильватер, открыв огонь из носовых орудий.

За время боя «Победа» выпустила по противнику 303 снаряда: семь 10", шестьдесят шесть 6" и двести тридцать 75-мм.

В «Победу» попал 2 снаряда.

Один 12" фугасный снаряд противника, ударив в правый борт у кормового среза 6" орудия между 89 и 90-м шпангоутами, пробил палубу среза, наружный борт под ним и, разорвавшись, уничтожил две каюты, разбил маховики помпы Стона, пробил осколками вентиляционную шахту и причинил некоторые мелкие повреждения.

Второй — 75-мм снаряд попал в палубу, повредив паровой катер и вьюшку стального троса. При этом было убито 2 матроса и 3 — ранено. (Точно это, к сожалению, неизвестно, но, по видимому именно» Победа» добилась попадания 10" снарядом во флагманский броненосец противника «Макаса». Этот снаряд, срикошетировав, взорвался у основания гротмачты, уничтожив часть кормового мостика, где были ранены флагманский механик, флагофицер, ревизор, гардемарин и 3 матроса.)

За этот бой командир «Победы» капитан 1 ранга Задаренный был награжден мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени. Кроме

того, награды получили несколько офицеров и 30 лдатросов броненосца.

После этого боя «Победа» вместе с другими броненосцами эскадры ушла на внутренний рейд крепости и ее участие в военных действиях до приезда адмирала Макарова ограничилось в посылке катеров для охраны рейда и в высадке небольшого десанта для охраны побережья.

После приезда адмирала Макарова «Победа» приняла участие в первом совместном выходе эскадры в море 27 февраля 1904 года, выйдя на внешний рейд по приказу адмирала в 06:30 и заняв место замыкающего корабля в колонне броненосцев.

9 марта, когда японская эскадра предприняла бомбардировку гавани и крепости через Ляотешань, что ранее сходило безнаказанно, адмирал Макаров, сумев вывести эскадру на рейд в одну полную воду, организовал ответный огонь, в котором принимали участие броненосцы «Ретвизан» и «Победа». При этом «Победа» добилась попадания 10" снарядом в японский броненосец «Фудзи», вынудив его отойти и прекратить бомбардировку.

13 марта адмирал Макаров, которому, как бы к нему не относиться, нельзя отказать в кипучей энергии, снова вывел эскадру в море, поведя ее в рейд к островам Мяо-Тао. «Победа» снова шла концевым кораблем в колонне броненосцев, обеспечивая действия крейсеров.

Ночью 14 марта при отражении атаки брандеров-заградителей противника на Порт-Артур активно действовал минный катер с «Победы» под командованием мичмана Шимановского, награжденного впоследствии орденом Святой Анны с надписью «За храбрость».

Утром 14 марта «Победа» снова вышла в море навстречу приближающемуся к Порт-Артуру японскому флоту, который, увидев русскую эскадру и не приняв боя, отошел за горизонт.

После неудачной попытки заградить брандерами выход из Порт-Артура 14 марта японцы более двух недель не появлялись перед крепостью. Это время было использовано адмиралом Макаровым для усиления охраны внешнего рейда и для подготовки флота к активным действиям. В этот период на броненосце «Победа» был построен специальный бон, который должен был служить преградой от горящего на поверхности воды керосина, поскольку, по сведениям разведки, японцы планировали пустить на Порт-Артур брандеры, наполненные керосином и, затопив брандеры в проходе, выпустить горящий керосин на внутренний рейд.

В роковой день, 31 марта, когда гибель миноносца «Страшный» заставила адмирала Макарова забыть о возложенной на него ответственности и вывести флот на непротраленный рейд, «Победа», подчиняясь приказу командующего, вышла в 09:30 на внешний рейд и, сле-

дую за адмиралом, вступила в кильватер «Пересвету». Японский флот, подошедший к Порт-Артуру с разных направлений, не двигаясь стоял на горизонте, наблюдая, как русская эскадра маневрирует на выставленном предыдущей ночью минном заграждении.

Когда в 09:39 в грохоте и пламени тройного взрыва погиб «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым, растерянность, похожая на шок, охватила русские корабли.

До 09:55 эскадра стояла с застопоренными машинами.

Когда адмирал Ухтомский вспомнил о своих обязанностях младшего флагмана и попытался перестроить эскадру, чтобы увести ее на внутренний рейд, то при выполнении этого перестроения в 10:10 подорвался на mine броненосец «Победа».

В момент взрыва «Победа» разворачивалась по створу в полтора милях от маяка на Тигровом полуострове. Взрыв произошел в подводной части правого борта в отделении носовых угольных ям, разрушив борт от 54-го до 58-го шпангоута и образовав подводную пробоину 8x5,3 м с крупными трещинами. Центр пробоины оказался в 5 метрах, ниже ватерлинии. Вода заполнила угольную яму № 6 между 49-м и 54-м шпангоутами, а также угольную яму № 7 между 54-м и 58-м шпангоутами и два отделения нижнего бортового коридора между 49-м

и 58-м шпангоутами. Далее распространение воды было задержано водонепроницаемыми переборками.

К счастью, от взрыва не пострадали находящиеся в угольных ямах снарядные погреба и ближайšie кочегарные отделения. Тем не менее «Победа» приняла 550 тонн воды и через две минуты после взрыва крен броненосца на правый борт достиг 6°. Корабль остановил машины и приготовил шлюпки к спуску.

Командир «Победы» капитан 1 ранга Задаренный, хоть и был ошеломлен картиной гибели «Петропавловска», быстро понял, что лихой авантюризм адмирала Макарова завел эскадру на минное заграждение. Убедившись в исправности машин и рулевого управления, командир решил не тратить время на получение каких-либо приказов и на подведение под пробоину пластыря, приказав остановить приготовление шлюпок к спуску, и в 10:15 дал полный ход машинам, направляясь на внутренний рейд.

В проходе около маяка «Победа» была встречена портовыми катерами, которые взяли броненосец на буксир и, введя его в Восточный бассейн, поставили к стенке.

После подрыва «Победы» растерянность на эскадре переросла в панику. Начавшаяся с «Победы» беспорядочная стрельба по воде послужила примером и для остальных кораблей эскадры, которые начали вести огонь по каждо-

му подозрительному предмету или пятну на поверхности воды.

Взрыв мины под «Победой» был хорошо слышен на других кораблях. Почему-то решив, что в боевой линии эскадры действует подводная лодка противника, русские корабли открыли яростный огонь сначала по черному пятну, оставшемуся на месте взрыва «Победы», а затем по всему, напоминающему перископ, убивая и калеча немногих спасшихся с «Петропавловска». Более всего за перископы принимали плавающие поддонами вниз медные гильзы от 6" орудий, а также обломки, оставшиеся на поверхности после гибели «Петропавловска». Старший офицер крейсера «Диана» — великий летописец войны на море, капитан 2 ранга Семенов вспоминает: «Вдруг снова раздался глухой удар минного взрыва, и шедшая за «Пересветом» «Победа» начала медленно крениться... «Пересвет» застопорил машины и бросился влево... Строй спутался... Эскадра сбилась в кучу... Внезапно со всех сторон загревели выстрелы... Среди беспорядочно столпившихся кораблей вздымались столбы воды от падавших снарядов... Снаряды свистели над головой, осколки шуршали в воздухе и звякали о борт...

Наш крейсер тоже открыл какой-то бешеный огонь.

Я стоял на верхнем мостике со старшим артиллеристом. Ошеломленные неожиданнос-

тью, мы переглянулись, словно не веря себе, словно пытаюсь взаимно проверить свои впечатления...

- Что такое? — спросил он...

- Что? Паника! — ответил я.

Мы оба бросились вниз.

«Почему стреляют? Кто приказал? Остановите! Они с ума сошли!» — ревел в мегафон командир.

Кругом творилось что-то невообразимое... Крики: «Конец пришел! Подводные лодки! Стреляй! Спасайся!» — перекрывали гул канонады...

Обезумевшие люди вытаскивали койки из помещений, отнимали друг у друга спасательные пояса, готовясь бросаться за борт...

Я побежал по батареям.

«Господа офицеры! Не позволяйте стрелять! Гоните от орудий!»

Но слова не действовали на комендоров, вцепившихся в свои орудия и посылавших снаряд за снарядом без прицела по какомуто невидимому врагу...»

Потрясенный гибелью «Петропавловска» мичман Ренгартен, находящийся на броненосце «Полтава», также описывает начавшуюся после подрыва «Победы» панику:

«Отчетливо выделяясь в хаосе звуков, раскатистый, мягкий взрыв точно плетью ударил нас по борту, передавшись по воде. Новое не-

счастье! Взорвалась «Победа» и, сильно накренившись, полным ходом пошла прямо в гавань.

Наш броненосец только начал отходить от места гибели «Петропавловска», когда вдруг с наших кораблей открыли убийственный огонь и не по неприятелю, который был далеко, а почти в упор в воду. Порядок нарушился. Казалось, все потеряли голову.

Я бросился на мостик и узнал, что взрывы кораблей приписываются атаке японских подводных лодок. Предполагая этого страшного, невидимого врага, все напряженно вглядывались в воду. Чья-то рука протягивалась к морю, слышался крик: «Подводная лодка!» и весь борт броненосца разряжался залпом из всех орудий по какой-нибудь бочке или доске, всплывших после гибели «Петропавловска». Вся команда была наверху... Завидев что-нибудь на воде, матросы толпой бросались к противоположному борту, сотни рук тянулись к воде и люди кричали: «Вот она! Вот она!» С большим трудом удалось остановить стрельбу и успокоить людей...»

Паника в эскадре передалась на берег.

Житель Порт-Артура Ларенко вспоминает в своем дневнике: «На батареях, откуда отчетливо была видна катастрофа, солдаты и офицеры завопили, кричали, рвали на себе волосы. Внизу, в городе поднялась суматоха. Крики: «Петропавловск» погиб!» — «Неправда! Толь-

ко подбит миной!» — «Погибла «Победа!» — раздавались всюду. Люди бегут бледные, растерянные к гавани и на Перепелочную гору. Полиция начинает их разгонять...

В гавань входит, отстреливаясь от предполагаемых подводных лодок, заметно накренившаяся «Победа». На набережной собирается все больше и больше народу. В порт не пускают никого, даже офицеров.

«Победа» входит во внутренний Восточный бассейн. Людей, выходящих из порта, обступают, спрашивают. Лица их страшно бледны. Они видели привезенных раненых, обгорелых, умирающих и уже умерших...»

«Победа» с креном на правый борт стояла у стенки Восточного бассейна. За кормой броненосца находилась шлюпочная пристань, куда с приспущенными флагами подходили катера и баркасы с ранеными и убитыми при катастрофе «Петропавловска».

Матросы и офицеры «Победы», собравшись на юте броненосца, сняв бескозырки и фуражки, следили за непрерывным потоком носилок от пристани к санитарным фурам. Некоторые плакали, многие молились. А «Победа» с тяжелым креном стояла на швартовых, ожидая долгого и трудоемкого ремонта.

Дока для ремонта броненосцев в Порт-Артуре не было. Однако опыт ремонта кораблей в кессонах, полученный при заделке торпедных

пробоин «Цесаревича» и «Ретвизана», не вызывал сомнений в том, что и «Победу» удастся отремонтировать.

Немедленно под руководством инженера Кутейникова приступили к строительству кессона. Между тем на подорванную «Победу», занявшую в Восточном бассейне место погибшего «Петропавловска», перенес свой флаг адмирал Ухтомский, автоматически вступивший в командование эскадрой после гибели Макарова.

Однако на следующий день, 1 апреля, пришло сообщение, что по приказу царя командование эскадрой примет адмирал Алексеев. Поэтому броненосец «Победа» был отбуксирован под Золотую Гору, а на его место поставлен «Севастополь», на котором Алексеев намеревался поднять свой флаг.

2 апреля появившиеся под Ляотешанем японские броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга» получили боевое крещение, начав бомбардировку крепости и гавани Порт-Артура перекидным огнем. Державшиеся вне выстрелов напротив входа в гавань японские легкие крейсера «Тагасаго» и «Кассаги» корректировали по радио огонь броненосных крейсеров.

Ответный огонь вел главным образом броненосец «Пересвет», но и «Победа» сделала 1 выстрел из кормовой башни главного калибра, прекратив стрельбу, так как ее снаряды легли с

большим недолетом изза дальней дистанции и ненормального угла возвышения орудий.

В то же время «Победа» по приказу адмирала Ухтомского забивала искрой своего беспроволочного телеграфа радиодонесения японских крейсеров-корректировщиков, что крайне затруднило связь крейсера «Тагасаго» со своими броненосными крейсерами. Таким образом, броненосец «Победа» стал пионером в использовании средств электронного противодействия в боевых операциях на море.

Ожидая ремонта, броненосец «Победа» стоял под Золотой Горой. Крен был выправлен и только небольшой дифферент на нос напоминал о повреждении корабля.

Ежедневно броненосец направлял свои катера для несения дозорной службы на рейде и для тральных работ.

В ночь с 19 на 20 апреля при отражении очередной атаки брандеров-заградителей минный катер с «Победы» под командованием прапорщика Добржанского торпедировал один из брандеров, взяв часть его команды в плен.

После высадки японцев на Квантунский полуостров завязались сухопутные бои на дальних подступах к Порт-Артуру.

Командование эскадрой принял адмирал Витгефт, сменив спешно уехавшего в Мукден адмирала Алексева. Это произошло 22 апреля, а 29 апреля под пробоину броненосца «Побе-

да» с большим трудом был подведен кессон.

Между тем на суше начались бои за ключевую станцию Кинджоу, куда 5 мая с «Победы» был направлен пулеметный десант под командованием мичмана Шимановского. В бою под Кинджоу пулеметчики с «Победы» отстреливались от наступавших японцев до последнего патрона, а затем отошли, бросив пулеметы. При отступлении сам мичман Шимановский пропал без вести.

Взятие японцами Кинджоу впервые поставило флот перед необходимостью выбора: либо прорываться во Владивосток, либо остаться в Порт-Артуре, вероятность падения которого, а в силу этого и гибели флота, с каждым днем увеличивалась.

На совещании флагманов и командиров кораблей 14 мая, командир «Победы» капитан 1 ранга Зацаренный высказался за скорейший выход в море для прорыва во Владивосток.

Однако именно «Победа» задерживала выход эскадры, поскольку заделывала пробоину, которую из-за недостатка материалов решено было забрать деревянными брусками. Кроме того, «Победа» сдала на нужды сухопутного фронта 9 — 6" орудий и 1 — 75-мм. Выходить в море с таким недокомплектом артиллерии было немыслимо, а оперативно вернуть орудия на корабль было невозможно.

5 июня пробоина на «Победе» была задела-

на и 7 июня буксир «Силач» отвел кессон от борта броненосца. Оказалось, что через деревянную заделку пробоины все-таки поступает вода. Было приказано залить цементом все пазы и загрузить это место углем.

Терять времени было уже нельзя — на 10 июня был намечен выход эскадры в море для прорыва во Владивосток.

Первоначально выход эскадры намечался на 7 июня, однако по таблице высоких вод наиболее подходящим было выбрано утро 8 июня, но 8 июня оказалось, что командир броненосца «Победа» капитан 1 ранга Зацаренный заболел тропической лихорадкой. Пришлось заменять заболевшего Зацаренного командиром крейсера «Паллада» капитаном 1 ранга Сарнавским.

Смена командиров и неготовность артиллерии на «Победе» снова задержали выход, который начался в 04:00 10 июня 1904 г. (Несмотря на болезнь, капитан 1 ранга Зацаренный остался на броненосце и вышел наверх при сближении с флотом противника. Ночью же при отражении атак японских миноносцев он постоянно оставался на мостике.)

Заняв место в строю в кильватер броненосцу «Ретвизан», «Победа» участвовала в этой попытке прорыва, которая не состоялась из-за нерешительности адмирала Витгефта, приказавшего повернуть назад при появлении главных сил адмирала Того.

А между тем эта попытка имела шансы на успех, поскольку японцы были шокированы, увидев в составе Русского Флота «Победу», «Ретвизан» и «Цесаревич», которые, как они считали, вышли из строя до конца войны из-за отсутствия в Порт-Артуре дока для броненосцев. Проведя ночь на заваленном минами рейде, активно участвуя в отражении ночных атак японских миноносцев, «Победа» утром 11 июня вслед за остальными кораблями вошла на внутренний рейд Порт-Артура.

Во время выхода 10 июня «Победа» имела всего 3 шестидюймовых орудия вместо 11 и 15 — 75-мм орудий вместо 20.

При отражении ночных атак японских миноносцев «Победа», ведя интенсивный огонь, израсходовала 291 снаряд: 8 — 10", 17 шестидюймовых, 92 — 75-мм и 174 — 47-мм.

А между тем японские войска, наращивая силу удара, продолжали теснить русскую армию все ближе к Порт-Артуру, непосредственно выходя на линию фортов крепости.

К середине июля японцы уже вошли в радиус действия орудий главного калибра русских кораблей, и броненосец «Победа» включился в артиллерийский обстрел позиций противника по заявкам командования сухопутным фронтом.

Несмотря на эффективность огня корабельной артиллерии, японцы продолжали наступать и, сбив русские войска с Волчьих гор, произведе-

ли 25 июля первую бомбардировку Порт-Артура с суши из 120-мм орудий.

В 10:50 «Победа» первой открыла ответный огонь по осадным батареям противника, а за ней и остальные броненосцы эскадры. Необходимость ухода из Артура стала очевидной.

25, 26 и 27 июля на «Победе», которая продолжала активно участвовать в артиллерийских дуэлях с японскими осадными батареями, шла непрерывная подготовка к новому выходу в море. Под огнем противника принимались запасы и устанавливались 6" орудия, снятые с подорвавшегося на mine крейсера «Баян». В этот же период активно действовали минные катера с «Победы», устраивая засады японским миноносцам в близлежащих к Порт-Артуру бухтах. С 14 мая по 27 июля броненосец «Победа» выделял свои катера также и для обеспечения тральных работ, которыми по графику руководили офицеры броненосца лейтенанты Магнус и Тимирев, мичманы Власьев и Арбенев и прапорщик Добржанский.

Утро 28 июля застало броненосец «Победа» готовым к выходу в море. Работая день и ночь, моряки «Победы» установили на корабле 7 — 6" и 4 — 75-мм орудия. Полученная 31 марта минная пробоина была надежно заделана деревянными брусками, с честью выдержав испытания боем. Перед выходом в море приняли уголь и все виды запасов, не успев только подо-

гнать щиты к трем казематным орудиям.

«Победа» шла в бой, имея 4 — 10", 10 шестидюймовых, 19 — 75-мм и 20 — 47-мм орудий.

Броненосцем командовал выздоровевший капитан 1 ранга Зацаренный. Выйдя на рейд в 07:10, «Победа» занял место в колонне броненосцев третьим от флагмана, в кильватер «Ретвизану», имея задним мателотом «Пересвет». По приказу командира на верхней палубе «Победы» были разложены незакрепленные койки, спасательные круги и пояса, чтобы в случае гибели броненосца экипаж мог оперативно получить спасательные средства. Шлюпки на блоках оставили без креплений, чтобы при гибели корабля они свободно всплыли.

В 12:15 при боевом соприкосновении с японским флотом «Победа» открыла огонь по броненосцу «Шикишима».

В первой фазе боя 12" снаряд противника пробил ниже ватерлинии восьмидюймовую броню, отбив от нее кусок весом 120 кг, затем внутренний борт и разорвался в нижней угольной яме под броневой палубой. В результате эта яма и прилегающие к ней три отсека оказались затопленными. Осколками снарядов были перебиты несколько шестов сетевой противоторпедной защиты — оборванные стальные сети бороздили воду.

После расхождения русской и японской эскадр, несколько матросов были посланы за борт

для устранения поврежденных шестов и выбора сетей.

В это время на «Победе» было принято переданное семафором по линии приказание адмирала Витгефта:

«По возобновлении боя сосредоточить огонь по флагманскому неприятельскому броненосцу «Микаса».

При возобновлении боя «Победа» открыла огонь вслед за «Полтавой». От выстрелов носовой башни, которую приходилось разворачивать за траверз на «Победе», собственным огнем было снесено все, что находилось на правом крыле мостика. Между тем японцы поочередно сосредотачивали огонь на всех броненосцах эскадры, перенеся после «Ретвизана» огонь на «Победу».

Общая масса снарядов противника падала с недолетами, иногда очень большими, в с перелетами.

Один снаряд разорвался на палубе с правой стороны носовой башни главного калибра, пробив осколками коечные сетки, окружающие боевую рубку и крышу верхнего мостика.

Другой снаряд, пробив броню верхнего броневоего пояса, взорвался в жилой палубе над снарядным погребом. Взрывом были убиты два матроса, стоявшие на подаче снарядов. Сдвинутая взрывом броневая плита разорвала своим верхним краем наружный борт. Соседняя броневая

плита оказалась вдавленной внутрь на 20 см.

Несколько снарядов попали в броневой пояс, но взорвались, не пробив брони. Борт, не защищенный броней, был пробит в четырех местах, при этом осколками были выведены из строя три 75-мм орудия. Были перекошены почти все артиллерийские портики, которые уже не удавалось задраить.

Крупный снаряд, попавший в нос, уничтожил каюты кондукторов, разбив борт, через трещины которого стала поступать вода, проникая в отделение носовых торпедных аппаратов. Воду непрерывно откачивали два насоса за борт, поскольку водоотливная система броненосца не сообщалась с жилой палубой. Были повреждены шлюпбалки минного и парового катеров, разбиты многие шлюпки, разбита средняя дымовая труба, а носовая — изрешечена осколками. Осколками были повреждены подъемные дуги трех 6" орудий, которые временно вышли из строя.

На 21-м выстреле прекратило огонь одно 10" орудие кормовой башни из-за поломки компрессора.

Один раз «Победа» вышла из строя из-за аварии рулевого привода, но, быстро устранив повреждение, вступила снова в строй, весь бой четко занимая свое место в колонне броненосцев. Когда «Цесаревич» неожиданно покотился влево, на «Победе» сначала решили, что на

флагманском броненосце вышло из строя рулевое управление. «Ретвизан» бросился за «Цесаревичем», когда на «Победе» разобрали сигнал: «Адмирал передает командование». Капитан 1 ранга Зацаренный из содержания сигнала пришел к выводу, что на «Цесаревиче» вышли из строя оба адмирала (Витгефт и Матусевич), и командование переходит к младшему флагману адмиралу Ухтомскому на «Пересвете». Поэтому Зацаренный приказал следить за действиями «Пересвета».

Между тем «Цесаревич», продолжая идти влево, начал поворачивать по направлению к «Победе», угрожая таранить ее в левый борт. На «Победе» положили руль, чтобы пройти под носом у потерявшего управление флагманского броненосца.

В это время «Ретвизан», следовавший за «Цесаревичем», переложил руль и, круто повернув вправо, лег на прежний курс. Оставив «Цесаревич» слева за кормой, «Победа» вступила в кильватер «Ретвизану», поскольку в его маневре капитан 1 ранга Зацаренный усмотрел намерение восстановить строй эскадры. В действительности же «Ретвизан» резко пошел на сближение с противником с намерением, если верить показаниям капитана 1 ранга Щенсновича, таранить «Микасу».

Строй эскадры смешался. «Пересвет» неожиданно повернул влево и уменьшил ход. От-

ряд крейсеров также повернул влево, образуя строй двойного фронта.

Командир «Победы», видя опасное положение концевой части эскадры, оставшейся без поддержки двух передних броненосцев, также повернул за «Пересветом». На «Победе» не видели сигнала «Пересвета»: «Следовать за мной», однако капитан 1 ранга Запаренный и без сигнала начал приводить «Победу» в кильватер «Пересвету», считая, что это единственный способ восстановить строй эскадры.

В это время «Ретвизан» полным ходом начал обгонять «Победу» по левому борту.

На «Победе», полагая, что «Ретвизан» хочет вступить в кильватер «Пересвету», отработали машинами назад, оставляя ему интервал, однако «Ретвизан» обогнал «Пересвет» и пошел дальше. В кильватер «Победе» вступил броненосец «Полтава».

Наступала темнота. «Победа» шла с небольшим креном и дифферентом на нос с открытым кормовым огнем. В самые последние минуты до наступления темноты с «Победы» были видны, кроме «Полтавы» и «Пересвета», броненосцы «Севастополь» и «Цесаревич», а также крейсер «Паллада».

Когда тьма сгустилась, с «Победы» различали только броненосец «Пересвет» впереди и «Полтаву» за кормой, а также шедший около «Полтавы» миноносец «Властный».

Ночью с «Победы» несколько раз видели миноносцы противника и след одной торпеды, прошедшей по левому борту броненосца. Не открывая прожекторов, «Победа» шла в полной темноте. Меняя несколько раз в течение ночи курс, чтобы сбить со следа японские миноносцы, «Победа», «Пересвет» и «Полтава» в итоге потеряли свое место на карте.

С рассветом открылся по курсу о. Роунд. С «Пересвета» передали семафором на «Победу»: «У нас компасы разбиты, карты уничтожены. Можете ли вести в Артур?» «Победа» ответила: «Можем», поскольку на ней оставался целым один компас в боевой рубке.

После этого броненосец «Победа» стал головным и повел отряд к Порт-Артуру. Примерно определившись по о. Роунд, «Победа» взяла курс на восток, мористее скал ЭнкоунтерРок. Затем точно определившись по вершине Ляотешаня, «Победа» увеличила ход до 12 узлов и вывела отряд на рейд Порт-Артура, где уже стояли на якорях броненосцы «Ретвизан» и «Севастополь», а также крейсер «Паллада».

С моря в этот момент подходил плавучий госпиталь «Монголия». Вслед за тралящим караваном, пропустив вперед «Пересвет», «Победа», приспустив флаг, втянулась на внутренний рейд Порт-Артура с тем, чтобы больше уже никогда не выйти оттуда под русским флагом.

В бою 28 июля на броненосце «Победа»

были убиты 2 матроса и ранено 29 человек, в том числе мичман Б. А. Флейшер и 2 кондуктора. (Один раненный матрос позднее скончался.)

В дневном артиллерийском бою «Победа» выпустила по противнику 115 десятидюймовых снарядов, 408 — шестидюймовых и 351 — 75-мм снаряд. Ночью, отражая атаки миноносцев, «Победа» израсходовала 86 шестидюймовых, 376 -75-мм и 1540 — 47-мм снарядов. Всего, таким образом, за бой броненосец «Победа» израсходовал 2868 снарядов.

Судя по всему, «Победа» добилась трех попаданий: 2 снаряда в «Микасу» и один — в «Шикишиму».

Позднее за бой 28 июля были награждены офицеры «Победы»: капитан 2 ранга Магнус, лейтенанты Любинский, Тимирев и Вилькеи. По представлению комиссии, разбиравшей бой 28 июля, приказом № 694 от 24 июля 1906 года капитан 1 ранга Зацаренный, занимавший тогда должность градоначальника г. Николаева и командира Николаевского порта, был произведен в контр-адмиралы.

Вернувшись в Порт-Артур с приспущенным флагом, «Победа» похоронила своих убитых в бою матросов. Раненых сдали на «Монголию». После этого экипаж броненосца включился в сухопутную оборону крепости: вокруг все теснее сжималось железное кольцо японской осады. Морские действия ограничивались посылкой

катеров для траления и охраны рейда.

Между всеми кораблями эскадры были распределены участки сухопутного фронта.

«Победе» был дан участок от форта № 6 до бухты Белого Волка. Броненосец сдал на сушу 2 шестидюймовых, 2 — 47-мм, 4 — 75-мм и 5 — 37-мм орудий и 5 прожекторов, выделив для их обслуживания 56 человек из своего экипажа. Кроме того, броненосцу «Победа» было передано для обслуживания одно 10" орудие на Электрическом утесе. Стрельба из этого орудия производилась снарядами, доставляемыми с «Победы». Комендорами командовал старший артиллерист броненосца лейтенант Любинский.

С 30 июля орудия броненосца «Победа» включились в артиллерийскую поддержку сухопутных войск. 30 и 31 июля, а также 2, 6 — 12 августа «Победа» вела огонь по осадным батареям и скоплению войск противника, внося весомый вклад в отбитие августовских штурмов.

Для усиления сухопутного фронта с броненосца «Победа» 8 августа был послан на позиции десант в составе 220 матросов под командованием мичманов Бершадского и Арбенева.

Рота с «Победы» была развернута на редуте № 1, но вскоре выведена оттуда, поскольку японцы не решились на штурм редута. Однако вскоре японцы после ожесточенной артиллерийской подготовки возобновили штурм, который был отбит десантными ротами с «Победы» и «Пересвета».

Между тем японские осадные батареи продолжали обстрел гавани из 120-мм орудий. Огонь был малоэффективен, поскольку велся вслепую. Однако 7 сентября японцы, сбив русские войска с Длинной горы, получили возможность вести прицельный огонь по части Западного бассейна. 15 сентября в броненосец «Победа» попало 5 -120-мм снарядов. Был причинен ряд мелких повреждений в незащищенных броней местах корабля, убито и ранено двое матросов.

16 сентября в «Победу» попал один снаряд, а 17 сентября — восемь 120-мм снарядов. 19 сентября в обстрел крепости и порта включились 11" японские осадные мортиры.

Расстрел Русского Флота начался, но никаких попыток выйти в море предпринято не было.

25 сентября «Победа» переменила место, подтянувшись ближе к Золотой Горе, чтобы ее не видели корректировщики противника с Длинной горы. Вместе с тем броненосец вместе с другими кораблями эскадры вел яростный контрбатарейный огонь, надеясь подавить осадные батареи противника. Но все было тщетно.

Японцы, замаскировав свои 11" осадные мортиры за горой Сахарная Голова, первые дни вели сравнительно редкий огонь по фортам и видимым с Длинной горы кораблям, испытывая новые мортиры на дальность и точность огня. Однако, окончив испытания, противник начал вести систематическую

бомбардировку гавани днем и ночью.

Кроме одиннадцатидюймовых, огонь продолжали вести и 150-мм/120-мм осадные мортиры.

11 октября в «Победу» попал еще один 120-мм снаряд, который, пробив палубу на шканцах, влетел в кают-компанию, пробил переборку кают-компания и разорвался о деревянный письменный стол в каюте штурмана.

От взрыва вспыхнул пожар, уничтоживший все в этой каюте и в двух соседних. А 15 октября около 21:00 в «Победу» попал первый 11" снаряд, который, пробив кожух задней дымовой трубы, навесную палубу и палубу верхней батареи, разорвался в батарейной палубе, уничтожив 75-мм орудие, тяжело ранив одного и легко четырех матросов. Броненосец переменял место, но 30 октября в него попал еще один 11" снаряд, который, пробив верхнюю палубу около кормового буксирного кнехта, разорвался в салоне командира, уничтожив все соседние каюты.

В этот период сторожевые и минные катера броненосца «Победа» продолжали нести сторожевую службу и участвовать в тралении, а 23 октября минным катером с «Победы» под командованием лейтенанта Дудорова и минным катером с «Пересвета» под командованием мичмана Поливанова были выставлены мины в бухте Луизы. На этих минах 17 октября подорвалась и погибла японская канонерская лодка «Сай-Иен», на которой младшим офицером пла-

вал лейтенант Номура, тот самый Номура, который в ноябре 1941 года, будучи адмиралом, вел в Вашингтоне переговоры с американцами.

Когда 7 декабря переговоры закончились нападением японцев на Перл-Харбор, американская пресса сделала Номуру козлом отпущения, обвинив его в коварстве и вероломстве, хотя тот ничего не знал о готовящемся нападении, искренне желая успешно закончить переговоры.

Бывший офицер с «Победы» лейтенант Дудоров, поставивший мины, на которых погибла «Сай-Иен», проживал в те годы в США, куда он эмигрировал после 1917 года.

Журналисты разыскали Дудорова, а его портрет обошел почти все американские ведущие газеты, с подписью: «Вот человек, который однажды уже чуть не утопил Номуру. Наш долг довести его работу до конца!»

Между тем на суше обстановка продолжала ухудшаться. Всю ярость своих атак японцы обрушили на Высокую гору, в числе защитников которой находилась десантная рота с «Победы» под командованием мичманов Бершадского и Флейшера.

15 ноября японцам после тяжелой артподготовки, удалось сбить русские войска с вершины Высокой. Подошедшая рота с «Победы» (2 офицера и 171 матрос) решительной контратакой выбила противника с вершины.

Плохо обученные сухопутному бою матросы несли большие потери. Был убит мичман Флейшер, тело которого осталось в окопе противника, и смертельно ранен мичман Бершадский, умерший через три дня в госпитале. Командование десантом с «Победы» принял лейтенант Сипайло. С броненосца прибыл дополнительный десант, с ходу вступивший в ожесточенное сражение.

Рядом со своими матросами, ведя их в атаки и контратаки в грохоте 11" снарядов, дрались офицеры с «Победы»: мичманы Арбенев, Николаев, Воронцов-Вельяминов и граф Бенкендорф. На передовых позициях находился и врач «Победы» Григорович, а также священник броненосца иеромонах о. Никодим.

Сосредоточив все свое внимание на штурме Высокой горы, японцы в этот период лишь изредка вели огонь по гавани, главным образом, из 6" мортир. 21 ноября один 6" снаряд попал в «Победу», не причинив существенных повреждений.

Окончательно овладев 22 ноября вершиной горы Высокой, японцы тут же установили на ней корректировочный пост и начали прицельный расстрел русских кораблей.

23 ноября огонь велся главным образом по броненосцу «Ретвизан», но пять 11" снарядов попали и в «Победу».

Первый снаряд, попав в правый борт бата-

рейной палубы, пробил жилую палубу и разорвался в верхней угольной яме.

Осколками были пробиты все близлежащие переборки и карапасная палуба.

Второй снаряд попал в средний каземат 6" орудия по правому борту. Взорвавшись, он отбил ствол орудия и повредил механизмы орудийного станка.

Третий снаряд, пробив верхнюю палубу, взорвался в среднем каземате 6" орудия левого борта, не причинив однако существенных повреждений.

Четвертый снаряд, пробив верхнюю палубу на шканцах правого борта, пролетел через кают-компанию, проник в запасную угольную яму, пробил переборку между запасной угольной ямой и машинной кладовой, в которой как в наиболее безопасном на корабле месте находились 5 раненых офицеров, сорвал водонепроницаемую дверь, ведущую в нижнее офицерское отделение, перескочил через комингс этой двери и лег, не разорвавшись, на броневой палубе офицерского отделения.

Последний, пятый снаряд, взорвался у правого борта ниже ватерлинии, произведя подводную пробоину, через которую были затоплены водой две угольные ямы.

Судьба корабля была совершенно очевидна, и он еще мог выйти в море, однако никакой попытки выхода даже не было сделано.

24 ноября противник одновременно начал расстрел «Победы» и «Пересвета». В этот день в «Победу» было выпущено 270 — 11" снарядов, 23 из которых попали в броненосец.

Семь снарядов попало в подводную часть «Победы». Через образовавшиеся пробоины хлынула вода, свободно распространяясь по всем отсекам, поскольку почти все водонепроницаемые переборки были пробиты осколками. Быстро увеличился крен на правый борт, достигший к 17:30 35°.

Для уменьшения крена капитан 1 ранга Зацаренный приказал заполнить водой 6 бортовых коридоров левого борта, машинное отделение ЛБ и две угольные ямы. После этого броненосец «Победа» плотно сел на грунт всем днищем. Крен больше не увеличивался, а с началом отлива уменьшился до 14°.

Противник продолжал расстреливать затопленный броненосец. Снаряды рвались о бортовую броню, разрушали палубы, коробили переборки, разбивали мостики и трубы. То там, то здесь вспыхивали пожары.

За день на броненосце было ранено 10 матросов. Около 19:00 портовые баркасы свезли оставшихся на «Победе» офицеров и матросов в казармы Тигрового полуострова.

С броненосцем «Победа» было покончено.

Уже после гибели «Победы», ее минный катер под командованием квартирмейстера

Апалинова в ночь с 1 на 2 декабря, охраняя броненосец «Севастополь», произвел торпедную атаку на миноносец противника, который затонул от попадания торпеды.

На сухопутном фронте продолжали сражаться матросы с «Победы» под командованием лейтенанта Тимирева и мичмана Воронцова-Вильямина.

Когда обстановка на сухопутном фронте стала безнадежной, в Чифу, прорвав блокаду, ушел минный катер с «Победы» под командованием мичмана Власьева. Катер доставил в Чифу различные секретные документы и разрушился по указанию русского консула.

Перед капитуляцией Порт-Артура на броненосце «Победа», как и на других кораблях эскадры, было взорвано и уничтожено все, что можно было уничтожить. Дополнительно в «Победу» была выпущена торпеда с минного катера.

Английский журналист Н. Сеппинг-Райт, побывавший на «Победе» после занятия крепости японцами, так описывает состояние корабля:

«Я отправился осматривать «Победу» на нанятой джонке. Вид этого броненосца, пострадавшего больше других, вызывал сожаление.

Все его 6" орудия, очевидно, были уничтожены самими русскими.

Стволы орудий были отбиты, башни были без крыш и было видно, что делалась попытка

разрушить барбет, хотя она и не дала никаких результатов.

Русские употребили для этого пироксилин, оставивший незначительные царапины на стволах орудий, но большая часть взрывчатки вывалилась и лежала разбросанной по палубе. Орудия, выдержавшие подобную пробу, были очевидно очень высокого качества!...

Согнувшаяся гротмачта висела прямо над водой, ее большой боевой марс был, очевидно, поврежден японским снарядом. Прилив окончился и представилась возможность спуститься вниз, хотя было очень трудно идти по доскам, пропитанным маслом и наклоненным под углом 25°.

Смотря на столбы яркого солнечного света, лившегося в многочисленные пробоины, легко было проследить полет попавших в броненосец снарядов. Повсюду было разбросано множество осколков. Большею частью снаряды сыпались сверху, пробивая насквозь обе палубы, а иногда и днище. Над машинным отделением были натянуты для защиты противоминные сети, но ни один снаряд сюда не попал и было невозможно проверить, насколько действительна такая мера защиты...

На палубе беспорядочными грудами валялись бумаги, матросские мешки, набитые разными вещами, обмундирование, койки, простыни — все залитое маслом...

Наложенные вокруг дымовых труб громадные кучи бревен и брусьев толщиной около полутора метров, были пробиты снарядами насквозь. Пострадали переборки, а один снаряд сбил тяжелую стрелу для подъема грузов... Садясь в джонку, я обратил внимание на то, что снаряд перебил на «Победе» якорь».

17 октября 1905 года японцы подняли «Победу». В тот же день на уцелевшей мачте броненосца взвился флаг страны восходящего солнца и произошла торжественная церемония переименования корабля, названного «Суво» по древнему наименованию одной из провинций префектуры Ямагучи.

В 1906 — 1908 гг. броненосец «Суво» прошел капитальный ремонт и модернизацию и был перечислен в линейные корабли.

В 1909 г. линкор «Суво» был переклассифицирован в корабль береговой обороны 1-го класса, служа одновременно учебным кораблем для курсантов строевого и инженерного училищ японского флота.

После вступления Японии в первую мировую войну линейный корабль «Суво» являлся флагманским кораблем вице-адмирала Садакичи Като — командующего флотом, который блокировал немецкую крепость Циндао.

27 августа 1914 года на борту «Суво» было официально объявлено о начале блокады крепости Циндао, а 28 сентября снова заговори-

ли орудия старого линкора.

В 07:00 на мачтах «Суво» взвились стеньговые флаги и он начал бомбардировку немецкой крепости вместе со своими старыми боевыми товарищами, захваченными, как и он, в плен в период русско-японской войны. (Под флагом адмирала Като действовали линкоры «Ивами» («Орел»), «Танго» («Полтава»), «Окиносима» («Генерал-Адмирал Апраксин») и «Мисима» («Адмирал Сенявин»).

Линкор «Суво» в течение всего октября продолжал участвовать в блокадных операциях против Циндао, бомбардируя крепость и подавляя немецкие форты береговой обороны.

После взятия Циндао линкор «Суво» вернулся в Японию, продолжая нести службу учебного корабля береговой обороны вплоть до 1922 года.

В апреле 1922 г. в исполнение статей Вашингтонского Договора линейный корабль «Суво» был разоружен в Курэ. Почти немедленно начались работы по разборке корабля.

13 июля 1922 года при снятии броневых плит линкор «Суво» опрокинулся у стенки завода и был окончательно разобран в таком виде.

Корабль находился в строю 20 лет, из них 18 под японским флагом. Эскадренный броненосец «Победа» был зачислен в списки Русского Флота 11 января 1899 года.

Исключен из списков 5 ноября 1905 года.

**Командиры эскадренного
броненосца «Победа» в 1899 — 1904годах:**

1899 — 1902 годы — капитан 1 ранга
Вирениус

1902 — 1904 годы — капитан 1 ранга
Задаренный

С 9 по 14 июня 1904 года — капитан
1 ранга Сарнавский

Русские адмиралы, державшие флаг
на броненосце «Победа»:

1 апреля 1904 года на «Победе» один
день держал свой флаг контр-адмирал
князь Ухтомский.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ ПОРТ-АРТУРА

ФЛОТ И КРЕПОСТЬ

Квантунский полуостров. — В назревавшей борьбе России с Японией за политическое влияние в Восточной Азии стратегическое значение Квантунского полуострова трудно было переоценить.

В условиях войны начала двадцатого века победа России над островной империей могла быть достигнута только флотом. Но, опираясь на единственный порт на Дальнем Востоке — Владивосток, — русский флот не имел свободного выхода не только в океан, но и в Желтое море, дававшее Японии свободу высадки своей армии глубоко во фланг русских сухопутных сил в Маньчжурии и возможность оказывать мощное давление на Китай непосредственной угрозой самой его столице.

Поэтому аренда Квантунского полуострова и концессия на постройку Южно-маньчжурской железной дороги являлись мастерским шахматным ходом русской дипломатии.

Однако, этот дипломатический успех не был

использован с должной энергией из-за ложных финансовых соображений, имевших катастрофические последствия.

Тихоокеанская эскадра. — Создание живой силы — флота, способного справиться с возлагаемой на него задачей овладения морем, началось с большим запозданием и было расстроено на долгие годы. Постройка кораблей велась без должно продуманной судостроительной программы в полной зависимости от случайных возможностей размещения заказов. Даже представившаяся перед самой войной возможность приобрести в Италии два построенных для Аргентины прекрасных броненосных крейсера была отклонена, и в результате они были проданы Японии.

К началу войны в Тихом океане было сосредоточено всего 184.574 тонны против 246.233 тонн боевых судов Японии.

Еще более тяжело, чем это превосходство на 25% тоннажа японского флота, отозвалась та же экономия на боевой подготовке нашей эскадры. Введение для сокращения расходов на топливо и содержание личного состава положения о вооруженном резерве, при котором суда долгие месяцы простаивали на бочках в портах, лишало флот столь необходимой непрерывной практики в маневрировании и плавания в море. Но, даже находясь в кампании, корабли не имели возможности, из-за ограни-

чения количества отпускаемых боевых припасов, средств на щиты и пр., проходить соответствующий курс стрельбы из орудий. Из-за этого и командный, и рядовой, и личный состав эскадры был мало подготовлен к самой главной цели ее существования — морскому бою.

Оперативная база флота. — В то время как японский флот располагал целым рядом отлично оборудованных военных портов, способных обслуживать все его нужды, главной оперативной базой русской Тихоокеанской эскадры был Порт-Артур, совершенно не отвечавший даже минимальным требованиям.

Уже самые физические свойства Порт-Артура делали его непригодным для своего назначения. Единственный мелководный выход, доступный для прохода больших судов лишь в часы высокой воды прилива, тесные внутренние бассейны и совершенно открытый с моря и потому трудно охраняемый внешний рейд — не только препятствовали свободе выхода и маневрирования эскадры, но даже делали порт опасной ловушкой, в которой один «случайно» затонувший в проходе пароход мог запереть ее в нужный момент.

Всё же, вопреки мнению некоторых наиболее выдающихся и знакомых с местными условиями адмиралов (Дубасов и др.), указывавших на огромные маневренные преимущества соседней бухты Талиенван, окончательный

выбор был остановлен на этом старом китайском порту, имевшем уже кое-какое оборудование, включая небольшой сухой док для судов среднего водоизмещения. Соблазняла сравнительная дешевизна его обустройства, к которому, однако, не приступили своевременно, если не считать произведенного углубления внутренних бассейнов, в которых явилась возможность уместить в тесноте суда эскадры.

Благодаря отсутствию большого дока и слабого развития других ремонтных средств, часть судов приходилось отсылать для капитального ремонта на зимнее время во Владивосток, и силы ее разделялись. В момент начала военных действий там находился отряд броненосных крейсеров («Россия», «Громобой» и «Рюрик») и крейсер «Богатырь».

Таким образом на главном театре войны, оказалось всего около 140.000 тонн боевых судов, против которых японский флот, действуя по внутренним линиям, мог в нужную минуту бросить все свои силы.

Маневры 1903 года. — Морское командование на Дальнем Востоке прекрасно сознавало полную непригодность своей базы, что доказывается тем парадоксом, что на маневрах 1903 года первым движением эскадры был уход ее из своей базы в бухту Талиенван, где, под прикрытием завесы крейсеров у Шаньдунна, сторожевой охраны миноносцев, минных

заграждений у входов в бухту и противоминных сетей, она сохраняла за собой беспрепятственную возможность во всякий момент выйти навстречу врагу. Одновременно туда же выходил из Владивостока на соединение с нею и отряд броненосных крейсеров.

Так было на маневрах, но не так вышло в самый нужный момент.

Крепость. — База флота нуждается в обороне, как со стороны моря, так и с суши. Она должна быть способной дать безопасное укрытие требующим ремонта судам и даже всему флоту, в случае неблагоприятного исхода большого морского боя.

Всё же морская крепость является лишь вспомогательным элементом этой базы, и вопрос о ее сооружении должен быть всецело подчинен основным требованиям последней.

Однако, при решении вопроса о Порт-Артуре мотивам обороны было отдано предпочтение. Географические и топографические условия полуострова благоприятствовали созданию более сильной обороны с суши при наименьших на это расходах. Идея крепости, не имевшей сама по себе никакого стратегического значения, восторжествовала над идеей базы живой активной силы.

Но финансовые проблемы замедлили выполнение работ и по обороне Порт-Артура.

Хотя морской фронт его и был достаточно

оборудован, на сухопутной линии ко времени войны из шести намеченных к постройке главных фортов лишь один был закончен вполне, три подготовлены вчерне, один начат, а постройку шестого даже не начинали. Сильные авангардные позиции совершенно не были оборудованы.

В то время как министерством финансов тратились миллионы на постройку, под самым боком крепости, безоружного коммерческого порта Дальний, долженствовавшего приносить доходы казне, кредиты на оборону крепости растягивались на годы.

В таких тяжелых условиях Порт-Артурской эскадре и гарнизону крепости выпало на долю вступить в неравную тяжелую борьбу с тщательно подготовленными, действующими по строго выработанному плану и располагающими полной инициативой действий превосходными силами Японии.

Борьба на Желтом море. — Внезапная, без объявления войны, атака японского флота на Порт-Артурскую эскадру 27 января с роковой убедительностью доказала непригодность базы.

Ничем не оправдываемый оптимизм Петербурга о возможности предотвращения войны и опасения вызвать разрыв выходом флота из Порт-Артура, с одной стороны, и сознание опасности пребывания его во внутренних бассейнах, с другой, — привели к полумере: вывод

эскадры на внешний рейд.

Лишь благодаря готовности кораблей к отражению минной атаки, выразившейся в повахтенном нахождении офицеров и прислуги у орудий в ночное время, и немедленно открывших огонь при первых же взрывах, не последовало полного уничтожения эскадры, как это, спустя сорок лет, имело место при воздушной атаке на Перл-Харбор.

Правда, два лучших броненосца и один крейсер были сильно повреждены, но, при наличии соответствующих ремонтных средств, эти повреждения могли бы быть исправлены в сравнительно короткое время. В Порт-Артуре их не было. Кроме того, лишь благодаря решимости командира «Ретвизана», решившего приткнуться к берегу из опасения закупорить вход в порт, эскадра не оказалась в критическом положении остаться на долгое время совершенно без всякой базы.

Обессиленная выходом из строя этих кораблей, чинившихся импровизированными средствами почти полгода, всё же эскадра, под флагом командующего флотом адмирала Макарова, демонстрируя выходами в море свою готовность принять, в случае необходимости, бой, продолжала препятствовать большим десантным операциям японской армии в непосредственной близости от Порт-Артура. Лишь спустя почти два месяца после гибели «Петро-

павловска», началась 22 апреля высадка армии ген. Ноги у Бицзыво.

Таким образом, было выиграно четыре месяца для развертывания русской армии в Маньчжурии и для подготовки, по мере сил и возможности, крепости к обороне с суши.

Новые задания эскадры. — С того момента, когда Порт-Артур был отрезан, на эскадру ложатся два взаимно противоречащие задания: сохранить себя до подхода второй Тихоокеанской эскадры адмирала Рождественского и, в то же время, нанести возможно сильный урон японскому флоту до этого времени.

Для выполнения первой из них необходимо было отдалить грозный момент падения крепости, что требовало передачи на сухопутный фронт части артиллерии среднего и малого калибра с прислугой к ней, благодаря чему ослаблялась сила боевого огня кораблей. В то же время надо было заканчивать работы по ремонту поврежденных судов, до вступления которых в строй безрассудно было бы пытаться исполнить вторую задачу путем большого боя.

Поэтому эта последняя выполняется двумя путями: пассивно — вынуждением адмирала Того непрерывно держать все свои главные силы у Порт-Артура для его тесной блокады, подвергая их опасностям минной войны и вызывая износ механизмов судов, лишенных возможности капитального ремонта в своих

портах, и активно — путем широкого развития постановок минных заграждений на маршрутах блокирующих сил.

В этот период главная тяжесть боевой работы ложится на минные суда. Под охраной миноносцев ведется непрерывное траление внешнего рейда, демонстрирующее врагу предположительную возможность выхода эскадры в море, и на них же ложится охрана его от постановок мин неприятелем. При выполнении этой службы миноносцы несут потери как от мин, так и в ночных боях с японскими миноносцами.

Активная минная война увенчивается блестящим успехом постановки минной банки заградителем «Амур», на которой 2-го мая погибло два японских броненосца. Надлежаще использованный этот момент, возможно, мог оказаться поворотным пунктом войны на море. Но неготовность эскадры к выходу в море и низкая вода отлива привели к тому, что к месту катастрофы вышли лишь миноносцы, поддержанные затем крейсерами, вступившими в бой с крейсерским отрядом японцев, и, к тому времени, когда наша эскадра вышла, наконец, на рейд, адмирал Того успел стянуть к Порт-Артуру все свои главные силы. Надвигавшаяся ночь вынудила нашу эскадру возвратиться в гавань.

10-го июня русская эскадра, по окончании

ремонта поврежденных 27-го января броненосцев, выходит впервые в полном составе в море для демонстрации и производства насущно необходимой практики в маневрировании. Однако, и здесь рок преследует ее. Несмотря на то, что в предшествующую ночь наши миноносцы, находясь в охране рейда, имели бой с японскими судами, идущими к рейду, а сам рейд был накануне и утром тщательно протрален, всё же один из броненосцев («Полтава») наткнулся на мину и получил пробоину. Это обстоятельство вызвало вновь задержку выходов эскадры в море до его ремонта.

Попытка прорыва. — 17-го июля началось тесное обложение крепости, и, установив осадные орудия, японцы с 25-го июля приступили к бомбардировке порта и внутренних его бассейнов. Однако, перекидной огонь без точной корректировки не приносил кораблям серьезных повреждений. Со своей стороны они отвечали перекидным огнем тяжелой артиллерии по осадным батареям.

Всё же положение эскадры становилось критическим. Поэтому, по высочайшему повелению, эскадра делает попытку перейти из Порт-Артура во Владивосток, приведшую к бою 28-го июля у Шантунга с эскадрой адмирала Того. Первая фаза боя увенчивается успехом, поставив японцев между русской эскадрой и Порт-Артуром. Прорыв казался возмож-

ным. Но неисправность механизмов броненосца «Полтава» вынуждает адмирала Витгефта уменьшить ход всей эскадры, в результате чего Того догоняет ее и бой возобновляется. Удачным попаданием в боевую рубку «Цесаревича», убившим командующего эскадрой, выведшим из строя почти весь его штаб и повредившим управление кораблем, русская эскадра приводится в расстройство. Долговременное отсутствие практики маневрирования сказывается на ней с полной силой. Не потеряв в бою ни одного корабля, она отдельными группами, отбивая ночные минные атаки, возвращается к утру следующего дня в Порт-Артур. Поврежденный «Цесаревич» и крейсера «Аскольд» и «Диана» уходят в нейтральные порты, где и интернируются на всё время войны... Быстроходному «Новику» удается прорваться до Сахалина, где, после боя с сильнейшим врагом, он выкидывается на берег и уничтожается.

Гибель эскадры. — С этого момента само существование эскадры неразрывно связывается с судьбой крепости, и потому все ее силы отдаются на оборону сухопутного фронта последней.

Четыре месяца всё еще тлеет надежда спасти ее от окончательной гибели — надежда на армию генерала Куропаткина, на появление на театре военных действий эскадры адмирала Рождественского.

Но падение 22-го ноября Высокой горы, вызвавшее слова генерала Кондратенко — «это начало конца», окончательно ее гасит. Точно корректируя стрельбу 11-дюймовых гаубиц по стоящим в порту судам, японцы вскоре пускают ко дну все корабли, за исключением «Севастополя» и канонерской лодки «Отважный», вышедших в открытую бухту Белого Волка. Но и этим последним, долго отбивавшим вместе с приданными к ним миноносцами ночные минные атаки, во время которых «Севастополь» был поврежден торпедой, пришлось при сдаче крепости затопиться на больших глубинах внешнего рейда.

Уже 9-го декабря адмирал Того с полным правом донес императору, что русская эскадра перестала существовать.

Как ни трагична была судьба Порт-артурской эскадры, всё же она до некоторой степени одну из своих задач — нанести урон японскому флоту до подхода второй Тихоокеанской эскадры — выполнила.

Во время операций против нее японский флот потерял свыше 46 тысяч тонн, т. е. около 20% всего своего боевого тоннажа, включая два корабля первой линии.

И если к тому же, даже проигранный, бой у Шантунга хотя бы приблизительно совпал по времени с приходом Второй эскадры, то серьезные повреждения, нанесенные во время

его некоторым из японских броненосцев (в частности, «Микаса») могли бы весьма благоприятно отразиться на соотношении сил последней с неприятельским флотом.

Но всё это было куплено слишком дорогой ценой. Лишь 19% ее тоннажа в лице интернированных судов сохранилось от нее. Около 18% погибло в боевых операциях, а остальным 63% довелась горькая доля быть затопленными в своей базе.

Война жестоко карает за всякую ошибку в ее подготовке и ведении, а таких ошибок было сделано слишком много.

Оборона крепости. — Нет крепости, которой нельзя было бы взять. Эта истина доказана всей военной историей мира.

Слабая вооружением, незаконченная постройкой, с недостаточным гарнизоном, совершенно отрезанная и с суши и с моря от подвоза подкреплений, боевых припасов и продовольствия, крепость Порт-Артур в течение девяти месяцев выдерживала натиск в три раза сильнейшего врага, не щадившего никаких усилий, чтобы ее взять.

Почти сорок лет спустя другая мощная и богато оборудованная всем морская крепость — Сингапур — падает в руки тех же самых японцев с непостижимой быстротой. Хрупкими стеклянными стенами оказались и знаменитая линия Мажино и линия обороны в Тунисе.

Как ни соблазнительно объяснять эти последние факты только развитием техники наступательного оружия, следует признать такое объяснение несостоятельным. Ведь параллельно с техникой наступательной прогрессировала не в меньшей степени и техника обороны.

Объяснение по существу было дано еще в глубокой древности в виде краткой сентенции: «лучше иметь каменных людей за деревянными стенами, чем деревянных — за каменными».

Ни бетон и сталь, ни крупнейшая моторизованная артиллерия не могут заменить главного элемента всякой борьбы — людей.

Дух всегда и везде побеждает материю. Идеи традиций, чести, долга, дисциплины — составляют главную силу.

И этими именно идеями были глубоко проникнуты все чины Российских армии и флота в Порт-Артуре. В сознании ответственности перед Россией за вверенную крепости эскадру, командный состав до последней крайности не допускал мысли о ее сдаче. Руководясь его примером, рядовой состав, быстро редющий от непрестанных яростных штурмов, подверженный непрерывным артиллерийским бомбардировкам, скашиваемый цингой, мужественно переносил все невзгоды и лишения.

Пятьдесят тысяч людей, составлявших, включая морские команды, весь гарнизон, от-

стаивали крепость, отвлекали на себя за всё время осады в общей сложности свыше ста семидесяти тысяч неприятельской армии, т. е. почти треть всего ее состава. Сто десять тысяч потерял враг под ее стенами, из которых восемьдесят пять тысяч пало в боях.

И когда Порт-Артур, наконец, пал, всего четырнадцать тысяч бойцов, из которых многие страдали цингой и не раз были ранены, оставалось в боевом составе гарнизона. Остальные были в госпиталях, как совершенно непригодные к строю.

«...Поистине эпической можно назвать эту борьбу, и история обороны крепости заслуженно может носить имя Порт-артурской эпопеи.

Сам враг признал героизм гарнизона, приняв условие выхода его из крепости с оружием в руках и сохранение холодного оружия офицерским составом.

А государь повелел всё время осады считать участникам ее в службу из расчета месяца за год, подобно славным защитникам Севастополя».

Контр-адмирал Б. П. Дудоров

ЗАВТРАК У НАМЕСТНИКА

2-го октября 1903 года, сменяя в полдень дежурного адъютанта при наместнике Его Величества на Дальнем Востоке, я был изумлен, когда он передал мне, что сейчас должен прибыть из Японии наш посланник барон Розен, и что адмирал Алексеев приказал провести его незамедлительно в кабинет.

Это известие своей неожиданностью вызвало мое крайнее удивление. С введением наместничества, адмиралу Алексееву были переданы все дипломатические переговоры с Японией, Китаем и Кореей, для чего была создана в Порт-Артуре дипломатическая канцелярия, под управлением Плансона. Всякий приезд наших посланников из упомянутых стран был заблаговременно известен. За ними посылался один из крейсеров, а скучающие артурцы, придираясь к таким случаям, устраивали пышные приемы как на эскадре, так и в городе. Поэтому было ясно, что приезд барона Розена связан с какой-то таинственной целью.

Незадолго до часу посланник прибыл и я проводил его в кабинет наместника.

В этот день в Артуре было особенно тихо, потому что накануне начались соединенные маневры армии и флота, и все суда и войска ушли из крепости. Как будто барон Розен был

вызван именно в этот день, чтобы не возбуждать в городе лишних разговоров об его приезде.

В час был завтрак, на котором, кроме наместника и Розена, присутствовал только я. Продолжая начатый в кабинете разговор, наместник сказал барону Розену, что его доклад только укрепил в нем уверенность в неизбежности войны. Уверение генерала Куропаткина, посетившего незадолго до этого Японию, в неподготовленности японцев к войне, адмирал объяснял полным незнакомством генерала с японцами.

— Наиболее для меня ценным, — сказал наместник, — являются донесения большого знатока японцев, капитана 2 ранга Русина, которые всегда только подтверждают мое мнение о неизбежности войны. По лихорадочной деятельности их флота, пребывающего в постоянных упражнениях, слишком очевидна их подготовка к войне с нами. Как бы в ответ на это, у нас, под давлением министра финансов, ввели вооруженный резерв, выводящий наши суда на много месяцев в году из строя.

Далее наместник жаловался, что на все его донесения о неизбежности войны Петербург остается глухим, и когда он недавно просил об увеличении кредитов на плавание судов эскадры, для сокращения пагубного вооруженного резерва, то получил не только отказ, но и предупреждение, что с приходом на Восток для усиления флота новых боевых судов, срок во-

оруженного резерва должен быть увеличен, так как кредиты для плавания судов останутся без изменений.

— В результате моему штабу, вместо подготовки к войне, приходится разрабатывать вопрос, насколько, из-за экономических соображений министерства финансов, нашим судам придется сокращать свои плавания. Из последнего доклада адмирала Витгефта я вижу, что броненосцам и крейсерам с будущего года возможно будет плавать лишь четыре месяца в году, а миноносцам даже только один.

Эта экономия не может не погубить боеспособность флота. Не может быть боевого флота без упражнения в маневрировании и артиллерийской стрельбе.

Надо сказать, что введение вооруженного резерва было в то время новизной, изобретенной Главным Морским Штабом ради экономии. Суда стояли в портах, личный состав получал значительно уменьшенное жалование и не расходовался на походы уголь. Маневрирование и артиллерийская стрельба вычеркивались на это время из жизни команды, и суда пребывали в сонном состоянии.

Далее наместник говорил, что главным фактором в морской войне является нанесение неприятелю первого удара. Если мы этого не сделаем и будем выжидать его со стороны японцев, то война может перекинуться на сушу

и быть весьма длительной из-за нашей однокорейной Сибирской железной дороги, провозоспособность которой ничтожна.

Высказав всё это, наместник смолк. Через некоторое время он, перейдя из-за присутствующих лакеев на французский язык, сказал:

— Вы понимаете, барон, причину вашего срочного вызова мною, и я должен вас предупредить, что я даже допускаю возможность вашего невозвращения в Японию. Упомянутый мною «первый удар» должен быть нанесен нами.

Барон Розен, как старый дипломат, хладнокровно воспринял эти слова и лишь прибавил, что война, конечно, неминуема.

Далее наместник начал развивать свою мысль о начале военных действий: наш флот должен был на следующий день выйти к берегам восточной Кореи, миноносцы произвести минную атаку на суда японского флота и затем соединиться с флотом в Мозампо.

Завтрак подходил к концу. Вставая, наместник обратился ко мне:

— Сделайте распоряжение о немедленном прекращении маневров; судам вернуться в Порт-Артур и приготовиться к окраске в боевой цвет.

Через некоторое время я был вызван наместником в кабинет и в присутствии барона Розена получил от него для зашифровки текст те-

леграммы Государю императору. Содержание депеши было о желательности немедленного объявления войны, дабы предупредить такое со стороны Японии.

В срочных случаях ответы на телеграммы получались через четыре часа, но прошло уже десять часов, и ответа всё не было. Наместник нервничал, неоднократно вызывая меня, прося запросить дипломатическую канцелярию об ответе. Наконец, около четырех часов утра Плансон принес расшифрованную телеграмму для доклада.

Телеграмма была подписана главноначальствующим по делам Наместничества контр-адмиралом Абаза. Смысл ее был тот, что Государь император не допускает возможности Великой России объявлять войну маленькой Японии. В конце депеши наместник вызывался в Петербург для личного доклада Государю.

Прочтя депешу, адмирал Алексеев приказал мне передать распоряжение о продолжении прерванных маневров и тут же передал телеграмму Государю о невозможности, в столь тревожное время, покидать ему Дальний Восток.

До января наместник неоднократно вызывался в Петербург. Был даже прислан за ним специальный поезд, но он каждый раз отклонял выезд из-за угрозы войны.

12-го января 1904 года наместником не

были получены обыденные ежедневные депеши от наших посланников из Токио, Пекина и Сеула. На запрос дипломатической канцелярии о причинах этого был от всех трех представителей получен одинаковый ответ, что им предписано сноситься непосредственно с Петербургом.

В тот же день наместник подал Государю прошение об отставке и о снятии с себя ответственности за могущие произойти последствия. Ответа на это прошение до начала военных действий получено не было.

Министр иностранных дел граф Ламсдорф, не подозревая об отнятии от наместника права переговоров с дальневосточными посланниками, выпустил в первые дни войны «Красную книгу», в которой сваливал всю вину на адмирала Алексеева. Книга эта, выпущенная и разосланная в количестве 50 экземпляров, была по Высочайшему повелению у всех получивших ее отобрана и уничтожена. Оказалось, что с 12 января переговоры с посланниками велись контр-адмиралом Абаза.

Таким образом, к началу военных действий наместник не был даже в курсе дипломатических переговоров.

В 1911 г., когда были осложнения между морским ведомством и Государственной Думой по поводу бюджета на постройку военных судов и возник вопрос о смене морского мини-

стра, Государь сказал П. А. Столыпину:

— Я знаю только одного адмирала, который нашел бы общий язык с Думой — это Алексеев, но, к сожалению, общественное мнение слишком против него, хотя он ни в чем не виноват.

Капитан Гранга Б. И. Бок

В 1904 ГОДУ

В связи с 50-летием в 1954 году начала первой русско-японской войны, длившейся почти полтора года, небезынтересно перелистать воспоминания государственных деятелей эпохи этой войны. Приведем некоторые из них. Вот, например, выдержка из записок германского морского министра того времени, адмирала Тирпица.

«...Когда я прибыл в Потсдамский дворец (дело было летом 1903 года. — А. Л.), там уже собрались: имперский канцлер фон Гольштейн; статс-секретарь иностранных дел барон фон Рихтхофен и генерал граф Шлиффен. Император был в отличном расположении духа и дружески приветствовал нас:

— Я пригласил вас, господа, чтобы обсудить с вами вопрос о военном союзе с Россией. Думаю, что такой союз вынудит Францию примкнуть к нам.

Граф Шлиффен одобрил мысль, заявив, что с точки зрения стратегии, такой союз только желателен, но я возразил, что не могу вполне присоединиться к графу из-за опасения, как бы этот союз не обострил и без того напряженные отношения между нами и Англией, что было бы весьма нежелательно, и с чем, вероятно, граф согласится.

— Как известно вашему величеству, — пояснил я, — Россия накануне войны с Японией, и всё ее внимание должно быть направлено на Восток, почему, в случае какого-либо конфликта на Западе, она не в состоянии будет выделить более 200 тысяч штыков, что, при столкновении миллионных армий более чем недостаточно. Между тем, заключая с ней сейчас военный союз, мы рискуем быть втянутыми в дальневосточный конфликт. Всё, что мы можем сделать в настоящий момент, это постараться убедить Россию принять спешные меры к усилению своих вооруженных сил на Востоке, так как ее поражение там чревато для всей Европы и, в частности, для нас грозными политическими последствиями...

Граф Шлиффен ничего не возразил и только обиженно молчал. Фон Рихтхофен, напротив, одобрительно покачивал головой, а канцлер пытался поддержать императора. Сопровождение длилось свыше двух часов. В конце концов было решено пока воздержаться от заключе-

ния военного союза, но в случае возникновения русско-японской войны, сохранить по отношению к России дружественный нейтралитет.

По окончании заседания, император задержал меня и, отведя к окну, сказал, что вполне разделяет мои соображения и тоже считает поражение России опасным для наших позиций на Тихом океане. Тут он неожиданно добавил:

— Мне пришла в голову превосходная мысль попросить вас отвезти царю мое письмо и попытаться лично воздействовать на него в высказанном духе».

«Уехал я, — вспоминает далее Тирпиц, — несколько дней спустя. Миссия моя была крайне деликатна. Мне было известно, что настроение молодой императрицы англофильское, и что она имеет большое влияние на царя. Императора же Николая, напротив, я хорошо знал, как искренне расположенного к Германии... Однако, по моем приезде в Петербург мне ни разу не удалось, несмотря на все попытки, остаться с ним наедине: императрица неизменно присутствовала. Не смею сказать, обладала ли эта прекрасная женщина государственным умом, но, несомненно, она не сохранила симпатии к немецкому отечеству. Тем не менее, мне ничего не оставалось делать, как вести переговоры при ней, что было довольно стеснительно: приходилось очень осторожно касаться неблагоприятного стратегического положе-

ния России на Востоке. Но убедившись, что их величества слушают с видимым интересом, я позволил себе говорить откровенно, и между прочим, указал, что сосредоточенная в Порт-Артуре эскадра имеет, на мой взгляд, скорее декоративное значение, нежели боевое. Я прямо заявил, что мы кровно заинтересованы в победе русского оружия, так как поражение России на Востоке может неблагоприятно отразиться на нашем положении там. Царица молчала, хотя ее лицо выражало благосклонность; император же слушал весьма милостиво. В заключение он сказал, что ненавидит японцев, не верит ни одному их слову, и отлично сознает всю серьезность положения. Царь заверил меня, что все необходимые меры принимаются.

— Мы достаточно сильны, и парализуем всякое вооруженное выступление Японии.

На этом аудиенция кончилась, и я, получив ответное письмо, вернулся в Берлин»....

Приблизительно месяц спустя, после отъезда Тирпица, осенью того же 1903 года, Куропаткин записывает в своем дневнике:

«24 августа, по окончании либавских торжеств по случаю освящения порта и крепости императора Александра III, я обедал на «Полярной звезде» у императрицы Марии Феодоровны. Кроме живущих на «Штандарте», приглашен был только я один. Сидел рядом с государыней Александрой Феодоровной.

Говорили о нашем военном положении. Я заметил, что оно далеко не блестяще, нет денег, всё поглощает Дальний Восток, в чем большая ошибка. Александра Феодоровна возражала с обычной горячностью. Ее величество сказала, что теперь всё внимание и все средства надо обратить на Восток, что там главная опасность, может вспыхнуть война, и мы должны быть сильны.

— Потом, года через четыре, можно будет снова перенести внимание на запад, но пока этого делать нельзя.

На мое замечание, что именно здесь, на Западе, зреет главная опасность, Александра Феодоровна выразила уверенность, что до Европейской войны не допустят, но что сейчас страшна желтая раса.

Чувствуя, что тут поддержки не будет, я признал себя побежденным и шутливо заметил:

— Увы, ваше величество, моя вылазка окончилась неудачно.

Государыня рассмеялась.

После обеда все перешли на палубу пить кофе. Государь, Фредерикс, Авелан и командир яхты разместились в креслах, а обе императрицы, вел. кн. Ольга Александровна и я — на скамейке; третью группу составили Гессе, граф Бенкендорф, Мосолов, адмирал Гирш и четыре фрейлины. Беседовали и любовались иллюминацией. Мария Федоровна, которой госу-

дарыня передала наш разговор, сочувственно посмотрела на меня, как бы говоря: «Надейтесь».

«Буду бороться, — доканчивает Куропаткин эту свою запись — дабы увлечение Дальним Востоком не принесло России вреда»...

Той же осенью начальник военного отдела Штаба Квантунской армии полковник барон Таубе записывает:

«Япония усиленно готовится к войне: в присутствии микадо состоялись грандиозные маневры, носившие характер демонстрации

Когда я прибыл в Токио и явился нашему посланнику Розену, он первым делом спросил: каким количеством войск мы располагаем в Квантуне?

— Двадцатью тысячами, — ответил я. Посланник не поверил:

— Но может быть, идут подкрепления?

— Никаких подкреплений не предвидится, — доложил я. — На все наши требования Главный Штаб отвечает, что при исчислении сил нужно исходить из отношения, что один русский солдат соответствует четырем японским...

Посланник всплеснул руками:

— Помилуйте, — воскликнул он, — войны с нами жаждет весь японский народ, жертвоуования текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна.

После маневров состоялся парадный завтрак, предложенный японским Генеральным

Штабом иностранным военным миссиям. Когда встали из-за стола и перешли в гостиные, к Таубе подошел японский майор, прикомандированный к русской и французской миссиям и, чокнувшись, сказал:

— Вот, барон, сейчас я пью ваше здоровье, но скоро и очень скоро уже не буду пить за него, а буду... рубить вас... Глаза его сверкнули и он схватился за эфес...»

Куропаткин записывает:

«24-го января я приехал во дворец с очередным всеподданнейшим докладом. Государя застал в тревожном настроении:

— Надо же, наконец, выяснить: война или мир? — были первые слова императора, — если воевать, так воевать, если мир, так мир; неизвестность становится томительной...

В тот же день Ламсдорф подтвердил мне, что разрыв дипломатических отношений не означает еще войны...»

Вечером фельдъегерь доставил военному министру записку:

«Алексей Николаевич, 26-го, в 11 ч. 30 м. у меня соберется совещание по вопросу, следует ли разрешать высадку японцев в Корею, или силой принудить к отказу. Прошу вас приехать к указанному часу. Николай».

Куропаткин решил предварительно свидеться с управляющим морским министерством. Авелан заверил его, что наших сил достаточно

вполне, чтобы атаковать японский флот.

«Вы можете считать, что технически и по составу мы сильнее. Я только несколько сомневаюсь в Старке (командующий эскадрой. — А. Л.). Он исполнительен, знает свое дело, но лишен инициативы.

— Так почему же вы не замените его? — удивился военный министр. — Есть же у вас Макаров, Дубасов, Скрыдлов, Бирилев, Рождественский.

— Я предлагал Дубасову и Бирилеву, но оба отказались из-за характера заместителя. Пусть он сам и ведет флот...»

Вошел начальник Главного Морского Штаба, адмирал Рождественский. Он также подтвердил, что не может быть сомнений в силах нашего флота, и также неодобрительно отозвался о Старке. Успокоенный до некоторой степени Куропаткин вернулся к себе.

26-го в Зимнем дворце состоялось намеченное совещание. Присутствовали: генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, граф Ламсдорф, Авелан, Куропаткин и, в качестве делопроизводителя, контр-адмирал Абаза.

Вот как сам военный министр описывает совещание:

«Открывая заседание, Его Величество сказал, что прежде всего желает знать наше мнение, какого образа действий следует держаться — воспрепятствовать ли силой высадке япон-

цев в Корее, и если да, то в каком районе?»

Первым государь обратился ко мне. Я напомнил Его Величеству, что когда составлялся план стратегического развертывания в Южной Маньчжурии, то Алексеев принимал за аксиому, что наш флот не может потерпеть поражения, а потому я считаю высадку японцев невозможной на западном берегу Кореи.

После меня говорил Ламсдорф. Он указал, что если есть хоть малейшая возможность избежать войны, надо этим воспользоваться («разумеется», — вставил государь). Далее он сказал, что японцы поступили опрометчиво и что общественное мнение Европы и Америки против них.

Генерал-адмирал высказался в том смысле, что разрешать высадку севернее Чемульпо нельзя.

— А южнее? — спросил государь.

Великий князь ответил, что не думает, что японцы вообще рискнут на морскую операцию.

В эту минуту дежурный флигель-адъютант вручил военному министру телеграмму наместника. Вот ее содержание:

«Непрекращающиеся приготовления Японии достигли опасного предела.

Полагаю необходимым немедленно объявить мобилизацию и не допускать высадки японцев в Корее. Приказал эскадре выйти на внешний рейд, дабы немедленно, по получении

вашего ответа, атаковать неприятеля».

В результате совещания Алексееву послали следующее распоряжение:

«Если японцы начнут военные действия, не допускать высадки на западном берегу Кореи, севернее 38-й параллели. Высадку в южной Кореи и в Чемульпо допускать. Продвижение японских войск в Северную Корею не считать за начало войны...»

О мобилизации ни полслова.

В тот же день Куропаткин присутствовал на вечере у государственного контролера Лобко. Неожиданно приехал Витте, видимо, расстроенный, и, ни с кем не поздоровавшись, отвел военного министра в кабинет хозяина. Оба сейчас же уехали. По гостиним пополз тревожный слух.

Витте и Куропаткин отправились к Авелану. Тот ничего еще не знал. Витте показал ему частную телеграмму своего коммерческого агента о неожиданном нападении на эскадру.

На утро телеграмма стала общим достоянием. В 4 часа пополудни последовал указ о мобилизации Сибирского военного округа и четырех уездов Казанского. Во дворце состоялось молебствие и высочайший выход.

Вечером звонок Скрыдлова к Куропаткину:

— Я только что от молодой императрицы. Умолял о вашем назначении командующим. Алексеев ничего не смыслит в этих делах.

Несколько минут спустя, звонок Сельского, звонок Витте, звонок князя Мещерского и звонки Куропаткину со всех сторон; все с пожеланием о принятии им поста Главнокомандующего.

Капитан 2 ранга А. П. Лукин

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Старший лейтенант Р. П. Зотов рассказал мне о крайне загадочном предупреждении, которое было сделано русским властям одним таинственным англичанином о намерении японцев произвести минную атаку на нашу эскадру без предварительного объявления войны.

Ввиду важности факта, точных подробностей, сообщенных Р. П. Зотовым, упорства англичанина в своем намерении довести об этом до сведения русского командования, я просил Рафаила Петровича продиктовать мне всё, что он помнит об этом загадочном факте.

Вот что рассказал Р. П. Зотов.

«В конце лета 1903 года крейсер 2 ранга «Забияка» был послан самим наместником на стоянку в китайский порт Чифу, находящийся в 70 милях от порта Артур.

Командиром «Забияки» в то время был кап. 2 р. Лебедев, впоследствии, во время осады, погибший смертью храбрых при контрата-

ке на редуты первый и второй, во главе морского десанта. Старшим офицером был лейтенант Лепко, судовым врачом д-р Ильин, инженер-механиком фон Берне, старшим из мичманов — граф Кайзерлинг. Я (Зотов) был мичманом, остальных офицеров не помню.

Цель стоянки крейсера в Чифу мне не была точно известна.

В конце декабря 1903 г. к крейсеру подплыл на китайской шампуньке штатский человек и на английском языке попросил разрешения подняться на корабль.

Так как у нас на корабле по-английски свободно объяснялся один мичман граф Кайзерлинг, то его вызвали наверх для разговора.

Выяснилось, что приезжий англичанин желает лично и по секрету говорить с нашим командиром. Получив согласие кап. 2 р. Лебедева, граф Кайзерлинг вместе с приехавшим спустились в каюту командира, где оставались около часу. После этого англичанин и Кайзерлинг вышли на палубу вместе с командиром.

Заинтересованные продолжительным визитом у командира, мы, остальные офицеры «Забияки», вышли на шканцы и ждали конца совещания. Когда командир со своим гостем вышли на палубу, мы увидели, что кап. 2 р. Лебедев был сильно взволнован. Однако, он очень ласково и деликатно проводил приезжего до трапа, попрощался с ним за руку и сказал:

— Ол райт!

Настроение командира всё же было какое-то неопределенное. Видимо, он иронически относился к тому, что сообщил ему англичанин, ибо, обращаясь к нам, остальным офицерам, из любопытства скопившимся вблизи трапа, он бросил улыбаясь: «Чорт его знает, шарлатан или серьезный человек?»

После такой реплики Лебедева, обращенной к нам, граф Кайзерлинг не считал нужным делать тайны из разговора бывшего в каюте командира. Когда спустились все в кают-компанию, Кайзерлинг рассказал нам следующее.

Приезжий англичанин поведал командиру о затеваемых японцами планах нападения на Россию, в частности на Порт-Артур, и в недалеком будущем. Нападение это будет неожиданным и — до официального объявления войны.

При этом англичанин убеждал, что он истинный друг русских, что он не насмехается над нашим командиром, а говорит совершенную правду, в предупреждение могущего быть зла от внезапности нападения.

Однако, доказать свои слова и указать источники он категорически отказался и настаивал на бесконтрольном доверии.

На следующий день этот человек вновь прибыл к нам на «Забияку», и на этот раз привез с собой кипу карт, свернутых в трубку. Он

опять прошел с графом Кайзерлингом к командиру. На этот раз туда же был приглашен старший офицер Лепко. Совещание было более длительным, чем предыдущее. Все с этого совещания вышли совершенно расстроенные.

Оказывается, «доброжелатель» привез командиру карты с точным обозначением японских замыслов блокады нашего побережья, указанием опорных пунктов, складов для военного материала, угля, временных мастерских и прочего. Командир, видимо сдвинутый с точки недоверия, в этот же день отдал распоряжение закончить дела с берегом. Мне же (Зотову), как офицеру, заведывающему фотографией корабля, было предложено снять подробную фотографию с французского острова, на котором стоял маяк. Фотографии мною были произведены, частью со шлюпки, частью же с берега, для чего я выходил на этот остров. Все эти фотографии сохранились у меня и по сей день в Париже.

В последующие дни англичанин еще два раза был у нас. Командир же ежедневно собирал совещания в составе старшего офицера, мичмана Кайзерлинга, судового врача Ильина и еще кое-кого из старших в кают-компани.

Прошло, я думаю, не более десяти дней после первого посещения нас англичанином, как мы снялись с якоря и отправились обратно в Порт-Артур.

Ввиду чрезвычайного интереса, который возбудил в нас этот таинственный случай, я считаю долгом всё это отметить для будущего историка этой войны, начавшей серию самоистребительных актов белой расы.

По прибытии, командир в тот же день приказал мне собрать все мои фотографические произведения и вместе с ними отправиться во дворец к наместнику. Этим назначением я был чрезвычайно недоволен, ожидая только скандала и неприятности.

Наместник принял нас в своем кабинете без посторонних свидетелей. Командир чрезвычайно волновался и обрывающимся голосом начал свой довольно подробный доклад о происшедшем в Чифу.

Я стоял сбоку командира, держа в руках с десяток фотографий и усердно наблюдал за выражением лица наместника, которое принимало всё более сумрачный вид. Всё же он дал командиру кончить доклад, осмотрел карту, фотографии, не говоря ни слова.

Вдруг наместник уставился на командира и как разорется:

— Что это вы панику разводите?! Пришли без разрешения?!

И пошел, и пошел... Прокричав минут пять, наместник сказал:

— Убирайтесь вон!

Он пригрозил командиру каким-то взыс-

канием, а мне арестом. Командир, бледный как полотно, выскочил из кабинета наместника, а я с грустью сознавал, что по воле злой судьбы влип в грязную историю, да еще и под арест попал.

Скоро командир совершенно успокоился, я — тоже, и жизнь на корабле совершенно не изменилась для меня. В кают-компании на вопросы, как прошел доклад у наместника, я ответил, что командиру попало за своевольный приход в Порт-Артур. Об остальном умолчал. Командира же никто не смел спросить о результатах доклада. Но на третий день, когда командир совершенно успокоился, он сам сказал старшему офицеру, лейтенанту Лепко, что ему здорово попало за то, что он самовольно прибыл в Порт-Артур. И только. Никаких других шагов для использования привезенных им из Чифу предостережений таинственного англичанина кап. 2 р. Лебедев, видимо, не делал. Приблизительно дней через 10-12 после нашего возвращения в Порт-Артур была ночная минная атака японцев, а на утро эскадренный бой на внешнем рейде, первая бомбардировка порта Артур и города... И... действительно, без предупреждения».

Через полвека трудно дать оценку этому случаю, до сих пор нигде не опубликованному. Но, так как я немного знал Наместника, и особенно много слышал о нем, и более близ-

ко знал кап. 2 р. Лебедева, с которым имел служебный контакт во время осады крепости, полагаю, что недоверие наместника к докладу Лебедева надо приписать личности самого Лебедева. Если бы Лебедев взял с собою графа Кайзерлинга, непосредственно говорившего с англичанином, возможно, что эффект доклада был бы иным.

Это была одна из тех тяжелых неудач, которые вообще сопровождали эту неудачную, ненужную и случайную для всех войну, по последствиям же своим, — одну из наиболее тяжелых для судеб человечества.

Морской врач Я. И. Кефеди

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Американская пресса первых годов текущего столетия была особенно враждебна к России и ее правительству. 9 февраля (нов. ст.) 1904 года на первых страницах газет в Соединенных Штатах появились напечатанные крупными буквами заголовки:

«Японцы взорвали три русских военных судна». Далее следовали телеграммы собственных корреспондентов или телеграфных агентств приблизительно следующего содержания:

«Вечером 8 февраля роскошно убранные залы во дворце адмирала, командующего рус-

ской эскадрой в Порт-Артуре сияли тысячами огней, отражавшихся на блестящих эполетах и золотом шитье мундиров офицеров этой эскадры. Гремел бальный оркестр и нарядные пары кружились в упоительном вальсе. Это был бал, данный по случаю именин супруги адмирала миссис Старк. Вдруг раздались минные взрывы на рейде. Переполошившиеся танцоры бросили своих дам и в панике побежали на набережную. Но было уже поздно: поврежденные корабли мертвой массой лежали на боку, залитые водой».

Сообщения эти нашли отзвук и в русской прессе. Пожалуй, и сейчас кое-кто из россиян полагает, что моряки «проморгали» японцев потому, что веселились на именинах супруги адмирала. Мадам Старк действительно звали Марией, и по календарю 8 февраля день преподобной Марии. Всё же остальное в приведенной телеграмме, как и о нахождении офицеров на берегу в этот вечер, так и празднование именин представляло собою обычную газетную утку — ни на чем не основанный вымысел.

Что же на самом деле происходило в Порт-Артуре в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г.?

Новый 1904 год был встречен во всей России весело и беззаботно. Так, по крайней мере, казалось нам, плававшим тогда на Тихоокеанской эскадре. В газетах трехнедельной давности, приходивших из далекой северной столи-

цы в Порт-Артур, мы не находили признаков особой тревоги. По-видимому, мало кто знал тогда в России о важных переговорах с Японией, грозивших разрывом сношений и войной.

На нас, артурцев, это спокойствие и кажущаяся беззаботность нашей метрополии производила довольно странное впечатление. Хотя мы не были вполне в курсе происходящих переговоров, но, по многим мелким, едва уловимым признакам, невольно угадывалось и чувствовалось, что не всё обстоит благополучно. Было какое-то затишье перед грозой.

За год или за два до этого, вследствие сильного давления со стороны министра финансов, во флоте началась экономия. Корабли Тихоокеанской эскадры, плававшие до этого и практиковавшие свой личный состав в течение круглого года, начали простаивать значительное количество месяцев в гавани, в так называемом «вооруженном резерве».

В это же самое время в Японии со вступлением в состав эскадры нескольких новых единиц, образовался флот, превышающий силы нашей эскадры как по количеству орудий на борту и весу залпа, так и по бронированию. Было ясно, что страна готовится к войне с нами. Экономия, шедшая во вред боевой готовности нашей эскадры, приводила поэтому личный состав ее в состояние какого-то тягостного недоумения. В течение ряда лет наша

эскадра жила мыслью о неизбежности надвигающегося конфликта с Японией. Всё, что на судах делалось, всё было для одной цели: подготовка к будущей войне с островной державой. Поэтому война эта сама по себе не представлялась нам страшной.

Все наши сомнения отпали бы, если бы в эти дни чувствовали, что наша Родина, как один человек, горой стоит за нашей спиной, готовая на всякую жертву для борьбы с надвигающимся врагом, но, увы, этого не было! В декабре 1903 и в первые недели 1904 года в кают-компаниях наших судов приходилось иногда слышать шепотом и с опущенной головой произносимые страшные слова: «В России совсем нет патриотизма».

Чем же вызывалось подобное настроение? В силу каких причин не стало сильного волевого импульса в стране, столь необходимого при всякой надвигающейся на Родину беде?

В 1894 году наша пресса уделяла очень мало внимания войне между Китаем и Японией. В обществе говорили: «Воюют эти желтолицые между собою, ну и пускай себе на здоровье делают, что хотят. Нам-то какое до них дело?» Но Япония в эти отдаленные времена стремилась получить то, чего она достигла лишь в 1932 году. Задачей ее было: захват в свои руки всей Маньчжурии и утверждение на правом берегу Амура.

Вместо слабого и «неподвижного» Китая, в соседи к нам лезла страна прекрасно вооруженная и обладающая предприимчивостью. Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, в каком положении оказывался при этом наш Владивосток и вся Приморская область. Весь этот край, при всяком военном конфликте с владеющей Маньчжурией державой, как бы повисал в воздухе... Охранять нашу громадную границу вдоль побережья Амура созданием крепостей и формированием новых корпусов войск было предприятием совершенно непосильным для наших финансов.

Нужно было во что бы то ни стало не допустить японцев утвердиться в Маньчжурии. Поэтому тогдашнее правительство наше без всякой ненужной шумихи и огласки во время сосредоточило на Дальнем Востоке морские силы, превышающие японские. Была достигнута дипломатическая поддержка со стороны Германии и Франции и в надлежащий момент Японии был предъявлен известный ультиматум. Затаив злобу, японцы подчинились и ушли из Маньчжурии.

Совершенно ясно было, что южное побережье Маньчжурии китайцы не смогут долго удерживать в своих руках. Японцы приступили к усилению своего флота, дабы при следующей их попытке утвердиться на материке им не были бы страшны наши ультиматумы. Что-

бы парировать эту угрозу, наше правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласие Китая. Оно ясно сознавало, что «путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур».

Оставалось только, по мере усиления Японией своей военной мощи, соответственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вновь занятой области. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, являлись бы каплей в море, по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амура. Нечего и говорить о том, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тот моральный и материальный ущерб, какой понесла Россия в результате неудачной войны.

Но тут выступила на сцену так называемая «русская общественность». Совершенно не разбираясь в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, наши тогдашние газеты зашумели о «безумной аванюре». В обществе стали говорить: «Швыряют миллионами, чтобы великим князьям можно было наживаться на лесных концессиях на Ялу».

Давление на правительство было произведено такое организованное и всестороннее,

что, по настоянию Витте, средства на постройку Порт-Артурской крепости были значительно урезаны. Потом, во время японской осады, приходилось горько сожалеть о том, что в силу этой экономии в периметр крепости не вошли такие командные высоты, как знаменитая, обильно политая кровью, Высокая гора. Началась экономия в постройке судов флота и содержании эскадры в Тихом океане. В самое, казалось бы, не подходящее для того время был введен для судов пресловутый «вооруженный резерв». Япония всё это учитывала.

Все эти меры, как нарочно, создавали наиболее подходящую обстановку для ее немедленного выступления против нас. Ей предоставлялась возможность, не откладывая, одним ударом покончить с русским владычеством в Квантуне, пока Россия не окрепла там и пока продолжается столь несвоевременный и столь вредный для военной мощи режим экономии в военных расходах.

Военно-морской агент в Токио, капитан 2 ранга А. И. Русин, в ряде подробных донесений своевременно дал морскому министерству полную картину систематического развертывания японских морских сил против нас. В одном из своих последних рапортов он вполне точно указал, что свой удар японцы приурочивают к последним числам января. В предупреждениях, таким образом, недостатка не

было. Осведомленность о том, что война надвигается, была полная.

Но одновременно с тем из Петербурга приходили такого рода вести: «Русская общественность против войны». «Война не встретит сочувствия в широких кругах населения». «Войны в Петербурге не хотят, ее необходимо во что бы то ни стало избежать». «Не бряцайте оружием, не давайте Японии повода объявить нам войну».

Из такого рода слагаемых и создалась та атмосфера неопределенности, которая тяжелым камнем ложилась на личный состав нашей артурской эскадры и гарнизона крепости.

Шаги, которые в то время предпринимались петербургскими властями для парирования японского удара, делались, как будто исподтишка, чтобы не дразнить гусей нашей «общественности». Всё это были полумеры — одна десятая того, что можно было сделать в эти драгоценные, последние перед войной, месяцы и недели.

Была выдвинута на Дальний Восток одна единственная бригада из Европейской России. Были посланы из Балтики один броненосец и два крейсера, которым война помешала дойти до Порт-Артура. Они вернулись с полдороги. Прилива свежих войск не было. Поэтому стрелковая бригада, годами стоявшая в Порт-Артуре и как свои пять пальцев знавшая мес-

тность в районе крепости, была послана на Ялу. Место ее заняли новые формирования. Получился своего рода «Тришкин кафтан».

Осенью 1903 года наша эскадра сменила веселый нарядный белый цвет своих бортов, цвет мирного времени, на мрачный серо-оливковый боевой.

За пять лет русского владения город Порт-Артур сильно изменился. Старый туземный городок, уютящийся около восточного бассейна, остался, конечно, со своими кривыми и узкими улицами, но в китайских одноэтажных домах, прежде так уныло смотревших на улицу своими сплошными глухими стенами, проделаны были окна и двери, у многих появились крылечки русского образца, запестрели вывески магазинов, ресторанов. Даже пожарная каланча русского типа воздвигнута была на вершине господствующей над городом Перепелиной горы. Словом, старый город обрусел.

Новый город вдоль берега Западного бассейна строился по американскому образцу. Проводились широкие прямые улицы с мостовыми и тротуарами чисто столичного типа, с площадями, парками и бульварами, с готовой канализацией, водоснабжением и электрической проводкой. Домов, построенных до 1904 года, было сравнительно немного, но чувствовалось, что скоро городской центр перемес-

тится из Старого города в Новый, и тогда жизнь здесь забьет ключом.

Между Старым и Новым городами строился большой каменный православный собор, типа кафедральных соборов губернских городов. Удержи Россия в своих руках Порт-Артур, судьба Владивостока и Приморской области не вызывала бы опасений. Сибирская магистраль, предприятие мирового значения, упиралась бы своим концом не в Японское море, плотно закупоренное нашим соседом, а в порты теплого, никогда не замерзающего Желтого моря, имеющего широкий свободный выход в океан.

В конце января 1904 года стояла сухая и бесснежная зима. Японские лавочки в Старом городе стали одна за другой закрываться. Владельцы их устраивали распродажу товаров и затем исчезали из города. Какой-то предприимчивый японец, объявляя о подобной распродаже, вывесил большой плакат: «Я испугался».

В кают-компаниях со столов не сходили Справочники об иностранных флотах. Подсчитывались силы наши и противника. Если бы на Дальний Восток пришли достраивавшиеся в Петербурге броненосцы типа «Суворов», превосходство Японии в морских силах не так сильно чувствовалось бы.

Тоннаж нашей эскадры в данный момент был приблизительно 200 тысяч тонн. Против-

ником ее являлся весь японский флот с тоннажем в 280 тысяч тонн. Отношение получалось 1 к 1,4, не в нашу пользу. Главным ядром японского флота были 6 эскадренных броненосцев, вооруженных 12-дюймовыми орудиями. Из них четыре новых, недавно спущенных, вполне современных и два более старых. У нас было пять броненосцев с такой артиллерией. Из них новых и современных два. Более старых три.

Преимуществом японских броненосцев и крейсеров над нашими была также их большая однотипность. Общее число броненосцев и броненосных крейсеров, могущих войти в боевую линию, было у японцев 14, у нас 10. Одиннадцатый крейсер «Рюрик», как не имеющий современной 8-дюймовой артиллерии и по устарелости годный лишь для вспомогательных целей, нельзя было принимать в расчет. Но главным преимуществом японцев над нами являлись семь вполне оборудованных военных портов-баз для их эскадры, снабженных сухими доками для починки броненосцев и богато оборудованных всеми средствами для быстрого исправления их. Отсутствие в нашей главной и в сущности единственной базе Порт-Артуре сухого дока для броненосцев было обстоятельством прямо трагическим. Во время войны повреждения подводных частей этих судов приходилось чинить кустар-

ным способом, посредством кессонов. Корабли выходили из строя поэтому на месяцы, когда в доке та же работа могла бы быть выполнена в несколько дней. Сухой док в Артуре был начат постройкой, но японцы, объявив войну, не дали нам возможности его закончить.

Как бы то ни было, признавая, что японцы в данный момент сильнее нас, мы рассчитывали, что должный отпор мы им дать всё-таки можем и сможем продержаться до прибытия подкреплений из Балтики. В середине января наша эскадра вышла из состояния вооруженного резерва и начала кампанию. Были нелады с машинами на броненосце «Севастополь». Скорость его упала с 16 на 14 узлов, что понизило, в свою очередь, и скорость всей эскадры до этой цифры, к колоссальной нашей невыгоде.

За несколько дней до рокового дня 8 февраля (нов. ст.) наша эскадра, под командой адмирала Старка, вышла в море в полном составе. Цель этого похода, по-видимому, была чисто учебная. Мы провели день и ночь в Желтом море, делая различные построения и эволюции. Видели в дымке тумана южное китайское побережье и «Шаньдунский маяк. Затем стали на якорь, на своем обычном месте, на Артурском рейде. Никому из нас тогда и в голову не приходило, что этот поход наш окажется тем самым «Казус белли», которого только и ждала японская военная партия.

Впоследствии стало известно, что выход в море был сочтен Японией за враждебную ей демонстрацию, почему и решено было немедленно объявить нам войну.

Насколько мы далеки были тогда от мысли делать враждебные выпады по адресу Японии, показывает тот факт, что, стоя на открытом для неприятельских минных атак рейде, наши суда не получили приказаний опустить в воду предохранительные сети против мин Уайтхеда. В те времена говорили, что это делается для того, чтобы не увеличивать напряженности данного момента. «Стоят с опущенными сетями» значит: готовятся к каким-то военным действиям», могли сказать японцы. Повидимому, в виду полученной директивы: «Не бряцать оружием», начальство наше воздержалось от опускания сетей.

Большой бедой для нашей эскадры было то, что ею командовали в эти роковые дни люди, быть может, в высшей степени добросовестные и усердные служаки, но совершенно не имевшие боевого опыта. В то же время такой прирожденный вождь-флотоводец, как герой войны 1877-78 года, адмирал С. О. Макаров был вдали от назревавших на Дальнем Востоке крупных событий.

Всё поэтому делалось в Артуре не по-макаровски. Там в полной силе была еще рутина мирного времени. Господствовало вредное

убеждение, что эскадре для выхода в полном составе на Порт-Артурский рейд из внутренних бассейнов требуется более суток. Поэтому для того, чтобы она могла быть готовой по тревоге быстро сняться с якоря и выйти в море, ее в эти дни кризиса держали на якоре на открытом наружном рейде, подвергая тем самым суда риску минных атак.

Когда впоследствии прибыл в Порт-Артур Макаров, он держал эскадру во внутренней гавани. А выход ее в море по тревоге требовал при нем всего 2,5 -3 часа времени. Суда стояли на рейде готовыми к бою. Сигналом была объявлена 4-х часовая готовность к выходу в море. Такая готовность всегда вызывает большое напряжение в судовой жизни.

Приходится быть на-чеку, зная, что каждую минуту может быть сигнал адмирала: «Приготовиться сняться с якоря», а через 4 часа после сигнала все корабли будут уже на ходу. Само собою разумеется, что при таких условиях люди с судов могли посылаться на берег только по самым неотложным служебным делам, а отнюдь не для прогулки.

8 февраля перед заходом солнца адмирал поднял сигнал: «Приготовиться к походу к 6 часам утра». Этому походу не суждено было состояться. Сейчас, вспоминая задним числом всё случившееся, остается пожалеть, что адмирал отложил выход в море до утра, а не снял-

ся с якоря вечером. Тогда японские миноносцы никого не нашли бы на Артурском рейде, а утром японская эскадра могла неожиданно встретить в море нашу, вышедшую в полном составе всех броненосцев и крейсеров. Война началась бы совсем иначе. Весьма вероятно, что она иначе и окончилась бы.

Утром в этот день в Артур прибыл из Чифу тамошний японский консул, чтобы забрать последних, оставшихся в городе японцев. Вскоре пароход, вся палуба которого была заполнена подданными страны Восходящего Солнца, прошел мимо нашей эскадры. Нет никакого сомнения, что на пароходе этом были японские морские офицеры, точно по пеленгам определившие якорное место каждого из наших судов, стоявших на рейде. Миноносцы, посланные ночью в атаку, могли иметь для руководства точную диспозицию нашей эскадры.

Можно сказать, что мы тогда, что называется, «лапти плели» в деле сохранения военных тайн. Казалось бы: как можно было выпускать из своего порта такой пароход накануне войны. Но не надо забывать, что тогдашнее наше начальство было еще под гипнозом указаний: «Избегать осложнений с Японией», «Не бряцать оружием».

Около полудня пишуший эти строки был послан с каким-то поручением на берег. На набережной около дома командира порта сто-

яло несколько офицеров с эскадры. Они выглядели чем-то озабоченными.

— Японцы отозвали своего посланника из Петербурга. Дипломатические сношения прерваны, — сообщили они мне.

— Но ведь это значит война!

— Дипломатическая часть штаба наместника разъясняет, что разрыв сношений еще не есть объявление войны. Вот с Болгарией, например, они говорят, сношения у нас были прерваны, а разве мы с ней воевали?..

— Так-то оно так, но всё-таки там была Болгария, а здесь — Япония. А это — разница. Но почему же они такое важное известие не объявили сейчас же сигналом по эскадре? Довольно странно, что мы здесь такие важные вещи узнаем из частных разговоров.

— В штабе сказали — появится завтра утром в газете «Новый край». Ведь сегодня газета не выходит.

К нашей группе подходит запыхавшись знакомая дама, супруга офицера одного из броненосцев. По выражению лица и по походке видно, как тяжело переживаются эти часы неопределенности офицерскими семьями.

— Я не могу понять, что сейчас происходит, — говорит она, — на эскадре все говорят: война, война, а я живу на квартире воинского начальника и он сказал мне: «Поверьте, сударыня, если бы что-нибудь подобное было,

война или мобилизация, я бы первый об этом узнал и вам сообщил».

На шлюпке с флагманского корабля прибыл офицер. Он был послан передать приказание всем, находящимся на берегу, немедленно возвращаться на свои суда. «Был поднят сигнал — прекратить сообщение с берегом в 3 часа. Вероятно, в море уходим», — сообщил он.

Все поспешили на шлюпки. Ночь наступила безлунная, но ясная. Ветра почти не было и слегка подмораживало. С вечера сильно трещали китайцы на полуострове Тигровый хвост, на побережье против стоянки эскадры. Они, вероятно, справляли там какой-нибудь традиционный праздник и отгоняли своими хлопушками, громкими, как револьверные выстрелы, злых духов от своих жилищ.

— Вот такая же музыка началась вечером в Таку перед тем, как форты по нашим судам огонь открыли, — мрачно заметил, слушая китайскую трескотню, участник ночного боя на реке Пейхо. — Было это что-то в роде сигнализации. Знали, бестии, что стрельба будет.

Когда солнце скрылось за громадой мрачного Ляотишана, зажегся, как всегда, входный артурский маяк. Маячная часть действовала по правилам мирного времени. Но на этот раз маяк был зажжен, как бы нарочно для того, чтобы атакующий неприятель мог легче ориентироваться ночью.

С наступлением темноты два дежурных крейсера начали освещать горизонт прожекторами. С заходом солнца сигнальные рожки на всех судах проиграли сигнал: «Приготовиться отразить минную атаку». По этой тревоге все орудия были заряжены боевыми зарядами. Затем половинное число прислуги было оставлено у орудий. Другая половина должна была сменить первую среди ночи. Эта боевая вахта была готова открыть огонь во всякий момент. Два миноносца были посланы в море, в дозор на всю ночь. Их обязанность была: крейсировать в нескольких милях от стоянки эскадры и давать тревожные сигналы в случае появления подозрительных судов.

Многое можно сказать сейчас относительно действительности, или вернее — недействительности таких мер охраны эскадры от минной атаки. Всё организовано было по шаблону маневров мирного времени. Не надо быть специалистом, чтобы понять, что два миноносца на обширном пространстве моря должны были являться чем-то в роде иголки, затерявшейся в стоге сена.

Но начальник эскадры и не располагал в этот вечер достаточным количеством мелких минных судов. Хотя это может показаться странным и невероятным, но значительная часть миноносцев, выполняя преподанную министром финансов программу экономии, остава-

лась еще в состоянии пресловутого «вооруженного резерва» и начала кампанию, присоединившись к эскадре, уже после начала войны.

За несколько минут до полуночи, среди тишины, вдруг гулко прокатился орудейный выстрел. Слышно было, как гудит в воздухе снаряд. Прошло несколько секунд. Затем другой, третий выстрел. Стреляли не часто, как будто не видя цели. Кто стрелял и по кому — определить было невозможно. Но тут вдруг, точно что-то толкнулось в подводную часть нашего крейсера. Это не был звук орудейного выстрела. Тем, кто плавал на судах учебно-минного отряда этот звук был хорошо знаком. Как будто кто-то уронил грузный поднос с посудой. Это был подводный минный взрыв.

Стрельба иногда замолкала секунд на 10, на 15, потом опять начиналась. Чувствовалось, что цель по временам не видна. Так продолжалось с четверть часа. Затем всё стихло. В это время флагманский броненосец «Петропавловск» вдруг поднял лучи своих прожекторов к небу, что при обыкновенных практических занятиях обозначало: «Перестать светить прожекторами». Точно на обычном учении, это было исполнено. Эскадра погрузилась в темноту. Что же это значит? Неужели это было ученье? Но ведь орудия-то заряжены по боевому. А как же понять те минные взрывы, которые мы слышали где-то по соседству.

Недоумение продолжалось недолго. Мимо нас промчался полным ходом паровой катер с «Петропавловска» и офицер с него крикнул нам голосом, полным тревоги и нервного возбуждения: «Посылайте все шлюпки на «Цесаревич» спасать людей. «Цесаревич» тонет».

В этот момент мы увидели «Цесаревич», шедший к берегу под своей машиной. Он лежал на боку. Казалось, еще момент и он опрокинется. Его зеленая подводная часть с правого борта, обычно скрытая, теперь высоко поднялась и ярко горела, освещаемая лучами прожекторов шедшего за броненосцем крейсера «Аскольд».

Этот вид нашего лучшего корабля, тяжело раненого, наглядно показал всем, что случилось что-то ужасное, непоправимое. Сразу же мелькнула мысль: «Как же мы будем его чинить, когда сухой док для броненосцев только начат постройкой в Порт-Артуре?»

В этот момент с другой стороны нашего корабля появилась темная масса броненосца «Ретвизан». Его нос совсем зарылся в воду. Ни одного огонька на судне. Он медленно шел к мелководью. Вид этой тонущей громады производил жуткое, гнетущее впечатление. Оба броненосца, только что пришедшие на Восток, наиболее современные единицы нашего флота, оказались выведенными из строя в первые же минуты войны. Крейсер «Паллада» был

также подорван миной в эту ночь, но с нашего крейсера мы «Паллады» не видели.

— «Идти в дозор» — сделан был нам сигнал с «Петропавловска». Плавно заработали наши машины. Около орудий стояли комендоры-наводчики и напряженно всматривались в темноту. Эскадра наша осталась позади, и позади остались только что пережитые нами тревожные моменты. Началась напряженная, но вносящая своей регулярностью спокойствие и уверенность в своих силах служба военного времени. Пришел конец всем сомнениям и неопределенностям.

Нас охватил простор моря. На востоке небо стало слегка молочным перед восходом луны, и звезды потускнели. Темной ясной чертой выявился горизонт. Видно было далеко. Никаких признаков неприятеля, хотя чувствовалось, что он может быть где-нибудь неподалеку. Но этот враг — миноносцы — для крейсера не страшен, когда он на ходу в море. Наоборот, крейсер является в такую ясную ночь грозой для миноносцев.

Около штурманской рубки собралось дватри офицера. Они обменивались мыслями о только что пережитом.

— Эх, будь наша эскадра на ходу сегодня ночью! Ничего японцам не удалось бы взорвать, — говорит один.

— А как ты думаешь, сколько времени эта

война будет продолжаться?

— Затяжная война будет. Месяцев на шесть, пожалуй.

Никто из нас не предполагал в эту ночь, что война эта затянется на полтора года, что закончится она таким миром, как Портсмутский, и так называемой «первой революцией», и что последствия этой войны будут чувствоваться русским народом в течение, быть может, столетий.

Контр-адмирал Д. В. Никитин (Фокагитов)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Часу в одиннадцатом ночи с 26 на 27 января я отправился из своей квартиры в порт, чтобы на китайской шампуньке переправиться на «Стерегуший», стоявший у Тигрового хвоста. Прошел я мимо Морского собрания, где в тот день, как всегда, обедал в 7-8 часов вечера. Никакого оживления я там не заметил.

Клевета, с первых дней войны распространявшаяся по всей России о том, что в ночь начала войны офицеры флота были на балу, по случаю именин адмиральши Старк и потому де прозевали минную атаку японцев, особенно махровым цветом зацвела вновь, почти через полвека, в советском романе «Порт-Артур». Автор этого романа, г-н Степанов,

утверждает даже, будто бы бал происходил в Морском собрании и сам Наместник открыл бал с адмиральшей Старк.

У адмирала Старка на дому были именины дочери и кое-кто из молодых офицеров там был в тот день. С вечера же сообщение с берегом эскадры, стоявшей на внешнем рейде, было прервано по сигналу флагмана. Все офицеры были на своих судах. Сам адмирал Старк находился на своем флагманском корабле «Петропавловск». Все мы это точно знали тогда и не сомневаемся в этом теперь, через полстолетия.

Капитан I ранга, а тогда мичман, С. Н. Власьев, в ту ночь, тотчас же после атаки японских миноносцев, был послан с минного транспорта «Енисей» на катере на внешний рейд. Он был на «Петропавловске», лично видел адм. Старка и лично получил от него приказание.

Во всяком случае, я сам видел, проходя мимо Морского собрания в одиннадцатом часу ночи, что никакого бала там не было. Да как бы я и без того мог этого не знать, если по два раза в день бывал там — к завтраку и обеду?

Кроме того, в Морском собрании, помещавшемся в одноэтажном доме, был всего один небольшой зал, где стояли три стола, за каждым из которых могли усесться человек 8-10. Фантазия Степанова безгранична. Это тем более печально, что в его романе действительно имеется столько мелочей артурской жизни

и такая осведомленность о бесконечных сплетнях того времени, сохранившихся в памяти артурцев до сего дня, что для него, как несомненного участника Порт-Артурской эпопеи, не было надобности выдумывать факты.

В Париже, на одном из обедов уцелевших защитников говорили, что Степанов в период осады был еще мальчиком, много слышался, много видел, но всё перепутал.

На шлюпочной пристани, когда я садился в шампуньку, стоявший на набережной матрос с нашего миноносца попросил меня взять и его на шампуньку. Стоя вдвоем на маленькой плоскодонной китайской шлюпке, мы отвалили от портовой стенки и направились к Тигровому Хвосту, пересекая вход в гавань.

На китайских шампуньках и гребец, действующий одним веслом, опущенным с кормы в воду, и пассажиры передвигаются стоя, всё время перебирая ногами в такт с движениями юлящего в воде весла китайца-лодочника. На шампуньке стоя можно выходить в открытое море даже в свежую погоду.

Ночь была темная, морозная, но видимость ясная. Море спокойное.

Когда мы были уже на середине пути, в открывшемся нашему взору проходе из гавани на внешний рейд я услышал редкую стрельбу и увидел далеко в море вспышки беспорядочных артиллерийских выстрелов. Я думал,

что это ночная учебная стрельба.

Ехавший со мной на шампуньке матрос, как оказалось, лучше меня знавший войну, сказал мне:

— Так и на войне бывает, ваше благородие!

— А ты откуда знаешь? — спросил я его.

— Я был под Таку (боксерское восстание в Китае), когда его брали, — ответил матрос.

Минут через десять, в беседах о боях под Таку, мы подошли к Тигровому Хвосту, пройдя мимо миноносцев, стоявших бок о бок друг к другу. Было тихо, видимо команды спали.

Когда мы прибыли на наш миноносец, на нем собирали машину, готовясь к утру в поход с эскадрой. Командира и двух офицеров не было, инженер-механик Анастасов работал в машине; оставался на палубе один дежурный мичман Кудревич.

В маленькой кают-компании миноносца, служившей нам и общей столовой и общей гостиной и... общей спальней, — было пусто. Кудревич что-то делал наверху, говорить было не с кем, я улегся на свою койку и тотчас задремал.

Вдруг слышу страшный крик:

— Кудревич, Кудревич, скорей посылай за командиром, японцы взорвали...

Я вскочил с койки. На трапе, ведущем в кают-компанию, флаг-офицер с «Петропавловска» с волнением рассказывал мичману Кудре-

вичу, что японцы подорвали несколько наших судов, которые терпят бедствие на рейде.

Флаг-офицер привез от адмирала приказание всем миноносцам немедленно выйти на внешний рейд к эскадре.

Мы вышли на палубу миноносца, сошли по сходне на Тигровый Хвост, и с его плоского берега, обращенного к открытому морю, увидели массу движущихся огней справа и слева от входа в гавань. Многоголосые командные крики были ясно нам слышны. Это, освещенные всеми огнями наши лучшие броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», медленно двигались к берегу под большим креном, чтобы приткнуться к нему и не затонуть.

На соседних миноносцах, стоявших бок о бок с нами, началась суэта, приготовление к выходу в море и спешная разводка паров. На «Стерегущем» же машина еще не была собрана, мы не могли выйти немедленно. Послали на берег за командиром. И всё время с кучкой собравшихся офицеров и матросов наблюдали за рейдом. Постепенно стало выясняться, что оба броненосца уже уткнулись в береговую мель в самом проходе.

Вскоре начали подходить к нам рабочие с Невского завода, сборные мастерские которого находились на Тигровом Хвосте. Все обменивались короткими замечаниями, видимо глубоко потрясенные происшедшим.

Кто-то принес известие, что подорван и крейсер I ранга «Паллада», но его нельзя различить в темноте, так как он придвинулся к берегу справа от Тигрового Хвоста и встал на отдаленную от берега отмель.

Итак, для главных сил Тихоокеанской эскадры русско-японская война началась минной атакой на внешнем рейде Порт-Артура около 11 часов в ночь с 26-го на 27-ое января.

В два часа ночи, стоя на Тигровом Хвосте, мы увидели, что три ракеты взвились в темное небо над Золотой Горой. Это официально началась русско-японская война и для крепости Порт-Артур.

Морской врач Я. И. Кефели

ОПОЗДАВШАЯ ТЕЛЕГРАММА

Великие события часто имеют ничтожные причины.

На склоне жизни я хочу рассказать о важнейшем факте большого политического значения, вряд ли известном теперь кому-нибудь, кроме меня. Дело идет о непосредственной причине возникновения русско-японской войны 1904-1905 годов.

С осени 1903 года я плавал на эскадренных миноносцах Тихоокеанской эскадры. На берегу у меня была казенная квартира — от-

дельный китайский домик с маленьким двором, как раз против «Этажерки», между дворцом наместника и Морским собранием.

Как на самого младшего из врачей квантунского флотского экипажа, на меня была возложена обязанность осматривать еженедельно дворцовую команду наместника, состоявшую из 40 человек матросов, солдат и казаков. Наместник был старый холостяк, и женской прислуги у него не было, а домочадцами и завсегдатаями его дома были старые соплатели: санитарный инспектор морского управления д-р Ястребов, подполковник корпуса флотских штурманов Престин, адъютант капитан 2 р. Ульянов и некоторые другие.

Я знал хорошо всех домочадцев и прислугу дворца, и Наместник знал меня.

В середине 1903 года в Порт-Артур приехал из Петербурга только что окончивший восточный факультет Петербургского университета молодой дипломат Николай Сергеевич Мулюкин на должность при дипломатической канцелярии наместника.

С Н. С. Мулюкиным я был знаком еще с Петербурга: в бытность нашу студентами мы вместе танцевали на вечерах в семье вице-директора департамента министерства народного просвещения Талантова.

Свободных квартир в Порт-Артуре не было, а особенно поблизости от дворца Наме-

стника, и город был переполнен приезжими. Я предложил Мулюкину поселиться у меня и быть моим гостем. Мулюкин оказался человеком очень хозяйственным, он взял в оборот моих слуг: маньчжура Нау-Ли и вестового Семенова. Я с удовольствием приходил ежедневно пить послеобеденный чай за прекрасно убраным столом с фруктами и печеньем. Мы подружились с Мулюкиным.

Вся дипломатическая канцелярия наместника завтракала и обедала в Морском собрании. Там же столовался и я. Завтракающих было не много. Офицеры флота столовались на своих кораблях. За завтраком группа человек в десять садилась, обычно, за один большой стол, ведя общий разговор. Посторонних почти не бывало.

Дипломатические и военные тайны в то время не очень соблюдались. В результате этих встреч почти все мы были в курсе важнейших перипетий военно-дипломатического характера. В более подробные детали дипломатической переписки был посвящен я один, благодаря Мулюкину.

Насколько сохранилось в моей памяти, в последние две недели перед войной, в области дипломатии вопрос с Японией стоял так:

1. Япония соглашалась на уступку России Северной Корее, а Россия соглашалась на уступку Японии южной ее части.

2. Неразрешенным был только спор с средней части Кореи со столицей Сеулом. Не помню существа предложений той и другой стороны о спорной зоне Кореи.

3. Во всяком случае было ясно, что и мы, и японцы усиленно готовимся к предстоящему столкновению.

В последнюю неделю перед войной позакрывались почти все японские лавочки и парикмахерские, а в последние дни стали эвакуироваться японские публичные дома. Японские девицы, «мусме», построенные парами, как институтки, длинными вереницами шли днем через весь город грузиться на пароходы, привлекая к себе всеобщее внимание.

Война началась ночной минной атакой на рейд Порт-Артура в ночь с 26 на 27 января старого стиля, а в начале двадцатых чисел января, т. е. за два-три дня до этого, Мулюкин с радостью сообщил мне, что только что получена телеграмма из Петербурга: Наместнику предлагается возобновить, во что бы то ни стало, переговоры с Японией и *согласиться* на ее предложения.

Он только что расшифровал эту телеграмму и зашифровал распоряжение Наместника посланнику в Токио немедленно возобновить переговоры, фактически прерванные, так как русские на последнее предложение японцев долго не отвечали.

В своих воспоминаниях граф Витте указывает, что на одном из придворных балов, за несколько дней до войны, к нему подошел японский посол и, указав на крайне опасное положение, создавшееся пренебрежительным отношением нашего правительства к примирительным шагам со стороны его родины, просил С. Ю. Витте, во имя взаимной между ними дружбы, в интересах мира, сделать возможное для полюбовного соглашения.

В тот же день, т. е. около 24-25 января, когда я услышал о вышеупомянутой телеграмме, вечером я вновь увидел Мулюкина. Он с грустью и тревогой сообщил мне, что телеграмма нашему посланнику в Токио не могла быть послана. Порт-артурская станция международного кабеля с Японией не могла отправить депеши, потому что Нагасаки не отвечает. Повидимому, телеграфное сообщение с Японией прервано.

Мне казалось, что кроме меня уже никого не осталось в живых, кто мог бы знать об опоздавшей телеграмме. Но я могу привести выписку, подтверждающую косвенно это печальное событие: Письмо контр-адмирала Д. В. Никитина к инженер-механику кап. 1 р. кн. В. П. Орлову-Диаборскому от 3 мая 1949 года:

«В те дни недоумевали, почему мы старались изо всех сил показать перед самым 26 ян-

варя, что войны совершенно не ожидаем, хотя было известно..., что Алексеев получил... инструкцию продолжать переговоры с японцами». На мой вопрос, — что же вы думаете делать? — он ответил, что Наместник распорядился тотчас же известить об этом Петербург.

Не знаю, был ли учтен Наместником и морскими властями этот грозный признак решимости Японии; но, как известно, эскадра оставалась полностью на внешнем рейде и без сетевых заграждений.

Правда, с рассветом вся Тихоокеанская эскадра должна была выйти в море в неизвестном направлении. Но этот шаг, если он был тактическим ходом, опоздал.

С эскадрой должен был выйти в море и отряд миноносцев, на котором я плавал. Хотя час выхода эскадры, вероятно, почитался секретом, офицеры обычно узнавали об этом от команды, привозившей провизию с берега. Базар по различным косвенным признакам точно определял время выхода эскадры. Я был предупрежден о выходе эскадры официально своим начальством.

Вечером ко мне на квартиру зашел мой товарищ по курсу в академии, врач одного из стрелковых полков, квартировавших в Артуре, и сообщил, что на утро их полк и, видимо, вся их дивизия уходит на Ялу.

Помню, Мулюкина не было дома. Он, кажется, был во дворце Наместника, где помещалась их дипломатическая канцелярия. Мы вдвоем пили чай и болтали, будучи уверены, что атмосфера сгущается и возможна война. Всё же, по молодости ли или по неопытности в этого рода делах, как-то не вникали в серьезность происходящего и легкомысленно и поверхностно говорили об этом. Наше поколение в то время еще не знало войны.

Ни Россия времен царствования императора Александра III и первых десяти годов царствования его сына, Николая II, не воевала. И в Европе того времени на нашей памяти войн не было. Их не было тогда и во всем мире. О войне мы знали только по истории и романам. А нам было уже по 27 лет. Какое это было счастливое время!

Этот длительный мир влиял, видимо, и на наших дипломатов, по крайней мере, артурских.

Вот что рассказывал на одном недавнем обеде защитников крепости Порт-Артур здесь, в Париже, уже в 1948 году, кап. I ранга С. Н. Власьев.

«26 января 1904 года, как раз накануне войны, после обеда, т. е. за 8-10 часов до ночной минной атаки японцев, Власьев, тогда мичман, шел мимо портового управления со своим командиром минного транспорта «Енисей», кап. 2 р. Степановым. Они случайно

встретили начальника дипломатической канцелярии Наместника Плансона, шедшего, как всегда, с портфелем подмышкой.

Степанов остановился и говорит Плансону: «Война?» — «Уверяю вас, никакой войны не будет!» — ответил Плансон. — «Посмотрите, что делается: все японцы уезжают. Вы видели вереницы японок?» — возразил ему Степанов. — «Ручаюсь, что войны не будет», — снисходительно улыбаясь заключил Плансон».

Если принять во внимание, что тогда послы русского императора в Пекине, Токио и Сеуле подчинялись непосредственно наместнику на Дальнем Востоке, а не министру иностранных дел России, то Плансон в этот момент был не более и не менее, чем министром иностранных дел и Дальнего Востока, и самой России.

На чем базировал свою уверенность Плансон? Теперь ясно, — только на той телеграмме, о которой поведал Мулюкин, и о которой не могли знать ни Степанов, ни Власьев. А может быть, не знали и адмирал Старк и его флаг-капитан А. А. Эбергардт.

Степанов предвидел войну, стоявшую уже у порога, по действиям японцев на наших глазах, а Плансон гадал о ней — только по телеграмме из Петербурга. Он не усомнился и после того, как узнал, что Нагасаки не отвечал.

Такова была вера у этого чиновника в мо-

гущество и силу воли всероссийского самодержца и в его непререкаемый авторитет, даже в глазах реформатора Японии — императора.

За два-три дня до начала войны портовый минер лейт. Н. Н. Савинский, встретив на улице своего бывшего офицера с миноносца № 211, мичмана Зотова, сообщил ему, что он только что вышел от японского парикмахера, который с улыбочкой спросил его (конечно, по-русски): «Ну, что, воевать будем?» На это Савинский ответил отрицательно. Японец с той же улыбочкой ему возразил: «Ну, а я думаю, что будем!» Позднее выяснилось, что этот парикмахер был полковником Генерального Штаба японской армии.

26 января офицер эскадренного броненосца «Победа» был в течение дня по делам службы в городе. Возвратившись на корабль, за обедом, он рассказал кают-компании следующее, чему он сам был свидетелем:

Адмирал Алексеев, проезжая мимо почты, увидел большой хвост офицеров, чиновников и других лиц, спешивших отправить в Россию деньги. Он остановил свой фаэтон, вошел в почтовую контору и стал всех уверять, что нет никакой надобности в этом, так как никакой опасности в смысле войны не предвидится. (Из письма кап. 2 р. Винстэдта, плававшего в те дни инженер-механиком на эскадренном броненосце «Победа», — от 21 марта 1948 года).

«Государь войны не желает, значит войны не будет. Таково было мнение многих в те времена. В авторитет высочайшей воли верили все от наместника государя и его министров до дипломатического стряпчего, посвященного в тайны переговоров».

Мы знаем теперь, что войны бывают не только тогда, когда одна сторона ее не желает, но и тогда, когда обе стороны ее не желают.

Теперь всем известно, что Япония тоже не желала этой войны и очень ее боялась. Имела к тому много оснований. А война всё же началась, и только по случайному недоразумению. И как окончилась? И чего стоила России?! И в какие авантюры завела потом и зазнавшуюся Японию?! И чем эти авантюры для нее окончились?! Для чего существуют на свете дипломаты?

«Около десяти часов вечера мой товарищ, уезжавший на Ялу, ушел, и я поспешил на миноносец, чтобы на утро со всей эскадрой выйти в море «в неизвестном направлении».

— Дазидания, капитана, — проводил меня мой слуга, высокий стройный молодой маньчжур Нау-Ли, тихий, спокойный, но всегда с достоинством державшийся. Его предлинная черная коса очень удивляла моих гостей.

Конечно, ни моему товарищу, уезжавшему на Ялу со своим полком, и никому из сослуживцев офицеров я не рассказывал дове-

ренной мне дипломатической тайны о телеграмме. Я никому не сообщил ее и потом, когда война началась, и после войны, когда в течение десяти лет служил в морском министерстве. Я не сообщал этой тайны не только из корректности в отношении Мулюкина, но и потому, что до окончания войны я не отдавал еще себе отчета в важности этой телеграммы для судеб России и всего мира.

Когда же, став официальным историком русско-японской войны, я пересмотрел много самых секретных документов, относящихся к этой войне, в архивах Генеральных Штабов флота и армии и нигде не нашел упоминания об этом, я понял, что этот факт либо прошел незамеченным, либо был замят.

Последующие грандиозные исторические события моей долгой жизни убеждают меня в огромной важности для судеб человечества этой запоздавшей телеграммы. Активных участников этого почти не осталось. Думаю, что, как урок для будущего, будет лучше, если память об этой ничтожной причине великих событий, и событий печальных, останется в назидаение потомству.

В романе «Порт-Артур», выпущенном советской властью, говорится о какой-то утаенной якобы заместником телеграмме. Во всяком случае, заместитель не утаил ее».

Морской врач Я. И. Кефели

НА «НОВИКЕ» 26 ЯНВАРЯ 1904 ГОДА

В ночь предательского нападения японских миноносцев на нашу эскадру «Новик» стоял на якоре на внешнем рейде, когда неожиданно, около 11 час. вечера, тишину морозной ночи нарушил грохот артиллерийского огня. Всё на корабле пришло в движение по расписанию боевой тревоги.

Ясно стало, что неприятель атаковал нашу эскадру. Как теперь помню приказание командира: «Стеньговой флаг поднять!» (у нас была одна мачта) и почти одновременно сигнал адмирала: «Новику» приготовиться к походу». Во исполнение сигнала мы быстро снялись с якоря и вышли из линии расположения нашей эскадры, взяв курс на Вейхавей, вблизи которого предполагалось главное расположение атакующего врага. На короткое время канонада несколько стихла, но вскоре возобновилась у нас в тылу с той же силой. Не найдя неприятеля, мы с рассветом вернулись на рейд и стали на якорь по диспозиции.

Утомленный событиями ночи, я пошел в мою каюту, не раздеваясь лег на койку и заснул крепким сном. Обыкновенно легко просыпаясь, я на этот раз с трудом мог проснуться, когда через короткое время пришел меня будить командирский вестовой, передавший мне

приказание командира явиться к нему. Командир быстро ходил по своей каюте в весьма приподнятом настроении. При моем появлении он только произнес: «Положение серьезно, но мы посмотрим и еще как посмотрим!» Последние слова были произнесены с особой решимостью. Какой-то тяжелый гнет обиды и огорчения нашел на меня. Чистосердечность командира меня тронула и вызвала во мне восторг перед ним. Он сразу сделался особенно близким, и я невольно повторил его слова: «И еще как посмотрим, Николай Оттович». Но вот доклад с вахты:

— «С моря идет «Боярин» и держит сигнал: «неприятель приближается с большими силами». Показывается неприятельский авангард, крейсера «Такасаго», «Касаги», «Читозе», «Иошимо», а затем главные силы: «Микаса» (флаг командующего флотом адмирала Того) «Асахи», «Хатсузе», «Шикишима», «Фуджи», «Яшима» и броненосные крейсера «Асама» и «Токива» и др. в строе кильватерной колонны».

Хорошо соблюдая равнение, неприятельская эскадра производила величественное впечатление, вызвав восклицание командира: «Подлецы, как равняются!»

Как только приблизились главные силы, крейсера «Баян», «Аскольд» и «Новик» снялись с якоря и первые открыли огонь. Как сей-

час помню нашего командира, громко отдавшего приказание: «Приготовить минные аппараты! Я иду в атаку!» И затем приказ мне: «Наполнить баркас и моторный катер водой» (защита от осколков). Я невольно с каким-то благоговением смотрел в сторону командного мостика и весь ушел в свою обязанность подачи снарядов к орудиям.

Крейсер вздрогнул от сразу данного полного хода вперед и зигзагами, чтобы обмануть противника, стал быстро приближаться к голове неприятельской колонны. Раздался непрерывный, характерный шуршащий свист в то время кувыркавшихся крупных японских снарядов, дававших исключительно перелеты из-за быстроты хода «Новика». Гром артиллерийского огня и громадных каскадов воды при взрывах снарядов — всё слилось в боевую симфонию. Командир с невероятной отвагой и упорством выполнял им задуманную и твердо решенную минную атаку.

До флагманского корабля «Микаса» остается 18 кабельтовых. Еще 8 кабельтовых — и беспримерная в истории минная атака могла бы осуществиться, и вдруг с полного 25-ти узлового хода, без стопа переводится командиром ручка машинного телеграфа на полный «назад». Перед носом «Новика» были сплошные каскады воды от взрывавшихся снарядов. Командир понял, что эту преграду крейсеру не

перейти и что для спасения его он должен изменить свое решение. Получив к тому же подводную пробоину в кормовой части, он малым ходом входил на Артурский рейд, проходя мимо линии наших кораблей, доблестно дравшихся с неприятельским флотом.

Вот «Новик» приближается ко входу на внутренний рейд. На берегу серая масса шинелей наших будущих соратников по защите крепости. Но что такое кричат, бросают фуражки, машут руками? Слышим: «Новичок»! Родной «Новик»! Наш герой!» Но в чем же дело? Дело в том, что сердца простых русских людей в серых шинелях, стрелков и артиллеристов, восторженно приветствовали командира «Новика» Н. О. Эссена, поднявшего своей удалью и храбростью и их дух для будущих подвигов.

Наместник адм. Алексеев немедленно вызвал к себе Эссена и накинулся на него со следующими словами: «Я наблюдал с Золотой Горы. Вас не было видно за взрывами снарядов. Как вы смели? Как вы дерзнули днем идти в лобовую минную атаку. Я на вас крест поставил. А вы живы. Впрочем... — адмирал понизил голос — поздравляю вас с золотым оружием!»

Это было блестящее начало подъема духа для будущей геройской защиты Порт-Артура.

Капитан 2 ранга С. П. Бурачек

ГИБЕЛЬ «ЕНИСЕЯ» И «БОЯРИНА»

Это было 29 января 1904 г., на третий день после начала русско-японской войны.

Вся Тихоокеанская эскадра была в гавани Порт-Артура, мы же, два эскадренных миноносца — «Смелый», под командой капитана 2-го ранга Шульца, и «Стерегающий» — Кузьмина-Караваева 2-го, — ходили по внешнему рейду дугами от Ляотешана до мыса у Крестовой батареи, находясь в суточном дежурстве по охране рейда.

Ночь прошла благополучно. Японцы ко внешнему рейду, видимо, не подходили. Утро было холодное. Стоял мороз. Море слегка волновалось. День был сероватый, но солнечный.

Часов около одиннадцати, когда мы медленно шли на траверзе входа в гавань, вахтенный доложил командиру, беседовавшему со мной у люка, ведущего в кают-компанию, что из порта идет катер, направляясь в нашу сторону.

Идущий головным «Смелый» замедлил ход, мы последовали движению старшего. Через несколько минут с буруном под носом подошел штабной катер с флаг-офицером мичманом Яковлевым, изящным брюнетом в пенсне. Он стоял на корме катера и закричал нам о следующем распоряжении адмирала Старка:

Получено известие, что в бухте Т. появи-

лось семь неприятельских кораблей. Адмирал приказывает отправиться туда и атаковать неприятеля.

Затем катер повернул на ходу, и флаг-офицер Яковлев ушел обратно в гавань. Мы продолжали идти малым ходом, держа направление на остров Кепп.

Командир и офицеры «Стерегающего» стали искать по карте эту бухту, но не находили. Под таким названием на карте была обозначена небольшая бухта-залив против дачных мест у самого Порт-Артура, где были дома морских офицеров управления порта и Квантунского экипажа на бесплатно отведенных им казною участках земли. Мы находились против этой бухточки, слева от Золотой горы. Ясно было, что речь шла не об этой бухте, а какой-нибудь дальней, под таким же названием. Но до Талиенванского залива и дальше от него подобного названия на карте не нашли.

Кузьмин-Караваев (Борис) приказал запросить «Смелого» по семафору, где находится бухта, в которую мы направляемся. В этот же момент ему подали записку с мостика с подобным же вопросом, обращенным к нему самому, со стороны Шульца со «Смелого». Известные всей эскадре оба брата Кузьмины-Караваевы были дальневосточными моряками, много там плавали и считались знатоками этих вод. Вопрос Шульца нашему коман-

диру был понятен. Хотя загадка осталась неразгаданной, оба командира сговорились по рупору, и Мих. Фед. Шульц (впоследствии адмирал), не видя пред собой неприятеля и вообще кого-либо в море, повел нас в направлении к острову Кепп. Дали полный ход, и Артурские берега стали скрываться. Направляясь к Кеппу, мы двигались всё время на виду Квантунского берега.

После завтрака, когда мы приближались к острову Кепп, торчавшему как круглая шапка из воды, мы вдруг услышали какую-то отдаленную как бы канонаду, которая, однако, скоро стихла. Казалось, что канонада слышна была со стороны открытого моря. Однако, ни простым глазом, ни в бинокли в море никого и ничего не было видно.

«Смелый» сообщил нам по семафору, что хочет идти дальше — обследовать берег. Мы прошли Кепп, были у острова, находящегося перед входом в Талиенванский залив и закрывающего с моря вид на Дальний и Талиенван.

Было поздно, мы рисковали опоздать в Порт-Артур и ночью попасть под огонь своих батарей. Всякая надежда найти бухту исчезла. Не было обнаружено никаких неприятельских и вообще никаких судов. Мы не заметили даже ни одного китайского парусника. Море было совершенно пустынным. Услышанную же нами короткую канонаду мы не

могли объяснить иначе, как одним или двумя выстрелами за горизонтом какого-нибудь японца по китайскому парусному судну.

Шульц решил вернуться обратно в Артур. «Стерегуший» сделал дугу, следуя за «Смелым», и оба миноносца легли на обратный курс.

Через час мы увидели на горизонте три дыма, идущие к нам навстречу со стороны Артура. Сначала подумали, что это неприятель, желающий отрезать нас. Собирались дать боевую тревогу. Зоркие остроглазые сигнальщики скоро распознали в быстро идущей к нам на сближение точке крейсер 2 ранга «Боярин» (им командовал капитан 2 р. Сарычев, георгиевский кавалер за китайскую войну) и с ним два эскадренных миноносца.

Идя большим ходом, не менее 25 узлов, противоположными курсами, оба маленьких отряда, наш и «Боярина», быстро сошлись друг другу на сговор. Но нас всё же отделяло значительное расстояние.

«Боярин», державший позывные, поднял сигнал. За мгливой погодой, дальностью расстояния и быстротой расхождения наши сигнальщики не успели его разобрать. Мы разошлись с «Боярином», не поняв его желаний.

Когда наш отряд вернулся на Артурский рейд, и Шульц доложил адмиралу о безрезультатности поисков, мы вошли в гавань.

На утро и далее выяснилось следующее:

1. Накануне утром минный транспорт «Енисей» ставил минное заграждение в Та-лиенванском заливе,

21. Мы не видели «Енисея» в момент его гибели по той же причине: гористый остров закрывал его от наших взоров.

Был суд, еще до тесной осады. К суду был привлечен только командир «Боярина» кап. 2 р. Сарычев. Он был осужден, но не очень строго.

Эти печальные факты омрачили и без того неудачное начало русско-японской войны.

Морской врач Я. И. Кефели

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Крупными неудачами и ошибками дипломатического и командного характера далеко не исчерпывались беды этой войны. Их отягчили и упущения в области военной техники и новаторства.

Начну с беспроволочного телеграфа.

Уже летом 1902 года, когда я из России прибыл на эскадру, на всех судах 1-го и 2-го ранга (кроме миноносцев) были установлены аппараты беспроволочного телеграфа, действовавшие по азбуке Морзе, на 14 морских миль. Дальше (естественно для того времени) они не брали, ни как отправители, ни как приемники. Но незадолго до начала русско-япон-

ской войны первый изобретатель беспроводного телеграфа профессор Попов, бывший в то время преподавателем морского офицерского минного класса в Кронштадте, значительно усовершенствовал свой же аппарат и увеличил в десять раз расстояние для передачи и приема депеш, доведя его до 140 морских миль.

Это давало нашему флоту огромное преимущество перед японским.

Так как почти весь активный флот Балтийского моря в это время был в составе Тихоокеанской эскадры, изготовленные во Франции 36 новых аппаратов «Попов-Дюкрете» решено было тотчас же отправить в Порт-Артур. Сам знаменитый изобретатель должен был поехать для их установки и для дальнейшего их совершенствования. Попов надеялся тогда создать и изолированную отправку депеш только к намеченному адресату.

Накануне поездки в Порт-Артур профессор Попов, как ученый, получивший уже мировую известность, был назначен на должность директора Электротехнического института в Петербурге. В Порт-Артур же, вместо себя, он предложил отправить своего лучшего ученика, мичмана С. Н. Власьева.

Вот что говорит миссии сам С. Н. Власьев (письмо от 3 марта 1943 года).

«Я был командирован на Дальний Восток с двумя минными квартирмейстерами, специ-

ально изучившими вместе со мной в минном классе сложную настройку новых станций Попова для значительного увеличения дальности передачи. Мы выехали по железной дороге. Мне дали отвезти с собой только два аппарата, каждый размером в чемодан, которые я и поместил в своем купе на полке. Остальные же 36 аппаратов штаб «из экономии» отправил морем вокруг всей Азии на пароходе «Маньчжурия», который, как известно, был захвачен японцами в начале военных действий.

Мы прибыли в Порт-Артур за месяц до начала войны. Один из привезенных мной аппаратов «Попов-Дюк-рете» я установил на флагманском броненосце «Петропавловск», а другой на Золотой Горе.

В это время на крейсере «Варяг», стоявшем в Чемульпо, старшим минным офицером был лейтенант Р. Берлинг, так же как и я — ученик Попова, специально работавший у него по беспроволочному телеграфированию. Я списался с Берлингом, и нам удалось сговориться о соответствующей настройке аппаратов.

За три дня до войны мы впервые связались. Я телеграфировал на «Варяг» позывные Золотой Горы и получил в ответ позывные «Варяга». Об этом было доложено штабу эскадры.

Таким образом связь с «Варягом» в принципе была налажена по воздуху до событий в Чемульпо. Поэтому, кап. 1 р. Руднев, коман-

дир «Варяга», 26 января мог бы по беспроволочному телеграфу сообщить в Артур адмиралу Старк о том, что Чемульпо блокировано японской эскадрой адмирала Уриу».

Этим заканчивает свои воспоминания кап. 1 р. С. Н. Власьев.

К сожалению, неизвестно, была ли сделана подобная попытка на «Варяге»? А если была сделана и не удалась, то почему?

Морской врач Я. И. Кефели

В ЧИФУ В ДНИ ВОЙНЫ

Небольшой личный состав российского консульства в Чифу нес тяжелый груз ответственности: Чифу — ближайший к Порт-Артуру китайский порт. Все требования по части снабжения, все донесения передавались из осажденной крепости в это консульство.

«Из Артура опять просят прислать пароход, груженный живым скотом, — говорил консул Тидеман, читая артурскую почту. — Но что же мы можем поделать, когда Павлов в Шанхае, сколько ни бился, не мог зафрахтовать ни одного парохода под этот груз. Вообще мало находится судовладельцев, желающих рисковать своими судами, прорывая японскую блокаду, а под живой скот уже абсолютно никто не соглашается давать пароход...»

Павлов — это бывший наш посланник в Корею. Ему было поручено посылать из Шанхая грузы с провизией в Порт-Артур. Трудное это было дело из-за большой бдительности японской блокады.

Зафрахтованные им пароходы иногда доходили до линии этой блокады, но, боясь быть потопленными, поворачивали обратно.

Помнится, что из всех таких пароходов только один, «нагруженный мукой, благополучно прибыл в Порт-Артур и сдал там свой груз. Но в муке-то как раз острой необходимости в крепости не ощущалось. Выбора для Павлова особенного не было, и он фрахтовал всякий пароход, на котором было удовольствие.

В Порт-Артур удачно проскочил маленький пароход речного типа, вышедший из Тяньцзина. Артурцы были несколько удивлены, узнав, что он привез. Груз его был: ящики шампанского и какие-то кондитерские товары.

На обязанности личного состава консульства в Чифу в памятные дни борьбы за Порт-Артур лежала обязанность перешифровывать и проверять все депеши, доставляемые международным телеграфом из Петербурга. Телеграммы в пути часто искажались, перепутывались цифры. Без проверки их нельзя было посылать в Порт-Артур. Телеграммы из кре-

пости приходилось переписывать, подгоняя к правилам телеграфа. Таким образом, консульство являлось хранителем важнейших военных секретов. В сейфе его имелись шифры: военный, морской и иностранных дел.

Для японцев было бы большой удачей напасть на наше консульство ночью и получить в свои руки эти важные документы. Шифры наши, между прочим, отличались тем, что не поддавались расшифровке во вражеских руках. Можно было иметь в своих руках точный текст телеграммы и соответствующие этому тексту цифры шифровки, но тайны наших шифров разгадать по такому образчику было невозможно. Этим наши шифры выгодно отличались от шифров других стран.

Полагаю, что в наши дни японцы, порядочно с тех пор обнаглевшие, не задумываясь ни на минуту, напали бы на консульство. Но в те времена они либо стеснялись других, нейтральных консулов, либо опасались, что охранявшие консульство казаки забайкальцы (человека четыре было их) заставят их дорогой ценой заплатить за важные документы. У Тидемана, кроме того, всё было готово, чтобы сжечь шифры, как только начнется тревога.

Иногда газетные репортеры, в основном это были англичане и американцы, сидевшие в Чифу у моря и ждущие «погоды», — радостно передавали один другому:

«Идите скорее в отель брать интервью... Там есть русские, только что прибывшие из Порт-Артура...»

Было несколько случаев, когда такие беженцы прибывали из Чифу, проделав опасный путь через линию японской блокады на китайской джонке.

Коренные россияне призывного возраста, остававшиеся в крепости, все были привлечены к участию в обороне в составе добровольческих отрядов. Бежали из Артура больше люди южного типа. Какие-то греки левантийские, армяне или грузины. Но у большинства из них имелись русские паспорта. Такие беженцы в первый день по прибытии обыкновенно бывали тихи, скромны и неразговорчивы. Обедали в отеле и с некоторой опаской поглядывали кругом. Видимо, путешествие на джонке нагнало на них страху. Но когда до них добирались репортеры и они делались центром внимания прессы, то пришельцы эти начинали наперебой рассказывать о пережитых ими ужасах. Консульство помогало таким людям поскорее покинуть Чифу и отправиться на родину.

Но один такой господин решил пожить в Чифу. Квартуру он нанял у одного из местных японцев. Когда наступил срок платежа за помещение, то жилец гордо заявил:

«Не желаю ни одного цента платить

подданному вражеской державы».

Японский консул не имел во время войны прямых сношений с нашим консульством, но через посредничество одного из своих нейтральных коллег он сообщил туда о жалобе японца, Хозяина дома. Тидеман возмутился. «Во-первых, это свинство селиться в доме у японца. А во-вторых, уж раз поселился, то плати за помещение, а не отлынивай».

Секретарь консульства, англазированный молодой человек с мягкими и изящными манерами присяжного дипломата, получил от консула срочное поручение уладить это неприятное дело.

«Ваш консул мне не начальство, — заявил беженец. — И потом, какое ему дело до того, где я живу, плачу я деньги или нет — тоже его совершенно не касается...»

Молодой дипломат вынужден был напомнить собеседнику, что во флигеле консульства, где живут казаки, имеется небольшое темное помещение, снабженное дверью в виде железной решетки и запираемое на крепкий замок.

Беженец увидел на своем крыльце прибывших вместе с секретарем двух молодцов забайкальцев. Желтые околыши лихо надетых набекрень бескозырок и такого же цвета лампасы ярко выделялись на темном фоне.

В те дни иностранные консулы в Китае, согласно договорам об экстерриториальности,

пользовались правами полицейского надзора над подданными своего государства, а также судебной властью в соответствии, как мне помнится, с Уставом «о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Мрачно глянув на казаков, беженец заявил: «Слушаюсь... Сейчас я заплачу деньги и отсюда уеду...»

В европейских кварталах Чифу было не много улиц. Но проходя по одной из них, наши россияне могли каждый день видеть фигуру какого-то господина англо-саксонского типа, который, сняв для облегчения свой пиджак, усердно выстукивал что-то на пишущей машинке, сидя у открытого окна.

В глубине комнаты можно было рассмотреть двух полуголых китайцев, которые крутили колесо типографского пресса. Господин этот был редактор-издатель местной газеты на английском языке. Он сочинял передовые статьи для своего листка. Направление газетки было ярко антирусское. В передовицах ее неустанно восхвалялись военные успехи культурных, просвещенных и храбрых японцев.

Россия-матушка описывалась, как отсталая страна произвола и деспотизма. Страна варварского царизма, где господствует кнут и где само правительство организует погромы.

Проживавшие в Чифу русские глубоко возмущались такого рода клеветой на нашу

родину. Газетка сама по себе имела очень малый тираж, но статьи ее охотно перепечатывались крупными шанхайскими и тяньцзинскими газетами.

Один из служащих пароходства Восточно-китайской железной дороги, пожилой господин с седенькой бородкой клинышком, очень горячо принял к сердцу писания газетки. Он был человек крайне нервный. По характеру он принадлежал к числу тех россиян, которые всегда стремятся быть в оппозиции кому-нибудь или чему-нибудь.

В Чифу он сделался лидером оппозиции консулу Тидеману. Прибыв в консульство с выражением мрачной торжественности на лице, он сердито заявил Тидеману:

«Наша здешняя колония глубоко возмущена статьями в здешней газете, и я прибыл сюда к вам от лица всех местных соотечественников наших с настоятельной просьбой немедленно же напечатать в этой газете официальное опровержение всей возведенной на нашу Родину клеветы».

Тидеман, человек очень выдержанный и спокойный, ответил на это:

«Опровержение! Но ведь вы знаете, что было много опытов у нас на Дальнем Востоке с такого рода опровержениями. Обычно они печатают их со столькими сокращениями, что весь смысл письма пропадает. А кроме

того тут же с иронией и глумлением отзовутся о содержании письма. Нет, печатать опровержения — дело бесполезное.

Но вы успокойтесь, дорогой мой, — продолжал Тидеман, — я уже что-то по этому поводу сделал, а именно, я только что побывал у этого самого редактора-издателя и подробно переговорил с ним обо всём. Следите за газетой и смотрите, что он будет печатать завтра и послезавтра».

На другой день русские читатели газеты были очень удивлены. Нападки на Россию почти совсем прекратились. Японию, правда, похваливали, но меньше, чем раньше. Еще один номер газеты — в нем еще ярче стала видна разница с прежними писаниями.

Наконец, газета вышла с передовицей такого содержания: «Нельзя не иметь в виду, что Россия сражается сейчас с Японией не только за свои права на Дальнем Востоке... Она стоит на страже интересов всей белой расы...»

Газета сделалась русофильской.

«Скажите пожалуйста, Петр Генрихович, — спрашивали Тидемана, — каким образом удалось вам всё это устроить?..»

Консул улыбнулся.

«Видите ли, — сказал он. — Шестая великая держава — пресса — очень равнодушна к звону презренного металла. Газетку я попросту купил». — «Ну, а сколько же всё это

стоило?» — «Да он заломил сначала две тысячи шанхайских долларов. Говорил, что японцы тысячу ему предлагали... Ну, а сошлись на восьмистах».

Контр-адмирал Д. В. Никитин (Фокагитов)

ПЕРЕД КОНЦОМ ПОРТ-АРТУРА

18-го июля японцы двинулись в наступление на Волчьи горы и, имея превосходство в артиллерии, буквально засыпали наши позиции. Несмотря на два месяца блокады, вследствие остановки на Зеленых горах, позиции на Волчьих горах еще не были готовы, и не были устроены ходы сообщения между рядами 3-х ярусной обороны.

Почти не встречая противодействия нашей слабой артиллерии, японцы развили невероятную силу огня тяжелых орудий по свежим окопам и буквально сметали наши части; были роты, понесшие только убитыми от 60 до 80%. 18-го июля наши войска оставили Волчьи горы и отошли в самую крепость и только на самом правом фланге кольца обороны оставили еще две выдвинувшиеся вперед высоты, Дасушан и Сагушан, на которых задержались несколько наших батальонов, и которые было решено не сдавать без боя.

22-го июля японцы открыли огонь по са-

мой крепости Порт-Артур, сначала из двух 6-ти дюймовых орудий, которые стояли глубоко в их расположении против нашего правого фланга, а 25 июля начали усиленную бомбардировку позиций Дагушана и Сагушана. На обеих этих горах с нашей стороны было два батальона и 3 охотничьих команды, уже совершенно потрепанных в предыдущих боях, а на самой позиции — 8 пушек. Японцы же только одну гору Дагушан атаковали в составе целой 11-й дивизии. А сопротивление наших частей было таково, что когда японцы, использовав мертвое пространство, в 7 час. вечера 26 июля хлынули густыми массами на правый фланг Дагушана и хотели отрезать остальные части, то 10 рота 16-го полка под командой капитанов Верховского и Курковского одна бросилась в атаку на охватившие фланг два полка японцев в штыки и легла в этом неравном бою до последнего человека.

Капитан Курковский и 138 стрелков были убиты, но задача выполнена. Японцы, видя нечеловеческое упорство, отхлынули назад, и остальные роты успели отойти, унося с собой оставшихся в живых израненных стрелков и ее командира. Этим геройским делом 26 июня и заканчивается период обороны Порт-Артура и начинается его плотное обложение. К этому же времени эскадра получила распоряжение прорваться во Владивосток и, выйдя 28 июля

из внутреннего рейда, встретила с эскадрой японцев. Я не беру на себя задачу описать и разобрать этот исторический бой, но могу сказать, что часть эскадры вернулась в Порт-Артур и вследствие невозможности дальнейших действий нашего флота, команда и часть морских орудий и пулеметов, а также технические средства, в частности, прожектора, были перевезены на сухопутный фронт, оставшиеся же на судах орудия действовали перекидным, через город, огнем по позициям японцев.

Тогда же были сформированы морские десантные батальоны, которые своей лихой работой прославились и покрыли себя славой на линии сухопутной обороны.

Подойдя к веркам крепости, японцы решили взять ее открытой силой, но ряд атак на наши позиции центра был неудачен, 3-го августа генерал Ноги прислал парламентаря с предложением сдать крепость, но собранный генералом Стесселем совет отклонил это предложение. 6-го августа японцы начали артиллерийскую подготовку штурма и в тот же день перешли в наступление, направив после ряда демонстративных атак нашего западного фронта главный свой удар в центр наших позиций, против Орлиного Гнезда.

Начался первый штурм Порт-Артура.

Несколько дней японцы наступали густыми колоннами, рассчитывая массой задавить

защитников крепости.

Строгая дисциплина, суровый военный закон, фанатизм и личная доблесть японцев приводили к тому, что японские батальоны, неся невероятные потери, всё же доходили до цели своих атак, хотя бы в составе нескольких человек и схватывались с нашими в штыки.

В моем кратком обзоре невозможно описать всё то, что творилось под Орлиным Гнездом в дни с 6 по 11 августа включительно — дни сплошного, непрерывного боя. Скажу только, что доблесть была проявлена как с одной, так и с другой стороны.

Два редута, № №1 и 2, на которых в то время сосредоточивался бой, много раз переходили из рук в руки, и в результате этого семидневного побоища японцы только овладели разрушенным фасом этих редутов, а внутренний остался в наших руках.

Свыше 25 тысяч потеряла японская армия во время августовского штурма и выиграла всего два небольших фаса двух передовых редутов, на остальных же участках в руки японцев не досталось ни одной пяди.

Еще во второй половине сентября специальные команды китайцев убрали по ночам разложившиеся груды японских трупов на участках редутов, где наши саперы под начальством полк. Рашевского вели инженерные работы и где можно было ходить, толь-

ко затыкая нос паклей с керосином.

Нам тоже дорого обошлись эти дни. Почти 50 офицеров легло под Орлиным Гнездом, и более 2 тысяч стрелков, артиллеристов и матросов десантных рот было убито. Некоторые роты понесли потери до 80%, а сформировавшаяся из вернувшихся в строй раненых 10-ая рота 16 полка к утру 11 августа вновь потеряла весь состав полностью, причем оба ее новых командира были убиты.

Отчаявшись взять Порт-Артур открытой силой, японцы решили начать минную войну, и уже 12 августа повели тихую сапу под укрепления, сразу в нескольких участках восточного фронта крепости, а через месяц в Порт-Артур с сухопутного фронта полетели 11-ти дюймовые снаряды, верх совершенства в технике артиллерии того времени. Эти снаряды обладали страшным разрушительным действием, а главное — угнетали морально ввиду полного бессилия с нашей стороны для противодействия этой артиллерии. С момента августовских боев японцы вообще ни на минуту не прекращали огня по крепости.

С началом минной войны на восточном фронте крепости японцы пытались еще несколько раз захватить Порт-Артур с открытой силой и перенесли свои действия на западный фронт крепости. Так, 13 сентября ночью, без всякой подготовки, они бросаются в атаку на

Плоскую Гору — подступ к Высокой Горе, и только невероятное геройское сопротивление наших войск спасает положение.

Когда японцы с невероятной яростью бросились на Плоскую гору, в бой брошены были последние резервы (если их можно так назвать) — нестроевые роты и команды легкораненых и выздоравливающих. Доблесть этих людей, этих «нестроевых» обозных и писарей спасает положение и Плоская Гора вновь остается за нами.

13 ноября японцы открыли усиленную бомбардировку фортов, а взрыв заложенной под фортом № 2 мины послужил сигналом для 4-го штурма крепости. Японская армия была пополнена целой дивизией (7-й), тем не менее все атаки на наши укрепления были к 3 часам отбиты. В конце ноября японцы перебрасывают свои действия на западный фронт крепости, а 23-го ноября начинают штурм Плоской и Высокой Горы — Малахов курган Порт-Артура.

С обеих сторон были проявлены нечеловеческие усилия. Японцы отлично понимали значение Высокой Горы, и всю мощь удара направили сюда. И наше командование понимало ее значение. Но при планировке крепости Высокой Горе не придавалось особого значения, вследствие чего на ней были окопы, проложенные только уже во время самой осады.

Неоднократно окопы эти переходили из

рук в руки. Выбитые японцы открывали тогда безумный огонь всей своей артиллерии по залитым кровью и заваленным трупами окопам. Генерал Ирман верхом на коне много раз водил наши части на японцев, под ним было убито несколько лошадей. Но несмотря на всё геройство наших частей, Высокая Гора 26 ноября была окончательно взята японцами.

Для участников обороны Порт-Артура стало ясно, что дни его сочтены. Через два дня японцы открыли из своих 11-дюймовых мортир огонь по нашим кораблям, стоявшим на внутреннем рейде, и корректируя точно стрельбу с Высокой Горы, в течение нескольких дней утопили лучшие остатки нашего флота. А тут еще новый удар разразился над нами: во время посещения форта № 2 был убит генерал Кондратенко.

События начали развиваться всё интенсивнее: японцы заканчивали свои постройки по закладке мин. 5 декабря ими был взорван форт № 2, 15 декабря — форт № 3; 16 декабря японцам удалось устроить страшный по силе взрыв укрепления № 3 — весь гарнизон в составе 6 рот со всеми офицерами и командиром форта погиб. Японцы немедленно начали жесточайший огонь из всех своих орудий по всему центру нашего восточного фронта. Окопы взрывались от массы снарядов. Люди, истощенные цынгой, израненные, голодные, без

патронов, ложились сотнями от массы сыпавшегося на них металла и умирали на своих местах, а заменить убывших было некому.

Портартурцы бились в предсмертных судорогах, — каждый понимал, что после 11-месячных нечеловеческих усилий, можно удержаться еще только несколько часов. Генерал Стессель послал к японцам парламентариев.

Я не могу обойти молчанием одной небольшой, но очень существенной детали. Вскоре после начала плотного обложения Порт-Артура японцы начали стрелять по нашим госпиталям. Особенно пострадали госпитали, расположенные в Новом городе, — № 10 и № 6, причем последний был разбит до основания, похоронив под своими остатками и бывших в нем больных, и много врачебного персонала.

Увидев в этих обстрелах госпиталей особую систему, представитель Русского Красного Креста Балашов поехал парламентарием к японцам и заявил там протест на их действия. Ему ответили, что русские госпитали расположены около таких мест, которые имеют боевое значение для японцев, как например, мельница, банк и т. п., а госпитали попадают случайно под обстрел. Японцы предложили, чтобы больных сосредоточили в каком-либо районе, не имеющем стратегического значения, и тогда японцы обещают туда не стрелять. В результате всех больных сосредото-

ли в районе бывших казарм. Эти казармы были видны японцам, и когда там водрузили флаг Красного Креста, действительно, ни один японский снаряд туда не был пущен.

В заключение еще несколько слов — о продовольствии в Порт-Артуре. С течением времени рационы всё больше сокращались; введено питание защитников кониной и ослятиной, но и этого мяса давали лишь полфунта в неделю на человека. Хлеба не было, были лишь маленькие запасы зерна, но в Порт-Артуре работала всего одна мельница — только по ночам и крайне осторожно, причем она едва могла дробить зерно. Из этих давленных зерен выпекалось подобие хлеба, но большею частью зерно шло в болтушку-суп, который сдабривался остатками переваренного прогорклого подсолнечного масла из портовых запасов. Бинты для перевязок перестирывались и шли снова в дело; ваты не было, ее заменяли пенькой, которую получали от расплетания морских концов, что делали сами больные и раненые, которые владели руками.

Вот картина той обстановки, в которой находился Порт-Артур накануне своего падения. В неравной, но честной борьбе, облитый жертвенной кровью защитников, пал Порт-Артур.

Полковник П. В. Ефимович

АДМИРАЛ МАКАРОВ

Было это зимой 1885-86 гг. Макаров, получивший в командование «Витязь», приходил часто по вечерам к моему отцу, в то время читавшему курс стрельбы в Артиллерийском классе. Отец ввел и читал выработанный им курс тактики маневрирования, подчиненной требованиям стрельбы, и положил еще в 1883 году начало организации сосредоточенной залповой стрельбе, осуществленной во флотах всего мира только после Русско-японской войны. У нас его ученики тщетно вели упорную борьбу с рутинной, только в редких случаях успешно. Эта рутина продолжалась и у англичан до мировой войны. Первыми были немцы, введшие у себя залповую стрельбу в 1906 году..

Как сейчас вижу громадный письменный стол отца, поставленный наискось между двумя крайними угловыми окнами обширного кабинета. Позади стола высокий экран с накопленными большими листами чертежей, рисунков, графиков, которые часто менялись; два больших двойных подсвечника с зелеными абажурами; фигура отца на вертящемся табуриете, что-то рассказывающего и по временам водящего по экрану бамбуковой указкой, и массивного Макарова, сидящего в кресле и изредка вставляющего свое слово. Я забирал-

ся на огромный диван в глубине комнаты и, следя с затаенным дыханием за плавными движениями Макарова, оставался упорно до его ухода, несмотря на немые призывы гувернантки через полуоткрытую дверь.

Что меня зачаровывало, это не борода — в те времена бороды процветали, — не Георгий, но золотые аксельбанты Макарова. Я ни у кого не видел подобного великолепия. Аксельбанты переливались матовым блеском под светом свечей. Это было невыразимо прекрасно! И потом — глаза, спокойные, пронизательные, источники магического излучения; взгляд их, как конус света волшебного фонаря, прохаживался в пространстве. И когда я попадал в этот конус, всё мое существо переносилось в неведомый и легкий мир.

Макаров был неким сверхестественным гением. И каково было мое негодование, когда однажды Макаров, придя утром в воскресенье на целый день, остался завтракать и за столом должен был есть холодный ростбиф. Я не знал, чем надлежало питать этого полубога, но во всяком случае, не холодным мясом. На наш дом опустился призрак бесчестия, который преследовал меня долгие годы.

Помню, как разговор зашел однажды о полуброненосном крейсере «Адмирал Нахимов». На вопрос Макарова, что отец думает о его постройке, последний ответил, что нако-

нец-то нашелся человек, убедивший министра в необходимости создания нового типа корабля, что нужно развивать этот башенный тип и порвать с линейными батареями. В моем полудремотном воображении слово «тип», которого я, конечно, не понял, олицетворялось в приземистую башню, подобную шахматной туре, на верхнем ободе которой написано «Адмирал Нахимов». Тура обвита толстой, непрерывно развивавшейся лентой. И чем больше лента развивалась, тем «тип» странным образом делался толще и толще. Наконец, лента лопалась, унося на своем конце линейку с выстроенным на ней рядом пушек. Преследуемый этой фантаσμαгорией, я приставал в течение нескольких дней к отцу за объяснениями, пока он не изобразил углем на громадном листе бумаги истинный смысл «башенного типа» (связанного с именем Нахимова), превращавшегося постепенно в будущий... дредноут. Эти изображения до сих пор сохранились в моей памяти.

«Нахимов» долго оставался единственным представителем этого типа в русском, да и в других флотах. Мы видели затем постройку нелепых «Рюрика», «России», «Громобоя», или уязвимых и столь же нелепых монстров: «Победа», «Ослябя», «Пересвет».

Русский флот превратился в японской войне в богатейшую коллекцию образцов. Не-

удобство было только в том, что они не могли, в обстоятельствах боя, маневрировать совместно, чтобы использовать всё могущество их артиллерии.

Не помню, чем был занят в начале похода, но оказался, естественно, на мостике при приближении момента начала эволюции. Мы где-то между Квантуном и островами Эллиота. Безоблачное небо, полный штиль. Мы в строе кильватера. Начинается маневр.

Сигнал падает. Корабли начинают катиться, интервалы быстро изменяются. Но ко всеобщему нашему изумлению они, как заводные игрушки, всё катятся, катятся куда-то. Два броненосца (не могу уточнить имен, хотя ясно вижу суда) чуть не сталкиваются; один из них вынужден дать задний ход. Наши глаза прикованы к ним. Наконец, облегченно вздохнули. Но какая картина: раскинутые на большие расстояния, направленные на разные румбы суда продолжают механически двигаться, являя подобие какой-то фантастической карусели.

Адмирал, разводя руками, восклицает, обращаясь к командиру:

— Где же моя эскадра?

В это мгновение откуда-то появляется стайка голубей и, трепеща крылышками, выются низко над мостиком, как бы приготовляясь спуститься. Яковлев, просиявший, как ребенок, с глубокой нежностью в голосе, ра-

достно обращается к адмиралу:

— Смотрите, ваше превосходительство, — голубки! Макаров взглядывает и — с редкой у него улыбкой:

— Единственное утешение.

Макарову оставалось нанизать заводные игрушки на невидимую нить и потащить их за собой в Артур...

...Раннее еще мглистое утро. Получено известие с Золотой Горы, что миноносец «Страшный» далеко в море окружен и расстреливается японскими миноносцами. «Баян» посылается на помощь. Броненосцы лихорадочно поднимают пары. Мы ничего не можем видеть, и все в тревоге. Получаем известие, что миноносец «Страшный» погрузился; затем, что «Баян», повидимому, спасает людей и начал бой с появившимися японскими крейсерами. Потом:

— «Баян» поставлен в два огня.

Всеобщая тревога усиливается. Но «Петропавловск» уже полным ходом идет по направлению пальбы. Остальные суда, далеко позади, продолжают вытягиваться из Порты. Неприятельские крейсера исчезают и мы быстро сближаемся с «Баяном», уже идущим в нашем направлении. Семафор адмирала:

— Почему оказались поставленными в два огня?

— Поставил себя в два огня, чтобы иметь

возможность использовать огонь всей артиллерии.

— Какая безумная храбрость! — восклицает адмирал и, мгновение подумав:

— Но какой умный маневр!

Плохая поворотливость крейсера X (не помню имени, один из крейсеров типа «Паллады», носящих имена богинь, введенный в док в это время), делала ограниченным его участие в совместном маневрировании, — его винты работали внутрь. Макаров, пользуясь пребыванием крейсера в сухом доке, отправил в Главное управление Кораблестроения телеграмму с требованием срочной отливки и отправки в Артур скорым поездом винтов того же шага, но работающих внаружу. Ответ Главного технического комитета:

«Поставить правый винт налево, левый — направо и машинам работать назад».

— Ослы, — произнес всегда сдержанный адмирал и повторил свое требование в очень категорических выражениях.

Но винты никогда в Артур не прибыли, ибо адмирал вскоре погиб.

Технический комитет нашел теоретический выход и был, вероятно, горд своим ответом. На практике это было абсурдно: подшипники годами приработались в определенном направлении, также как и гребные валы. Комитет имел дело с Макаровым, академиком и здравым практиком!

Незадолго до войны, в один хороший сол-

нечный день, я отправился на Золотую Гору, а затем на Электрический Утес с целью познакомиться с общим видом на расположение морских укреплений.

Хорошо помню внушительно установленную батарею с линией блестящих 10-ти дюймовых орудий, царящих над совершенно гладким в тот день морем и, на их правом фланге, крошечную, сравнительно с ними, 57-миллиметровую пушку. Заинтересованный ее ролью, спросил сопровождавшего меня офицера:

— Для чего она здесь.

— Это пристрелочное орудие.

Не понимая хорошенько, в чем дело, попросил объяснения и, к изумлению моему, услышал, что она служит, чтобы дать высоту прицела и уклонение 10-дюймовым орудиям, 57-миллиметровое стреляет по данным командующего батареей, снаряд падает в воду и по его всплеску судят о перелете или недолете, вносят поправку и стреляют второй раз. Если падение недалеко от цели, то дают расстояние 10-дюймовым: бой которых более настильный, и попадание обеспечено. На вопрос, каким образом можно увидеть падение 57-миллиметровых снарядов при волнении и барашках, или среди падающих неприятельских снарядов, и что, наконец, дальность 57-миллиметрового не достигает и трети дальности 10-дюймового, получил ответ, сопровождаемый

пожатием плеч, что огонь на большие расстояния против судов считается мало действительным. Мои вопросы были явно абсурдны, и я ретировался, хотя мне хотелось еще получить объяснение отсутствию серьезных траверсов между орудиями.

Вернувшись на свой корабль, сразу же сообщил о виденном и слышанном Мякишеву, загадочно улыбнувшемуся, а по приезде Макарова — подполковнику Меллеру, который почему-то засучил рукав.

Еще о 10-дюймовой батарее Электрического Утеса. Макаров требует представления точных данных о пределах обстрела и дальности боя береговых батарей для составления соответствующей карты. К изумлению дальность 10-дюймовых показана 60 кабельтов, т. е. дальность 6-дюймовых. Те же орудия судовой установки бьют на 100 каб. В чем дело? Меллер едет на батарею. Оказывается, на станках прикреплены специальные приливы, ограничивающие опускание казенной части орудий. Меллер просит таблицу стрельбы. Данные до 60 каб. Почему? Это Главное артиллерийское управление прислало в свое время пушки и таблицы к ним. Меллер берется снять приливы и пополнить таблицы.

Ужас батарейного: он не знает, выдержит ли установка стрельбу под большим уклоном; никто не имеет права прикоснуться к станкам

без разрешения Главного артиллерийского управления и рекомендует обратиться к ген. Белому. Генерал в смятении: он не может обратиться в Главное артиллерийское управление за подобным разрешением, но адмирал волен, конечно, снестись с последним. Это потребует, однако, специального заседания какого-то комитета, на что нужно не менее месяца; необходимо также послать копии планов установок со всеми объяснениями. Из последующего разговора выясняется, что так как стрельба на большие расстояния мало действительна и может повести к чрезмерному расходованию снарядов, то мера принята Управлением в видах «разумной экономии». На практике же эта «экономия» приводит к тому, что неприятель, чтобы иметь удовольствие подвергнуться действию береговой батареи, должен подойти к ней на 60 каб.; но если он хочет безнаказанно в 5 минут ее уничтожить, то ему стоит только остановиться с одним судном на расстоянии 61 каб. Во всяком случае, не может быть и речи о защите порта от бомбардировки неприятелем в отсутствии флота.

Макаров отправился лично на батарею и приказывает батарейному допустить Меллера к выполнению необходимой работы и дает записку, где он принимает ответственность на себя. Белый и батарейный, конечно, соглашаются. Приливы сняты в два дня, таблицы до-

полнены и Меллер лично бьет из орудия на 110 каб. для успокоения батарейного и дает ему настоящий урок стрельбы.

Знаменитое «пристрелочное» 57-миллиметровое орудие остается, но совершенно для другой цели.

Вскоре Макаров объехал, в сопровождении Меллера, все приморские батареи. Только одна (капитана Вамензона) оказалась действительно подготовленной. Ее батарейный был единственным, кто был знаком с нормальным методом стрельбы по судам и знал силуэты японских судов, но это была его личная инициатива.

Невозможно, конечно, обвинять батарейных командиров. Достаточно было бы нескольких лекций и 2-3 практических стрельб, чтобы в общем хорошо подготовленные к стрельбе и серьезные офицеры знали, как нужно пользоваться их оружием в борьбе с судами. Но, повидимому, никто из высших об этом не подумал. Между тем, еще за 20 лет до войны, в Кронштадте, например, батареи вели учебную стрельбу по методам флота.

На «Петропавловске» было не сто, как говорили, а 18 мин заграждений, т. е. столько, сколько можно было поставить с 2-х плотиков. Мины заграждения, в то время, составляли часть вооружения линейных кораблей. Никто никогда — ни в школе, ни на судах, —

о возможности детонации мокрого пироксилина в тех условиях, в которых это произошло, не говорил. Наоборот, все опыты в пороховых лабораториях подтверждали их безопасность: химики считали это установленным. Запальные стаканы с шашками сухого пироксилина, необходимого для взрыва влажного пироксилина, в непосредственном с ним контакте, хранились в особом погребе, в кормовой части корабля. Нужен был какой-нибудь несчастный случай, чтобы обратить внимание специалистов (химиков или офицеров) на опасность присутствия мин на судах. Судьбе угодно было, чтобы выбор этого случая пал на «Петропавловск» с его драгоценным грузом.

То, что произошло на «Хатцузе», где мины были заряжены некоторой разновидностью шимозы, вещества, детонирующего неизмеримо легче, заставляет предполагать, что и японцы об этом не думали. Во всяком случае, химики считали, что шимоза не может детонировать от пироксилина, которым были заряжены в то время все русские мины.

Только новейшие математически-физически-химические теории позволяют объяснить явления детонации (насколько теории вообще могут объяснять природу).

Уделом Макарова было погибнуть раньше, чем он мог перейти к активной борьбе. Вся деятельность его в течение десяти после-

дних лет его жизни проходила под девизом: «Помни войну!» — (эпиграф всех его печатных трудов по военно-морскому делу).

Я беру на себя смелость утверждать, что он был самым современным из всех адмиралов флотов всего мира, за исключением японского, что он оставлял далеко за собой остальных русских адмиралов. Говорю это теперь убежденно. Я не был его слепым поклонником, многое в чертах его характера не гармонировало с моим видением.

Многое было противоположно тому, что я испытывал по отношению Кондратенко. Но что было общего у обоих, это — предоставление широкой инициативы их подчиненным. Относительная сухость Макарова и подчас категоричность объяснялись, быть может, тем, что он должен был по натуре своей, узнать того, с кем имел дело. Его отношение к Яковлеву, Мякишеву, Коробицыну, Меллеру, Шрейберу, Кроуну, Эссену, Вирену, Шенсновичу и некоторым другим было иным. Но он оставался сухим, например, с Кедровым, бывшим уже около двух лет его адъютантом...

Быть может, он считал нужным подтянуть офицеров в отношении интенсивности их умственной и духовной деятельности, которые были, несомненно, на более низком уровне под влиянием догм предшествующего режима: всё критиковали, но неспособны

были отдаться творческой работе.

Но я имел возможность впоследствии, при контактах с иностранными офицерами высших рангов, получить подтверждение того, о чем говорю.

Надо было удивляться необычайной ясности мысли и физической выносливости в его годы. Он поднимался по шторм-трапу так, как большинство из командиров не могли бы сделать. Он мог провести ночь на ногах и работать затем весь день без отдыха до позднего вечера.

Он был в курсе всего, что только было нового в технике и в развитии военно-морских идей. И всё это было им усвоено и подвергнуто критическому анализу. Он часто появлялся в Петербурге на весьма специальных сообщениях ученых кругов и иногда выступал оппонентом в вопросах, не имевших прямого отношения к военно-морскому делу, удивляя ученых четкостью суждений и проникновением в сущность вопроса.

Вот, что я знаю по поводу доклада о постановке японцами мин под Артуром (что было замечено с батареи Вамензона). Доклад не был категоричен. Было сказано, что японцы что-то делали в море, возможно, что ставили мины, т. к. некоторое время какое-то маленькое судно шло медленно и казалось останавливающимся по временам на люсте в расстоянии, примерно, мили от берега. На-

правление с берега было замечено, но в докладе не указано. Нужно было для этого ехать на батарею.

Знаю точно ответ Макарова: «Надо утром протралить» (При нормальной организации службы слова командующего: «надо утром протралить» были бы достаточными, чтобы привести в действие тралящий караван, — передача приказа и проверка начала выполнения совершается штабом.. Знаю, что мы на судне были обо всём этом осведомлены и что у всех было впечатление, что мины, если это были таковые, находились поблизости от берега).

Забыл ли о минах адмирал, озабоченный судьбою «Баяна», «поставленного в два огня», как говорило сообщение, и увлеченный действием, — сказать невозможно. Но из нас, «молодых», увлеченных непосредственным действием, никто об этой постановке не думал. Не думаю, что этом заботились Мякишев, Яковлев или Коробицын, ведущий непосредственно корабль, иначе они, несомненно, напомнили бы адмиралу или считали постановку произведенной близко от берега.

Я видел, что Макаров был озабочен медленным выходом кораблей из порта и часто оглядывался назад. Первое судно, шедшее за нами, было на расстоянии по крайней мере 60 каб. Я понимал заботу адмирала, думавшего о несомненном приближении японцев с

превосходящим эскадренным ходом и о наших кораблях, которые около получаса не вступали в строй, хотя он уже шел полным ходом к ним навстречу. Мы не были еще в строю, когда появилась уже вся японская эскадра. Все эти моменты я хорошо помню, ибо израсходовал за это время всю катушку фотографического аппарата.

Нужно также перенестись в атмосферу того периода времени. Адмирал, казалось, должен был думать за всех и обо всем сразу. Мысль всех, за редчайшими исключениями, была, по причине многолетнего отсутствия тренировки, слишком инертна.

Трудно себе представить, какому умственному напряжению был подвергнут мозг Макарова с момента приезда в Артур. Эскадры не существовало, — были только корабли, из них три выведенных из строя. Командиры, за исключением Шенсновича, Яковлева, Эс-сена и Вирена были мало подготовлены к боевой обстановке. Двое из них уже подлежали смене. Все заботы о порте и морском фронте, об организации всего, лежали на нем. Все ждали приказаний и никто ничего не предлагал, из тех именно, кого это прямо касалось. В штабе, кроме Мякишева и Коробицына, никто Артура не знал. Настоящего начальника оперативной части не было. Великий Князь Кирилл, занимавший эту должность, не был к ней

подготовлен. Макаров был сам себе Начальником оперативной части с помощником Кедровым, но последний, несмотря на острую мысль, не знал ни Востока, ни Артура, ни кораблей, не имел практики и был всё же слишком молод для роли, которую он играл; правда, что он часто прибегал к Мякишеву, как и Макаров, но у Мякишева были и другие заботы. Нужно было всё переорганизовать, что значительно хлопотливее, чем организовывать. Ко всему — внешние сношения, подчас нелегкие и раздражающие. Нужен был громадный опыт Макарова и его выносливость, чтобы нести всё это на своих плечах.

Мое совершенно определенное мнение, что в этот день Макаров совершил, быть может, упущение, временно забыв, но не ошибку или, тем более, глупость.

Этот эпизод войны вызвал нескончаемые толки и принял такие размеры только благодаря тому, что с потерей Макарова весь русский флот оказался потерянным.

Я имел только четыре случая личного обращения Макарова ко мне по службе. Каждый раз разговор ограничивался 5-10 минутами. Я его понимал с полуслова, сколько же времени он должен был расходовать с теми, которые его плохо понимали.

Осведомленный Кедровым о моем умении рисовать, адмирал поручил мне сделать чер-

тежи и рисунки минных пробоин судов, дав мне точные и ясные указания о том, что чертежи должны были представлять и предоставив сделать рисунок по моему усмотрению. Я начертил пробоину «Ретвизана» (большие чертежи и большой рисунок, сделанный тушью), наиболее интересную, и Макаров остановил работу других, считая, что они менее характерны, и что это отнимет у меня много ценного времени.

Поручение по поводу ТСФ, где я увидел, что он совершенно ясно понимает теорию, и разговор велся о возможности использования для опытов принципа в существовавших технических условиях.

Дело касалось стрельбы минами с миноносцев в различных тактических комбинациях. Поручение: сделать в свободное от ТСФ время набросок по этому вопросу. Гибель корабля прекратила мою работу. Здесь я опять убедился, что Макаров отлично видел корень работы и обладал большими знаниями в этом вопросе.

Только один раз чисто личный разговор со мной на завтраке у него, на который ежедневно приглашались по очереди офицеры «Петропавловска», и с которыми он хотел ближе познакомиться. Он вспоминал моего отца, расспрашивал о семье, о моем дядюшке-адмирале, которого хорошо знал. Я помню,

как великий князь Кирилл, при упоминании его имени, неожиданно вмешался: «Прекрасный офицер, ваше превосходительство», — и как Макаров так холодно и иронически взглянул на него, что великий князь умолк.

Капитан 1 ранга Н. В. Иениш

ПАСХА 1904 ГОДА

В страстную субботу адмирал Макаров приказал миноносцам «Грозовой» и «Выносливый» приготовиться к походу и перед выходом в море подойти к флагманскому кораблю.

Перед заходом солнца оба миноносца отшвартовались у борта броненосца «Петропавловск». Вскоре появился адмирал Макаров и приказал всей команде собраться на палубе и его окружить. Тут адмирал, со свойственной ему особенной серьезностью и сердечностью, обратился к нам с кратким словом, что «наступает Св. Праздник Воскресения Христова, наш наибольший христианский праздник, но сейчас война, и вот я вас избрал в эту ночь охранять всех нас, дабы все остальные могли на короткое время забыть войну и сосредоточиться в молитве. Дай Бог вам исполнить этот святой долг»!

Как засверкали во всех глазах энтузиазм, гордость и радость за такое доверие. Обоим

командирам — Шельтингу и Рихтеру — он пожал руку и ушел на свой корабль, а мы в море.

Какая была темная ночь! Легкая рябь покрывала море и густые облака только изредка пропускали свет звезд.

Но в нас было светло, никогда еще мы так жадно не ожидали увидеть неприятеля и накинуться на него, как в эти часы. А мы почему-то были уверены, что в эту ночь непременно будет стычка с ним, либо миноносцы появятся, или вновь брандеры, но проходил час за часом. Около полуночи к нам прибыл сам адмирал Макаров и провел два часа на «Выносливом», а потом пересел к нам на «Грозовой». Стоит на мостике, иногда пройдет по палубе, осматривает орудия и минные аппараты...

На востоке появляется светлая полоска новой зари. Внимание всех обращено на темный западный горизонт: оттуда может появиться неприятель. Но горизонт пуст. Наконец адмирал приказывает идти в гавань, высаживается на «Петропавловск» и, прощаясь, говорит: «Через час буду у вас разговляться».

По окончании богослужения адмирал сказал, что Господь был милостив, охранив нас в эту ночь от кровопролития, потом похристосовался со всеми и оставил неизгладимую память у всех нас.

Это была моя самая лучшая Пасха!

Капитан 1 ранга барон Мирбах.

НА «БАЯНЕ» 31 МАРТА 1904 ГОДА

Вечером 30 марта 1904 года на крейсере «Баян» был получен приказ:

«Иметь все котлы под парами и быть готовым к выходу в море для поддержки наших восьми миноносцев, посланных на разведку к островам Эллиот».

Миноносцы должны были вернуться с рассветом. Около 4 часов 30 минут 31 марта, мы на «Баяне» получили приказание:

«Немедленно выйти на помощь нашим миноносцам, так как в море слышна канонада».

Внутренний бон не был разведен из-за поломки машин дежурного портового баркаса, и нам пришлось спустить паровой катер. При его помощи бон был разведен. Уже на ходу мы подняли катер и вышли на внешний рейд. Командир, капитан 1 ранга Г. Н. Вирен, прекрасно управлялся и, пройдя по заранее протрапленному пути, дал полный ход.

Погода была тихая, мгlistая. Через некоторое время мы начали разбирать силуэты нескольких миноносцев. Шедший навстречу миноносец «Смелый» сообщил нам, что ему удалось вырваться из окружения неприятельских крейсеров и миноносцев, а подбитый «Страшный», повидимому, погибает. Вскоре в бинокль можно было разобрать, что «Страшно-

го» окружили четыре японских миноносца и расстреливают его на близкой дистанции, он же не отвечает на огонь и тонет. Когда мы приблизились к нему на 5 миль, неприятельские миноносцы отошли к показавшимся из мглы четверем крейсерам. На наших глазах «Страшный» потонул. Мы подошли к месту гибели его около 6 час. утра. Море было спокойное и на обломках держались шесть матросов. Немедленно были спущены спасательный вельбот и шестерка, которые подобрали пять матросов. Шестому я с мостика бросил конец со спасательным кругом и крикнул: «Держись, голубчик», но он не имел сил протянуть к нему руку. Лежал он на спине на решетчатом люке; у него был разворочен живот и все внутренности вывалились и были в воде. Он мне ответил: «Нет сил — всё равно умру». Его не удалось спасти, так как в это время неприятельские крейсера приблизились к нам и открыли огонь из 8-ми и 6-дюймовых орудий. (Это были два броненосных крейсера и два — типа «Читозы»). Мы еще не могли дать хода, ибо поднимали наши шлюпки и отвечали из одного 8-дюймового и двух 6-дюймовых орудий. Минут через пять шлюпки были подняты, спасенные снесены в лазарет. Мы дали полный ход и, сражаясь, направились к Ляотишану, чтобы прикрыть наш миноносец, возвращавшийся в Артур. Командир

искусно маневрировал, держа неприятеля на выгодном для нас курсовом угле, и прикрывал наш миноносец. Когда мы дали полный ход, команда во всех помещениях закричала «ура», как бы высказывая восхищение командиру за его лихой маневр.

В это время адмирал Макаров на «Петропавловске» с крейсерами шел к нам на помощь. Неприятель, увидев нашу эскадру, начал удаляться и скрылся во мгле. Бой наш продолжался около 20 минут.

Море кишело от взрывов крупных снарядов вокруг «Баяна», палуба была засыпана осколками. Бог нас миловал — прямых попаданий не было.

Приблизившись к нам на видимость сигнала, командующий флотом приказал нам: «Приблизиться». Полным ходом подошел командир «Баяна» к эскадре, лихо развернулся и, подойдя на параллельном курсе к «Петропавловску», доложил о спасении пяти матросов. Адмирал поздоровался с командой, поблагодарил за лихое дело и приказал полным ходом идти к месту гибели «Страшного».

Как сейчас помню стоящего на мостике адмирала Макарова и его ласковые слова благодарности. Мы все знали, что он имеет нравственное право посылать нас в самые опасные операции, и шли совершенно спокойно, ибо знали, что в нужный момент он помо-

жет и ни на мунуту не забудет нас.

На корме «Петропавловска» около башни с 12-дюймовыми орудиями стоял в шубе и меховой шапке художник В. В. Верещагин и что-то зарисовывал. Через три часа он погиб. Эскадра следовала за нами, но, конечно, значительно отстала от нас, когда мы подошли к месту гибели «Страшного». В тот же самый момент из мглы показались четыре неприятельских броненосных крейсера и немедленно открыли огонь с расстояния 45-50 кабельтовых. Огонь их 16-ти 8-дюймовых орудий был очень интенсивен. Как и в первом бою, море вокруг нас кипело от взрывов. Вторично Бог миловал — прямых попаданий не было. Лишь от взрыва 8-дюймового снаряда под выступом мостика были контужены два офицера и четыре матроса с прободением ушных барабанных перепонок, да несколько человек были легко ранены осколками на палубе. Увидев нашу эскадру, японцы начали медленно удаляться, точно желая завлечь наши суда подальше от Порт-Артура.

Мгла начала расходиться, и на юго-востоке мы увидели много неприятельских судов. Не прекращая боя, мы старались определить количество их и сообщили об этом сигналом командующему флотом. С «Петропавловска» было произведено несколько выстрелов из 12-дюймовых орудий, но за дальностью расстоя-

ния огонь был прекращен. Адмирал, разобрав наш сигнал, повернул в Порт-Артур, повидимому желая принять бой поближе к веркам крепости. Одновременно был поднят сигнал «Баяну» вступить в кильватер». К этому времени все суда вышли на внешний рейд и вступили в строй на свои места.

Японская эскадра в составе 6 броненосцев, 6 броненосных крейсеров (в числе их были новые, недавно купленные крейсера «Ниссин» и «Касуга»), легких крейсеров и большого количества миноносцев медленно приближалась к Артуру. Подойдя на внешний рейд, адмирал Макаров повернул на восток. Броненосцы находились мористой, крейсера во второй линии — ближе к берегу. На флагманском корабле подняли сигнал: «Миноносцам войти в гавань». Почти одновременно с этим сигналом раздался взрыв на «Петропавловске».

Облако черного дыма поднялось над его носом и вырвалось пламя; затем раздался второй взрыв с облаком белого пара (повидимому, взорвались огнетрубочные коробчатые котлы). Нос броненосца с креном на правый борт стал быстро погружаться в воду, корма поднялась над морем и винты продолжали работать в воздухе. Наконец раздался третий ужасный взрыв — поднялось желтое пламя и облако желтовато-бурого дыма. Корабль ис-

чез под водой. Без сомнения, взорвались снаряды в погребе 12-дюймовых орудий под кормовой башней. Немедленно были спущены шлюпки для спасения утопающих. Я был старшим штурманом «Баяна» и записывал моменты различных боевых событий или диктовал их моему помощнику. По моим записям, с момента первого взрыва на Петропавловске до его исчезновения под водой прошло 1 минута 43 секунды. Неприятель продолжал медленно приближаться к нам и был ясно виден. Через очень короткий промежуток времени после гибели «Петропавловска» взорвалась «Победа», и с большим креном стала входить на внутренний рейд. В то время раздалась стрельба со всех наших судов из 75-миллиметровых и ниже калибром орудий. Видимо, на всех судах явилась мысль, что неприятельские подводные лодки взорвали наши суда. Выбрасываемые отстрелянные медные гильзы унитарного патрона 75-миллиметровых орудий, попав в воду, плавали, пока их не заливало водой. Их принимали за перископы. Паника овладела кораблями, и все суда направились к входу на внутренний рейд. Тогда мы, старшие специалисты, находившиеся по боевому расписанию на мостике, обратились к командиру «Баяна» с просьбой поднять сигнал: «Входить по порядку номеров, указанному в приказе адмирала Макарова». Сначала капи-

тан 1-ранга Вирен не соглашался, будучи младшим из командиров судов 1 ранга, но, видя беспорядок, все же поднял сигнал. Мачта на Золотой Горе отрететовала его, а затем и все суда. Сразу восстановился порядок, и корабли благополучно вошли в гавань и на внутренний рейд. «Баяну» же приказано было остаться на рейде и наблюдать за неприятелем.

Японцы два или три раза подходили на очень близкое расстояние, но почему-то не открывали огня. Господь Бог продолжал быть милостивым к нам — ведь мы сколько раз проходили совсем рядом с поставленными на рейде минами и не взорвались. На следующий день тральщиками были обнаружены еще несколько японских мин. Только в пятом часу мы вошли на внутренний рейд.

Весь личный состав флота был удручен гибелью адмирала Макарова. Такого другого у нас не было. Тяжело было у всех нас на душе. Нам не везло. Блестящая подготовка к войне, счастье и удача были на стороне японцев.

Контр-адмирал К. В. Шевелев

В ДЕНЬ ГИБЕЛИ АДМИРАЛА МАКАРОВА

«Погиб «Петропавловск» с адмиралом Макаровым», — пронеслась мрачная и страшная весть по внутреннему бассейну.

Все бросились на Дачные Места, откуда видна была катастрофа. Это было в 11 часов утра 31 марта 1904 года. Когда я прибежал на взгорок у берега около Дачных Мест, «Петропавловска» уже не было. От него оставалось рассеивающееся облако дыма. Массы шлюпок еще толпились у одного места между судами эскадры, видимо, спасая тонущих. На вершинах холмистого берега всюду кучками стоял народ, смотря в сторону моря на рассеянную в беспорядке эскадру. Отовсюду еще сбегались люди, потрясенные новым несчастьем и новой неудачей, постигшей флот.

Около меня стояло много моих знакомых офицеров, прибежавших из порта.

С ручным фотографическим аппаратом военный инженер, полковник Рашевский, полный серьезности и внимания, не сводил глаз с места гибели броненосца и периодически приставлял аппарат к глазам, делая снимки или готовясь к ним.

Вдруг началась частая и беспорядочная стрельба с судов, но мы видели, что снаряды падали близко возле своих же кораблей. Громадные всплески разрывов ясно были видны нам всем. Не понимая происходящего, все стали обмениваться короткими вопросами: «В чем дело? Почему стреляют?»

Потом оказалось, что на японских минах, поставленных неприятелем в ночь накануне,

не только погиб «Петропавловск», но подрвался и эскадренный броненосец «Победа», получивший пробоину. Но в тот момент с берега нам ничего нельзя было понять.

По возвращении эскадры в гавань, выяснилось, что после подрыва «Победы», на судах почему-то заподозрили появление японской подводной лодки, увидели якобы перископы и открыли беспорядочный, почти панический огонь, каждый вокруг себя.

(Старший лейтенант Р. П. Зотов при гибели «Петропавловска», будучи мичманом, находился на эскадренном миноносце 1-го отряда в составе эскадры. Он был свидетелем описываемой драмы.

Даже теперь, через полвека, он с отчетливостью помнит происшедшую катастрофу и уверял меня, что он тоже видел двигавшийся в воде перископ и обратил на него внимание своего командира.

Теперь нельзя сомневаться, что никакого перископа там быть не могло. Такова была сила массового самовнушения перед грозным оружием нового типа, проявившим себя во Вторую великую войну в борьбе за обладание морскими путями.

В то время нигде в мире еще не было подводных лодок, однако, шли работы по испытаниям подлодки во Франции. Мысль о подводных лодках была уже в умах.

В те дни в Артуре железнодорожный техник Налетов, свойственник кап. 1-го ранга Матусевича, начал строить изобретенную им настоящую большую подводную лодку. В Артуре Налетов не мог ее достроить. Она была разрушена в сухом доке при бомбардировке порта. После войны, уже в России, Налетов ее построил, и она вошла в состав русского подводного флота. Замечательно, что подводная лодка, одна из первых в мире, была задумана в Артуре, в 1904 году, и позднее построена, — но не корабельным инженером, и даже не инженером вообще, а всего лишь техником по железнодорожной службе, человеком со скромным, едва со средним образованием. Как трудно ему было добиться внимания властей к своей научно-технической идее! Я это хорошо знаю, т. к. часто встречался с ним в доме моего начальника, ставшего еще в Артуре адмиралом. Налетов ничего не добился бы без помощи Матусевича).

Но возвращаюсь в то трагическое утро.

Когда хаотическая стрельба стихла и миноносцы стали медленно двигаться в сторону входа в гавань, я бросился опять в порт, чтобы оказать помощь пострадавшим, если миноносцам посчастливилось кого-либо спасти.

Придя к внутреннему бассейну, я пошел по стенке мимо сухого дока ко входу во внутренний рейд и дошел до дома командира пор-

та, у самого входа во внутренний бассейн, где находились и главные портовые ворота.

Гибель адмирала Макарова и «Петропавловска» в течение одной-двух минут потрясла всех до глубины души: рабочие, матросы, офицеры, кто мог отлучиться, были еще на Дачных Местах. Прямо жутко было идти — ни живой души кругом.

Вдруг сзади и справа от себя я услышал топот коней. Оглянулся и вижу — карьером мчатся из портовых ворот два всадника. Они резко остановились у берега, шагах в двадцати от меня, и стали, как вкопанные, устремляя взоры на вход в гавань. Там никого не было видно. Первый офицер зарыдал, содрогаюсь всем телом, сидя в седле. Он вынул платок и уткнулся в него лицом. Плакал он так горько, что мне слышны были его глухие рыдания. Это был великий князь Борис Владимирович. Второй был его адъютант.

Вскоре во входе в гавань из-за Золотой Горы показались первые миноносцы и стали втягиваться во внутренний рейд. Часть их потянулась в восточный бассейн.

Я побежал туда. Там обычно становились они бок о бок один к другому, кормами вплотную к набережной. На одном из миноносцев было около десятка спасенных и несколько трупов. Среди живых все были легко ранены, но дрожали от стужи, мокрые. Вода в море была

еще очень холодная, но в воздухе было хорошо.

Я взялся за одного, подававшего очень слабые признаки жизни. Это был почти старик, музыкант, сверхсрочный. Он как будто уже не дышал. Едва ощутимый пульс. Мы его положили на стол в кают-компании. Я стал делать ему искусственное дыхание. Офицеры и матросы-вестовые укрывали его одеялами и шинелями и согревали бутылками с горячей водой. В это время приходит кто-то со стенки и говорит мне:

— Идите скорее, доктор, великий князь ранен. Он на миноносце, отшвартовавшемся там-то в бассейне.

Я спросил, тяжело ли ранен великий князь? Мне ответили, что у него на ногах мелкие раны, но он очень потрясен и страдает.

— Говорит ли? — спросил я.

— Да, — ответили мне.

— Тогда поищите скорее кого-либо другого. Если я брошу этого, он умрет.

Музыкант очнулся. Его отправили в Сводный военный госпиталь. Не знаю, выжил ли он. Конечно, ему угрожало осложнение в легких от холодной воды, особенно в его возрасте.

Мичман Петя Воробьев (мой соплаватель по «Пересвету»), в те дни плававший уже на миноносце, рассказал мне потом, что великий князь Кирилл Владимирович плывал на обломках в числе чудом спасшихся. Когда миноно-

сец приблизился к плававшим, Воробьев увидел среди них и великого князя. Всех быстро втащили на палубу и повели в кают-компанию.

С миноносцев, стоявших в бассейне, я пошел в сторону портового лазарета, так как узнал, что большинство спасенных были доставлены туда. Когда я быстро шел по набережной внутреннего бассейна, навстречу мне два офицера вели, поддерживая под руки, флаг-офицера адмирала Макарова, мичмана Яковлева, только что доставленного на берег. Он был без фуражки и едва передвигался. Голова его всё опускалась и свисала. Лицо было испачкано и измучено.

Мичман Яковлев, великий князь и другие, оставшиеся в живых, спаслись только потому, что были наверху, на мостике возле адмирала Макарова, — но самому адмиралу спасти не удалось. В море потом видели плавающее адмиральское пальто. Видимо, адмирал сам его снял, чтобы легче было плыть, но, как старик, он не мог удержаться на воде.

Из числа спасенных только два-три десятка человек были не ранены. Несмотря на то, что катастрофа произошла в миле или двух от берега и среди своих судов, все остальные погибли с кораблем: так ужасен был взрыв.

Небольшой портовый лазарет находился очень близко от внутреннего бассейна, направо от портовых ворот, недалеко от знаменитого в

Артуре ресторана «Саратов», получившего имя парохода Добровольного флота того же имени от буфетчика его, основателя ресторана.

Там было полно. Старший врач лазарета, д-р Глазко, быстро показал мне спасенных. Все были крайне потрясены взрывом и многие дрожали от нервного шока и холодной воды в море. Их успели уже уложить в кровати.

Мы прошли в мертвецкую. Среди покойных я сразу же узнал мичмана Бурачка, флаг-офицера адмирала Макарова, с которым был дружен. Высокий, тонкий брюнет, совсем еще юноша, лет 20-ти, очень учтивый и деликатный. Он лежал на каменном полу среди только что доставленных трупов, как живой и, казалось, был еще теплым. Я стал делать ему искусственное дыхание. Мне было жаль Бурачка, как родного брата. Чем больше я старалась, тем больше становилось мне жаль этого замечательного юношу. После целого часа тщетных усилий, меня почти оттащили от него. Это потрясло меня настолько, что я всё время говорил о нем, еще несколько дней подряд. Мой сожитель по квартире мрачный доктор Николаенко (брат товарища министра финансов при Коковцеве) сказал мне наконец:

— Если вы не перестанете говорить о Бурачке и думать о нем, вы сойдете с ума!.. Не хочу слушать и советую вам взять себя в руки. Завтра, может быть, нас ожидает то же.

Не помню уже, был ли найден труп адмирала Макарова. Кажется, не был найден. Помню, однако, до крайности скромные похороны некоторых жертв «Петропавловска». Военский наряд был в общем с полуроту.

Была музыка и около полусотни провожавших покойных по пустынным улицам старого города. Настроение у всех было подавленное. Каждый понимал, что произошло непоправимое для флота.

В день гибели «Петропавловска», часов около трех дня, я был на миноносцах в гавани. По набережной проходил торопливо флагманский доктор А. А. Бунге и спрашивал, не видели ли меня. Ему указали.

— Разыскиваю уже целый час д-ра Агафонова, — сказал мне Бунге, — и не могу найти. Через два часа отходит поезд, в котором будет эвакуирован в Россию раненый великий князь Кирилл Владимирович. Я хотел назначить Агафонова для его сопровождения, но не могу найти, не поедете ли вы с великим князем, хотя бы до Мукдена?

Доктор Агафонов уже назначен был комиссией врачей для возвращения в Россию, по нездоровью. Для меня же это было неожиданно. Я так вошел в свои функции на миноносцах, что мне не хотелось оставлять это дело.

— Может быть, Александр Александрович, вы найдете кого-либо другого. Вы знае-

те, сколько дел начато мною. Кроме того, что скажут другие? Подумают, что я тоже эвакуирован по нервозности.

Бунге настаивал, я отпрашивался.

— Ну, хорошо, если найду в эти оставшиеся у меня полчаса кого-либо, освобожу вас, а не то вы поедете.

Бунге ушел и до вечера я его не видел. Он послал д-ра Маркова, Николая Македоновича, моего товарища по курсу, младшего врача портового лазарета. Марков так понравился великому князю (у него, действительно, мягкий, ласковый характер), что он довез великого князя Кирилла Владимировича до Петербурга, а оттуда сопровождал в Германию.

Морской врач Я. И. Кефели

МИНОНОСЕЦ «БЕСШУМНЫЙ» И 1-й ОТРЯД МИНОНОСЦЕВ

В марте 1904 года в Порт-Артуре я плавал на эскадренном миноносце «Бесшумный», который состоял в первом отряде этого типа судов. Сперва отрядом командовал контр-адмирал Матусевич, но вследствие полученных ранений в ночной схватке с японскими миноносцами, должен был находиться в госпитале, а командование перешло к командиру миноносца «Боевой», капитану 2 р. Елисееву.

Наш отряд состоял из четырех «немок» и пяти «француженок», кроме «Боевого», на котором держал свой брeid-вымпел командующий отрядом. Миноносец «Бесшумный» был из «немок», как мы называли миноносцы, построенные в Германии; «француженки» — это были миноносцы, построенные во Франции. К нашему отряду принадлежал небольшой миноносец «Лейтенант Бураков» (250 т.), который мы получили во время боксерского восстания от китайцев. Этот последний миноносец был замечателен по своей скорости — 33 узла. Благодаря своей быстроходности, он, под командой своего бравого командира лейт. Долгобородова, не раз прорывал блокаду, имея особое назначение поддерживать службу связи с главной квартирой Главнокомандующего флотом и армией — Наместника на Дальнем Востоке генерал-адъютанта адмирала Алексева.

«Бесшумный» имел водоизмещение около 350 тонн, два минных аппарата, одну 75-миллиметровую пушку Канэ на носу и пять малых орудий. Однако, скорость его была немного более 27 узлов. Все другие миноносцы ему уступали в скорости, кроме, пожалуй, «Боевого».

Миноносец только что окончил капитальный ремонт, всё было на нем исправно благодаря командиру капитану 2 р. Скорупо. Команда во время ремонта добросовестно помогала мастерам порта и проходила

необходимое обучение по всем отраслям морского дела.

Во время ремонта меня часто на время откомандировывали на другие миноносцы нашего отряда, получавшие боевые назначения. Так, например, ночь на 27 января, когда, без объявления войны, произошла внезапная атака японцев на наши корабли, стоявшие на якорях на внешнем рейде, я был на миноносце «Бесстрашный» под командой кап. 2 р. Циммермана. Мы должны были охранять наши главные силы вместе с миноносцем «Расторопный» второго отряда под командой кап. 2 р. Сакса.

Утром я уже получил боевое крещение: у нас была прострелена дымовая труба. С одной стороны было входное отверстие, показывающее калибр снаряда (наверное 10 или 12 мм.), а на противоположной образовалось отверстие с развороченными кусками железа наподобие звезды. Снаряд же с огромной силой разорвался почти у самого борта (правого) в воде, но не причинил нам никаких особенных аварий, — осколки полетели вперед по направлению полета, а всплеск воды представлял огромный столб вместе с дымом. Часть водяного столба упала на «Бесстрашный», и все находившиеся на палубе, получили холодный душ. Этот случай всех приободрил и усталость после ночи, проведенной в беспокойстве и также создавшееся настроение от наших

подорванных судов быстро прошли.

Итак, я принял участие в военных действиях, можно сказать, с первого момента войны. Но мне хочется припомнить и познакомить читателя с самыми трагическими событиями, которые оказали роковое влияние на исход борьбы за Артур и на всю войну.

Итак, миноносец «Бесшумный» только что вышел из ремонта и после испытаний вступил в строй. Капитан 2-го ранга Скорупо, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию, получил специальное назначение по устройству укреплений Дальнего и Киньд-жоуских позиций.

Командиром был назначен лейтенант М., прибывший в Порт-Артур вместе с адмиралом Макаровым, назначенный Командующим флотом, вместо вице-адмирала Старка.

Новый командир, прекрасный морской офицер, был весь проникнут горячим желанием нанести урон врагу, чего бы это ни стоило.

С первого же дня мы подружились и я сошелся с ним так, что все приказания и поручения исполнял не только по долгу службы, но и от чувства восхищения и преданности.

Говорил он с чухонским акцентом, т. к. был уроженцем Финляндии. Благодаря акценту он казался добродушным, но на самом деле был очень строгим в служебном отношении и всегда проявлял непреклонную волю.

— Ну, мой мичман, пойдём рупитьца (рубиться), — приказывал он мне. Это означало, что я должен приготовить в кают-компании морские карты, измерительные инструменты, соответствующие лоции, таблицы разных данных о неприятельском флоте, его силуэты и т. п.

Командир предлагал задачу, имеющую боевой характер. Мы рассуждали, изучали, принимали решения, учитывая превосходство сил неприятеля.

Конечно, я, как ещё очень молодой офицер, не так глубоко вникал в рассуждения моего командира, инициатива всегда оставалась за ним. Тут же присутствовал другой офицер, лейтенант Тырков (в Артуре было два родных брата — лейтенанты Тырковы), — прибывший добровольно из России, как только он узнал о войне. Будучи в запасе флота и находясь в своем имении, он приехал в Артур в полустатском, полувоенном, и так явился адмиралу Макарову. Тырков был большой энтузиаст, благородный, сердечный; он очень хорошо говорил с командой, всегда бодрый, любил петь народные песни, аккомпанируя себе на гитаре, которая была украшена лентами по-цыгански. До сих пор я помню его выразительное лицо с черными горящими глазами.

На наших занятиях присутствовал также наш инженер-механик Михайлов (судовые механики в то время не имели офицерских чинов, а

только звания старшего и младшего механика).

Я хорошо помню некоторые наши заключения этих совещаний. В большом сражении надо было маневрированием достичь охвата концевых кораблей неприятельской кордебаталии и их уничтожить, чего бы это ни стоило. Если бы наши потери были и больше в сражении, всё же достигалось бы ослабление неприятеля, а с прибытием новых сил из России его превосходство было бы потеряно. Кроме того, наши операции под Порт-Артуром должны были быть разработаны заранее при условиях благоприятных для нас во время ночных походов наших миноносцев. Для этого мы должны располагать точными сведениями о неприятеле и его предполагаемых действий против нас.

ГИБЕЛЬ «ПЕТРОПАВЛОВСКА»

Нашему 1-му отряду, возвратившемуся только что из экспедиции, было приказано войти в гавань, немедленно пополнить запасы угля и воды, а затем спешить к эскадре, pripravлявшейся к бою, с показавшимися большими силами неприятеля. «Бесшумный» вошел в гавань, а я спустился в кают-компанию, но не успел выпить стакан чаю, как наш миноносец затрясся, точно его бросало в сторону, и раздался звук взрыва необыкновенной

силы. Мне казалось, что взрыв произошел у нас, и я поспешил наверх. Когда я шел по трапу, раздался второй взрыв, и через секунду я увидел справа, впереди нашего траверза, взорвавшийся «Петропавловск». Погибающий броненосец был окутан черным и бурым облаком. Раздались еще взрывы, но много слабее первых двух. Облако поднималось всё выше и выше. Нос и середина броненосца погрузились в воду; корма была высоко приподнята над водой, и мне было видно, как вертелись винты.

Погибающие толпой стояли на юте. Некоторые бросались в воду, но через несколько секунд броненосец исчез в пучине, унося с собою все живые существа, находившиеся в этот момент, как внутри его, так и наверху.

Наш «Бесшумный» полным ходом пошел к месту гибели и через несколько минут мы находились уже там. Поднялся сильный ветер и волнение. На месте, где затонул «Петропавловск», поднималось к небу и расплывалось в стороны столь густое облако, что уже ничего не было видно на поверхности волнующегося моря.

Между этой завесой и нашим миноносцем стали обозначаться плавающие обломки с людьми и без них. Низкая температура воды была причиной гибели многих людей. Многие получили увечья, ранения и теряли способность бороться за свою жизнь.

Миноносец стал против ветра и держался, маневрируя иногда, стараясь держать погибающих под ветром и защищать их от волнения. Шлюпок на миноносце не было, — они были сданы на берег, чтобы не стеснять нас в бою, а на случай необходимого спасения служили пояса и койки. С нашего миноносца для спасения погибающих были брошены за борт буйки и разный деревянный материал, оставшийся еще на роствах. По обоим бортам были спущены люди из команды на беседочных узлах и им были поданы другие концы. Всякий матрос, находящийся в беседке, мог схватить погибающего, привязать за него конец, а находящиеся на верхней палубе тянули вверх. Эту операцию было трудно производить из-за качки, всё же миноносец спас многих тонущих, которых немедленно отправляли в кочегарки, где с них снимали одежду и отогревали жаром от котлов.

Мы работали с большим напряжением и энергией. Особенно трудно было тем, которые работали на беседках, — они в скором времени промокли до костей и заоченели от холода.

Среди спасенных оказался капитан 1 ранга Яковлев, командир «Петропавловска». Я поручил его своему вестовому Андрею Шнурку, бывшему на походе лучшим и выносливейшим кочегаром по своей физической силе. Он взял Яковлева как ребенка на руки и отнес в

мою каюту, уложил, передел в мое белье. Командир «Петропавловска» подавал слабые признаки жизни, хотя глаза были открыты, но глядели в пространство и, видимо, он уже мало что сознавал.

Скоро у бортов уже не было тонущих. Иногда проносились трупы людей. Командир приказал мне убрать людей на беседках. Я обратил внимание на ют: прапорщик Тейцит перелез через борт и уселся на отводе над винтами для прикрытия их. Я послал свою команду и поспешил помочь ему. Недалеко от кормы находился вельбот с крейсера «Гайдамак». Он настолько был перегружен спасенными, что, казалось, при волне его перевернет и все погибнут. Вельбот прикрывался от волнения нашим миноносцем и тихонько подгребал к отводу. Около вельбота под его кормой на воде виднелся большой решетчатый люк и за него держались два человека: великий князь Кирилл Владимирович и мичман Николай Густавович Шлиппе.

Вельбот с трудом подошел к отводу, благодаря брошенному концу, буксируя в то же время люк. Прап. Тейцит, крепко держась ногами, с помощью своих сильных рук, помогал карабкаться на отвод, а затем команда хватала и переводила на палубу. Великий князь Кирилл Владимирович с помощью прап. Тейцита также был поднят.

Все спасенные благополучно были доставлены к нам, и вельбот «Гайдамака» снова отправился на поиски. Со многих судов прибыли гребные и паровые суда, но паровым катерам уже трудно было держаться на большой волне, а катер с броненосца «Полтава» был захлеснут волной и пошел ко дну, но люди были спасены на шлюпках. В группе спасенных вельботом «Гайдамака» оказались не только матросы, но и офицеры. Всех поместили в кают-компанию и по каютам. Великий князь Кирилл Владимирович был отведен в командирскую каюту, переодет в сухое белье и уложен на койку.

Я спустился в кают-компанию. Наш фельдшер оказывал медицинскую помощь. На диване сидел лейт. Шлиппе и стонал, рядом с ним два матроса, почти без сознания. На столе лежал мой товарищ по выпуску, мичман Бурачек, но уже бездыханный. На скамейках вокруг стола лежали два матроса, — безнадежные, как сказал мне фельдшер.

Я зашел в свою каюту, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится капитан I р. Яковлев. Я взял его за руку, т. к. глаза были закрыты, рука его показалась мне безжизненной. На правой стороне головы запеклась кровь, наверное от раны или ушиба. Я решил влить ему немного рому в рот. С трудом я сделал это, но т. к. миноносец сильно качало, то

несколько капель пролилось и попали на рану. Большой открыл глаза, немного поднял голову и сказал:

— Не надо! Всё погибло... — и снова закрыл глаза. Фельдшер сделал ему перевязку головы. В противоположной каюте я нашел двух моих товарищей по выпуску. Они были раздеты до гола (белья им уже не хватило) и согревались, обнимая друг друга. Я прикрыл их одеялом, ска-тертями, пальто и дал им шампанского.

Вскоре раздался новый взрыв, но не такой сильный, как на «Петропавловске». Началась стрельба. Я поднялся на палубу и увидел, что броненосец «Победа» имеет большой крен и около него облако от взрыва поднималось вверх.

На взорванном броненосце готовили к спуску шлюпки, стреляли в воду из мелких орудий; некоторые суда следовали этому примеру. Создавалось впечатление, что на рейде происходит атака наших судов подводной лодкой.

Мы вошли в гавань. Уменьшив ход и маневрируя, подошли к нашей стоянке и быстро ошвартовались. На набережную прибыл медицинский персонал с носилками и колясками и приступил к работе под руководством флагманского врача Бунге.

ГИБЕЛЬ ЯПОНСКИХ БРОНЕНОСЦЕВ «ХАТСУЗЕ» И «ИОШИМА»

1-го мая около 4 час. пополудни минный транспорт «Амур» под командой капитана 2 ранга Ф. Н. Иванова, поставил минное заграждение как раз на том месте, где большие неприятельские корабли каждый день утром и вечером встречались, блокируя Порт-Артур.

Незадолго до этого выхода Иванов сам ходил на Золотую Гору наблюдать это движение неприятельских судов. Он убедился, что курс неприятельских кораблей всегда одинаков, и, проложив его на карте, выяснил, что он находится перед Артуром в 11 милях.

Контр-адмирал Витгефт, руководствуясь международным правом, указал произвести эту постановку не дальше 8 миль.

Капитан 2 р. Иванов, находясь в море, решил взять на себя ответственность и, пользуясь туманом, поставил в 11 милях от Артура 50 мин поперек курса неприятельских судов. Неприятель в это время был вне тумана, т.е. за туманной полосой, и не заметил «Амура», возвращавшегося после постановки мин в Порт-Артур. Наблюдатели с Ляотешана ясно видели туманную полосу, разделявшую японские суда от «Амура», и опасались, что если туман рассеется, то неприятель поймет, для

чего выходил в море минный заградитель.

Когда Иванов, возвратясь с постановки лши, доложил о ней адмиралу Витгефту, последний остался очень недоволен. Кап. Иванов объяснил, что он не так понял отданное приказание и должен был руководствоваться в море своими соображениями относительно постановки мин, тем более, что еще находился в присутствии неприятеля.

На другой же день на Золотой Горе поднялся сигнал: «Японский броненосец «Иошима» взорвался».

Командиры нашего 1 отряда решили, не ожидая приказания, разводять пары. Воодушевление охватило всех, а также стремление выйти в море, чтобы атаковать взорванный неприятельский броненосец. Все восхищались действием кап. 2 р. Иванова, которое воспринималось возмездием за «Петропавловск».

Вскоре после этого сигнала флот был снова извещен, что второй японский броненосец «Хатсузе» взорвался и затонул немедленно. Громкое «ура» с чувством восторга и энтузиазма кричали все команды на судах.

Адмирал Витгефт сигналом поздравил командира «Амура» с полным успехом, и нам было приказано приготовиться к походу. После полудня мы вышли на внешний рейд и построились в кильватер.

Второй отряд миноносцев тоже в скором

времени вышел, но пошел отдельно от нас. Мы шли к взорванному броненосцу «Иошима», который был виден с рейда накренившимся довольно сильно, имея по сторонам два крейсера. Он уходил в море и ход его был небольшой, но на довольно большом расстоянии от места, где произошли взрывы и потопление «Хатсузе». Вскоре мы подошли к этому месту и увидели какой-то плавающий большой предмет, похожий на плот; передовой миноносец открыл огонь, но вскоре прекратил.

На горизонте показались другие неприятельские корабли и от них отделился крейсер, который быстро шел нам навстречу, чтобы преградить нам дальнейшее следование, и открыл огонь. Мы повернули на обратный курс последовательно. Снаряды этого крейсера, хотя и делали недолеты, но ложились недалеко.

Второй отряд миноносцев присоединился к нам и шел также в строе кильватера, но с левой стороны. На горизонте уже показалось несколько неприятельских кораблей. Таким образом попытка атаковать подорванный «Иошима» оказалась неудачной. Японский крейсер преследовал нас до тех пор, пока по нем не начали стрелять береговые батареи.

На другой день мы узнали, что подорванный броненосец «Иошима» не дошел до своей базы и вечером, в воскресенье, утонул. Таким образом, японцы потеряли два броненос-

ца благодаря сообразительности и принятия на себя ответственности «по-суворовски» капитана 2 р. Иванова.

Капитан 1 ранга А. А. Воробьев

МОРСКОЙ БОЙ 28 ИЮЛЯ

Ночь на 29-ое июля была тихая, жаркая, но не душная, благодаря слабому ветерку, тянувшему с севера. Закончив необходимые приготовления к выходу в море, все крепко спали, набираясь сил на завтрашний день.

«Итак, решено: завтра утром идем в море. Смертный бой. Благослови, Господи! — О себе, кажется, мало думают. Надо послужить».

Эти строки я занес в свой дневник, уже ложась спать, накануне выхода.

Был еще оттенок в настроении личного состава, о котором умолчать не могу, это — чувство удовлетворения, сознание глухого разлада, существовавшего между «начальством» с его намерениями, и массами с их желаниями и надеждами.

За последние три дня бомбардировки с суши не раз приходилось слышать почти злобные замечания:

— Небось теперь поймут, что артурские бассейны — могилы для эскадры!

— Могила еще ничего! — подавали репли-

ку наиболее озлобленные. — А вот, если кратковременная смерть, а затем радостное воскресение под японским флагом! — Вот это уж хуже!

Известие о предстоящем выходе в море вызвало не энтузиазм, а... вздох облегчения. Необходимость этого выхода была до такой степени очевидна, массы были так проникнуты этим сознанием, что упорство «начальства» порождало среди наиболее горячих голов самые ужасные подозрения... Иногда казалось, подобно тому, как рассказывали про первые моменты после внезапной атаки 26 января, что вот-вот по эскадре пронесется злоеущий крик: «Измена! Начальство нас продало!»

А что было бы дальше?..

Чуть забрезжил свет, начался выход эскадры. «Диана», стоявшая на сторожевом посту, пропустив всех мимо себя, тронулась последняя в 8 час. 30 мин. утра.

«Совсем тихо — и погода, и на позициях», — записано в моем дневнике.

На востоке, в утренней дымке, смутно виднелись «Сикисима», «Касуга», «Ниссин» и отряд старых крейсеров («Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате»), который начал спешно отходить.

В 8 час. 50 м. утра с «Цесаревича» сигнал — «Приготовиться к бою», — а в 9 час. новый: — «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток».

Этот сигнал был встречен у нас с нескрываемым одобрением.

— Давно бы так! Молодчина Витгефт! Нет отступления!..

Чтобы по мере возможности ввести неприятеля в заблуждение, тралящий караван, очищавший нам дорогу в течение предшествовавших дней, проложил ее по новому направлению, не имевшему ничего общего с нашим курсом 10 июня. Теперь прямо с рейда, мы пошли почти вдоль восточного берега Ляотишаня и вышли на чистую воду через собственные минные заграждения, окружавшие мыс с маяком.

В 10 ч. 30 м. отпустили тралящий караван, который пошел в Артур под охраной канонерок и второго отряда миноносцев. Командовавший ими младший флагман поднял сигнал, к сожалению, у меня не записанный. Сколько помнится — «Бог в помощь! Прощайте!».

Когда «Отважный» с этим сигналом проходил мимо нас, все высыпали наверх, махали фуражками... У каждого на сердце была та же мысль: «Прощайте!»... Разве не было бы дерзостью сказать: «До свиданья?»...

Шли в боевом порядке: впереди «Новик» с первым отрядом миноносцев, затем броненосцы с «Цесаревичем» в голове, наконец, крейсера, среди которых (увы!) не хватало «Баяна».

Только что отпустили тралящий караван,

как, по-видимому, что-то приключилось с машинами «Цесаревича», так как оттуда был сигнал: «Иметь 8 узлов хода». И это — при прорыве блокады!.. В виду неприятеля!..

Погода благоприятствовала. С востока и с северо-востока находил легкий, низовой туман. Артур вовсе скрылся из виду; ближний берег чуть обрисовывался во мгле.

В 11 ч. 5 м. «Диана», поворотом которой (в качестве концевой корабля) заканчивался поворот всей эскадры, легла на курс 50° , в кильватер головному.

Туман стлался вдоль берега, а в сторону открытого моря видимость была довольно сносная.

В 11 ч. 30 м. утра несколько правее нашего курса, очень далеко, обрисовались силуэты 1 броненосного и 3 легких крейсеров, а левее какие-то большие корабли, предшествоваемые отрядами миноносцев.

Наши, по-видимому, увеличили ход, так как мы, чтобы не отставать, должны были держать 10 узлов.

В 11 ч. 50 м. на «Цесаревиче» подняли флаг К, что означает — «Не могу управляться» — явно опять какое-то повреждение. Все застопорили машины. Ждали, когда исправят... Тем временем японские отряды спешили выполнить свой маневр соединения.

В 12 ч. дня (наконец-то!) сигнал: «Иметь

13 узлов»... Пошли, но ненадолго: в 12 ч. 20 м. «Победа», подняв флаг К, вышла из строя... Опять задержка... А неприятель уже соединился, построился, и в 12 ч. 22 м. раздались первые выстрелы с наших головных броненосцев, двигавшихся черепашьям ходом.

— Боевая эскадра! Цвет русского флота!.. — сжимая кулаки, задыхаясь от бешенства, не говорил, а рычал мой сосед на мостике «Дианы»...

И смел ли я остановить его? Сказать ему: «Молчите! Ваше дело — исполнить свой долг!..» А если бы он ответил мне: «Те, кто создали эту эскадру, исполнили свой долг?..»

Да, нет!.. Что говорить! — У меня и в мыслях не было его останавливать... У самого, к горлу подступали слезы бессильной ярости...

В 12 ч. 30 м. «Цесаревич», последнее время всё более и более склонявшийся к востоку, вдруг круто на 4 R повернул направо. Оказывается, неприятельские миноносцы, сновавшие туда и сюда, далеко впереди на курсе эскадры, возбудили его подозрение, и, как выяснилось, не напрасно. Не брезгая никаким, хотя бы самым малым шансом, они набрасывали нам по дороге плавающие мины заграждения (без якорей). Поворот «Цесаревича» избавил эскадру от опасности непосредственного прохождения через эту плавучую минную банку, но мы всё же прошли от нее довольно близко, почти вплотную. С «Новика», державшегося

на месте и пропускавшего мимо себя всю колонну, непрерывно семафорили: «Остерегайтесь плавающих мин!» Две такие прошли у нас по левому борту, невдалеке.

Обогнув минную банку, снова легли на старый курс. В 12 ч. 50 м. главные силы неприятеля («Миказа», «Сикисима», «Фудзи», «Асахи», «Кассуга» и «Ниссин»), которые около 20 минут держали курс параллельно нашему, ведя редкую перестрелку на дальней дистанции (до 50 каб.), повернули все вдруг и, сблизившись до 30 каб., разошлись с нами на контргалсах.

Это был горячий момент! Особенно, когда японская колонна круто повернула «под хвост» нашей и, недостижимая для пушек наших броненосцев, всю силу своего огня обрушила продольно на три концевых крейсера.

Я видел всё... Вокруг концевых крейсеров море словно кипело. Мы, конечно, бешено отстреливались. Беспрерывный гул выстрелов собственных орудий, лязг рвущихся снарядов неприятеля, столбы дыма, гигантские взметы водяных брызг... Какой беспорядок! Какой хаос! И вместе с тем, какая... дух захватывающая красота стихийной мощи! Даже крик — «носилки», даже кровь, струившаяся по палубе, — не в силах были нарушить этих чар, казались неизбежной подробностью... Как поразительно ясно работает мысль в такие ми-

нуты! Как всё и все понимают с полуслова, по одному намеку, по жесту!

На «Аскольде» только мелькнули флаги Б и Л (Б — большой ход, Л — держать левее), а крейсера тотчас же дали самый полный ход и веером рассыпались влево, сразу уйдя со своей невыгодной позиции под расстрелом и, получив возможность действовать почти всем бортом.

Хотел бы я видеть, сколько сложных сигналов потребовалось бы сделать в мирное время, на маневрах, для выполнения такого перестроения, сколько бы времени оно заняло, и какая каша получилась бы в результате.

Счастье благоприятствовало, или японцы плохо стреляли, но в общем нам повезло: «Диана», шедшая концевой, вовсе не получила ни одного снаряда полностью и, даже, хотя борт, шлюпки, разные надстройки, вентиляторы, трубы, мачты были испещрены мелкими пробоинами от осколков, — раненых у нас было только двое; правда, я видел, как на «Аскольде» добрый снаряд угодил в переднюю дымовую трубу, а на «Палладе» в гребной катер правого борта, но и там серьезных потерь и повреждений не было.

Повидимому, эта первая схватка закончилась в нашу пользу. Японцы, пройдя у нас «под хвостом», опять повернули к югу и шли правее и сзади нас, поддерживая редкий огонь

с дальней дистанции, на который могли отвечать только броненосцы.

В 1 ч. 30 м. у нас пробили «дробь» и команде разрешено было пить послеполуденный чай, не отходя от орудий.

На палубе стоял оживленный говор, смех, шутки, летали «крылатые слова». Но не без некоторого особого оттенка.

— Заснуть, что ли, пока не застучали? — острил молодой матрос, примостившись поудобнее и прикрываясь брезентом от палящих лучей солнца.

— А ты не болтай зря! «Она» всё слышит! — сурово оборвал его старший товарищ.

Около 3 час. дня легли курсом 62°. Крейсера держались левее броненосцев, на расстоянии от них в 15-20 кабельтовых, вне сферы действия случайных перелетов неприятельских снарядов. Шли средним ходом, а иногда, чтобы не обгонять главные силы, вынуждены были давать даже самый малый.

В начале четвертого часа пополудни стрельба прекратилась вовсе.

Главные силы японцев, держась позади нашего правого траверза, удалились на такую дистанцию, что над горизонтом были видны только их трубы, мостики и возвышенные надстройки. Что это значило? Может быть, они исправляли повреждения?.. Во всяком случае, мы, при 12-13 узлах, заметно уходили вперед.

Дорога была свободна. Если бы только наши броненосцы могли развить на деле ту скорость, которая значилась за ними по данным справочной книжки.

По сигналу с «Цесаревича» команде дали ужинать.

Наша колонна сблизилась с колонной броненосцев. Между тем японцы, оправившись и сделав свои дела (какие? — кто их знает) опять начали нагонять нас.

В 4 ч. 15 м. расстояние было 51 каб.

В 4 ч. 40 м. — 47 каб.

В 4 ч. 45 м. вновь завязался бой.

Так как крейсера оказались в области перелетов, им было приказано отойти от броненосцев на прежнюю дистанцию — 20 каб. Японские крейсера, не только старые, но и три «собачки» («Иосино» к этому времени уже не существовало) и два броненосца (как оказалось — «Асама» и «Якумо») тоже держались в стороне, словно ожидая исхода поединка главных сил.

Надо заметить, что японские снаряды при разрыве давали целые облака дыму — зеленовато-бурого или черного. Каждое их попадание было не только отчетливо видно, но в первый момент производило впечатление какой-то катастрофы. Наоборот — только в бинокль, да и то с большим трудом, можно было различить легкое прозрачное облачко,

которым сопровождался разрыв нашего, удачно попавшего, снаряда, снаряженного пироксилином или бездымным порохом.

Это обстоятельство особенно удручающе действовало на команду, мало знакомую с техникой артиллерийского дела.

— Наших-то как жарят!.. А им хочь бы што! Словно заговоренные! Отступилась Царица Небесная!.. — то тут, то там слышались скорбные замечания.

Все бинокли, все подзорные трубы были пущены в оборот: всем наблюдателям было приказано о всяком замеченном попадании наших снарядов в японские корабли сообщать громко во всеуслышание.

— Нечего на своих-то глаза тадычить. Без потерь нельзя! На то и война! Ты на «него» смотри! «Ему» тоже круто приходится! Чья возьмет — воля Божия! — говорил я, обходя батареи.

Однако, настроение становилось всё более и более мрачным. Не скажу, чтобы оно грозило паникой. Нет, до этого было далеко. Люди были хорошо обстреляны, полны решимости драться до последнего. Чувствовалось только, что все они поглощены тревожной думой: «Выдержат ли наши?» — Сомнение... А в бою сомнение — это уже нехорошо.

Между тем, непрерывно наблюдая за боем в бинокль Цейса, оценивая достоинство

стрельбы по перелетам и недолетам, я не мог не признать, что наши комендоры действовали во всяком случае не хуже японских. Мне казалось даже, что наша стрельба выдержаннее и строже корректируется, а при таких условиях, особенно принимая во внимание возможность возобновления боя на завтра, — на нашей стороне было преимущество в сохранении боевых припасов. Мне казалось, что иногда японцы слишком горячатся, что они просто «зря бросают снаряды».

По мере развития боя, сопровождавшегося уменьшением дистанции, конечно, не могло не сказаться одно весьма важное преимущество неприятеля — полное наличие его средней и мелкой артиллерии, тогда как у нас добрая треть 6-дюймовок, 75-миллиметровок и вся мелочь остались на сухопутном фронте Порт-Артура.

И, конечно, — этого нельзя отрицать, — счастье, удача — были на их стороне. Наибольшую силу своего огня они, разумеется, сосредоточили на флагманских броненосцах. Не мало снарядов угодило в трубы «Цесаревича».

В 5 ч. 5 м. у «Пересвета» была сбита грот-стеняга почти на половине высоты, а в 5 ч. 8 м. у него же сбита верхушка фор-стеняги. Повреждение ничтожное, но всем видимое. Снаряд, сбивший верхушку стеняги, это был, конечно, чудовищный перелет, совсем плохой

выстрел. Плохой, но счастливый.

Около того же времени на «Полтаве» перебило найтовы стоймя поставленной между трубами стрелы для подъема шлюпок, и она с грохотом рухнула на левый борт. Тоже пустяки. Даже повреждением назвать нельзя, так как при подъеме шлюпок стрела нарочно ставится в такое положение. А со стороны — впечатление громадное.

В 5 ч. 50 м. вечера «Цесаревич» неожиданно круто бросился влево и так накренился, что по крейсеру пронесся крик, напомнивший мне момент гибели «Петропавловска». Казалось, он переворачивается...

По счастью, это только казалось. На несколько мгновений я, да, кажется, и все окружающие, забыли о себе и о «Диане». Вся жизнь, все силы души перешли в зрение, были прикованы к наблюдению за тем, что происходило в среде броненосного отряда.

«Ретвизан», первоначально следовавший за «Цесаревичем, тотчас же увидел, что это случайный выход из строя из-за повреждения, и повернул обратно не только на старый курс, но даже на сближение с японцами. Казалось, он хочет таранить неприятеля.

«Победа» осталась на прежнем курсе. «Цесаревич», описывая крутую циркуляцию влево, прорезал строй между «Пересветом» и «Севастополем», словно разделяя последнее

намерение «Ретвизана» и собираясь таранить «Севастополь», избегая столкновения с ним, также повернул к югу. К югу же повернул и «Пересвет», видимо еще не решивший, как действует флагманский корабль — сознательно, или лишившись способности управляться? «Полтава» шла старым курсом.

Одно время казалось, что готовится решительный удар. В моей книжке записано: «6 ч. 5 м. Наши броненосцы строем фронта идут на неприятеля»... но зачеркнуто и дальше: «Нет. — Кажется, ложатся старым курсом и строем. Порядок — «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Цесаревич», «Полтава»... тоже зачеркнуто и поперек написано: «Ошибка. Никакого строя. В беспорядке».

Затем броненосцы начали разновремененно и беспорядочно ворочать на обратный курс. У меня записано:

Разобрали сигнал «Цесаревича» — «Адмирал передает начальство». Никаких других сигналов мы не видели, совершенно терялись в догадках о том, что предполагается предпринять, а главное — кто принял начальство.

Несомненным являлось только то, что адмирал В. К. Витгефт и его непосредственный заместитель в бою — начальник штаба контр-адмирал Матусевич — оба выведены из строя но жив ли следующий по старшинству, контр-адмирал кн. Ухтомский? Правда, на «Пересве-

те» стены были сбиты, но разве нельзя было поднять адмиральский флаг на их обломках, на марсах, на трубе, вообще на каком-нибудь приметном месте? Если нет флага — вероятно, нет и флагмана. А тогда командующим эскадрой оказывается начальник отряда крейсеров, контр-адмирал Рейценштейн, тогда броненосцы идут либо без всякого начальства, либо их ведет временно, до соединения с крейсерами, старший из командиров.

Прошу читателей извинить несвязность моего изложения. Я хочу держаться возможно ближе к тексту тех отрывочных заметок, которые я заносил в записную книжку в самый момент совершавшихся событий. Эти заметки кажутся мне особенно ценными тем, что они — не воспоминания, а как бы моментальные снимки действительности.

Когда «Цесаревич» неожиданно бросился влево, «Аскольд» (флагманский крейсер) тоже круто повернул к северу, но, как только выяснилось, что это не маневр, а выход из строя, как только стало очевидным, что броненосный отряд пришел в расстройство, которым может воспользоваться неприятель, — контр-адмирал Рейценштейн решительно повел свои крейсера на соединение с броненосцами. Мы все сразу поняли его мысль: принять непосредственное участие в бою, хотя бы и слабыми, но свежими силами поддержать

броненосцы, дать им время оправиться. Они шли куда-то на юг, нестройной кучей обгоняя друг друга, отстреливаясь так беспорядочно, что иные снаряды ложились близ нас, спешивших к ним на выручку.

А под кормой у них проходили главные силы неприятеля — кильватерная колонна из шести броненосных кораблей, на тесных ровных интервалах, словно не в бою, а на маневрах.

«Так ли? Не обманывает ли расстояние? Может быть, они потерпели не меньше наших? Может быть, двух-трех удачных выстрелов с нашей стороны было бы достаточно, чтобы их привести в расстройство и заставить покинуть поле сражения? Почему они уходят? Почему не пробуют добить, разгромить отступающего врага? Не могут? Не смеют?» Эти отрывочные мысли назойливо лезли в голову, но я гнал их... упорно гнал. Какой-то туман стоял перед глазами, и сердце было полно одним желанием — скорее подойти, скорее открыть огонь, чтобы грохотом собственных орудий заглушить это ужасное сознание, в горячке боя забыть это страшное слово — разбиты, отступаем.

Тяжело вспоминать, — но надо говорить по порядку. Ведь тогда я же записывал всё с указанием часов и минут...

Около 7 час. вечера мы примкнули справа к броненосному отряду, который как буд-

то пытался выстроиться в линию кильватера. Главным шел «Ретвизан». Опять тот же вопрос: «Кто ведет? Кто командует эскадрой. На «Аскольде» был поднят сигнал: «Быть в строе кильватера» — без позывных. К кому относился этот сигнал? — к нам ли только (крейсерам), или же, нигде не видя флага, наш флагман вступал в командование всей эскадрой и делал сигнал общий?

Судя по тому, что «Аскольд», не ожидая, пока примкнут к нему два другие крейсера, дал полный ход и обгонял эскадру, как бы желая выйти под нос «Ретвизану» и стать головным — скорее можно было предположить последнее. Вероятно, так же думал и командир «Паллады», которая не только не увеличила хода, чтобы следовать за «Аскольдом», но даже уменьшила его с явным намерением пропустить эскадру мимо себя и вступить на свое место по диспозиции — в кильватер концевому броненосцу. Наше место в строе было — в кильватер «Палладе». С нетерпением ждали дальнейших распоряжений.

Выйдя под нос «Ретвизану», «Аскольд» опять без позывных, сделал сигнал — «Следовать за мной» — и начал круто ворочать влево. Мы поняли этот сигнал и этот маневр, как намерение повернуть эскадру в море, снова повести ее на неприятеля, видимо уже не искавшего боя.

На мостике «Дианы» слышались радостные восклицания, приветствовавшие смелое решение, но радость была непродолжительна, и тотчас же сменилась недоумением и тревогой. «Ретвизан» продолжал идти прежним курсом; броненосцы не последовали за «Аскольдом», а сам он, работая полным ходом, с тем же сигналом на мачте, словно летучий голландец, пронесся мимо, расходясь с эскадрой на контр-галсах и направляясь к югу.

— Значит, не он командует эскадрой! — воскликнул командир. — Но мы-то должны идти за ним!

Обогнать броненосцы и повернуть у них под носом, как это сделал «Аскольд», нам с нашей скоростью, было бы слишком долго, а потому командир, ни минуты не колеблясь, решил прорезать их нестройную толпу. Несмотря на тяжесть переживаемого момента, я не мог не любоваться спокойствием и уверенностью, с которыми он выполнил этот рискованный маневр. Однако, первый момент недоумения, когда броненосцы не пошли за «Аскольдом», затем прорезывание строя, — всё это заняло время, добрых 10-15 минут, и, выйдя на чистую воду, мы увидели нашего флагмана далеко на юге, скрывающегося за горизонтом в перестрелке с неприятельскими крейсерами...

Командир сохранял по внешности полную

невозмутимость и только нервно пощипывал бородку.

— Ну, как я буду «следовать за ним» с нашими 17 узлами! — проговорил он сквозь зубы и, вдруг, махнув рукой, резко скомандовал: — Право руля!

«Диана» круто повернула влево и вступила в кильватер «Палладе», которая даже и не попыталась следовать за «Аскольдом».

В 7 ч. 20 м. мы были атакованы с севера отрядом — «Чиен-Иен», «Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате»; с востока подошли отделившиеся от главных сил «Касуга» и «Ниссин», а с юга насели «собачки». Добить нас им не удалось, и после короткого жаркого боя в дистанции не свыше 20 кабельтовых, неприятель поспешно ретировался. В этой схватке «Диане» не посчастливилось.

Я стоял на моем обсервационном пункте, на верхнем мостике, когда увидел поднявшийся на правом шкафуте гигантский столб черного дыма и тотчас же поспешил к месту происшествия. Оказалось, что снаряд угодил в стрелу Темперлея, лежавшую на дымовом кожухе, разбил ее, изрешетил осколками ближайшие вентиляторы, дымовую трубу, самый кожух, палубу, перебил отросток трубы пожарной помпы и вывел из строя 17 человек — 5 убитых на месте.

Не могу при этом случае не похвастать

постановкой службы на крейсере. Несмотря на всю поспешность, с которой я спускался с верхнего мостика и бежал по палубе, к моменту моего прибытия всё уже было сделано. Я увидел только последние, скрывающиеся в офицерский люк, носилки; убитые из числа оружейной прислуги уже были заменены людьми с левого (не стрелявшего) борта; пушки, счастливо не получившие никаких повреждений, поддерживали энергичный огонь, а мичман III, за смертью Кондратьева вступивший в командование средней батареей, сердито размахивал грязной щеткой для подметания палубы и этим грозным оружием гнал на левый борт под прикрытие от осколков добровольцев, стремившихся заменить убитых и раненых, чтобы принять личное участие в бою.

— Лишние прочь! — скомандовал я, бросаясь к нему на помощь. И перед окриком «старшего» наши молодцы, только что добивавшиеся права стать со смертью лицом к лицу, поспешно и послушно разошлись по своим местам. Мне ничего не пришлось ни указывать, ни приказывать, а только оставалось одобрить то, что уже было сделано, после чего я пошел в боевую рубку доложить командиру о результатах попадания, но едва ступил на нижний мостик, где помещалась броневая рубка, как из нее до меня долетели отдельные слова доклада — «...подводная... под лазаре-

том»... и резкий голос командира: — «Доложите старшему офицеру! Скорей!».

— Есть! Слышу! — крикнул я что было мочи в просвет между броней и крышей рубки и, почти скатившись с трапа, побежал на ют.

— Палубный дивизион, за мной!

— Здесь! Здесь! Все — тут! — отозвался старший боцман.

Чтобы не утруждать читателей передачей различных догадок и предположений, которые во время боя и тотчас после него высказывались по поводу характера и размеров подводной пробоины, полученной «Дианой», — позволю себе забежать вперед и вкратце изложить то, что выяснилось после ввода крейсера в док для исправления.

10-дюймовый снаряд попал в подводную часть крейсера с правой стороны под очень острым углом в направлении от носа к корме и сверху вниз, как раз в пространстве между скатом броневой палубы и обыкновенной железной палубой, служившей полом аптеки, лазарета и судовой канцелярии. Снаряд как бы разорвал борт продольной щелью, длина которой была около 18 фут, а наибольшая высота достигла 6 фут. Благодаря тому, что удар пришелся продольно, вся сила его израсходовалась на разрушение борта. Броневая палуба дала только небольшую течь, а главное — не была разрушена легкая железная

палуба, находившаяся выше броневой. Эта палуба спасла крейсер, воспрепятствовав воде немедленно хлынуть во внутренние его помещения. Правда, палуба не могла бы долгое время сопротивляться напору извне; ее тотчас же начало выпучивать, рвать по швам... Но это был выигрыш драгоценных минут, в течение которых мы успели ее подкрепить, зажать подпорами, словом — локализовать вторжение в недра корабля самого грозного его врага — забортной воды.

Первое, что я увидел, сбежав вниз, это — раненых и больных, которых доктор, фельдшеры и санитары выносили и выводили из угрожаемых помещений. Опасность была слишком очевидна. Метлахские плитки, которыми была выстлана палуба в лазарете и в аптеке, с треском отскакивали со своих мест, а из-под них с шипом и свистом вырывались струйки воды. Каждое мгновение швы могли окончательно разойтись и палуба вскрыться. Трюмный старшина, заведывавший кормовым отсеком, и его подручные тотчас вслед за ударом снаряда начали ставить подпоры. Им помогали некоторые из числа раненых. С прибытием дивизиона работа закипела.

Надо ли говорить о том, как работали? С каким искусством, с какой силой сыпались удары тяжелых молотов на клинья, которыми крепились подпоры? Ведь эти клинья, зажи-

мавшие расходившиеся швы палубы, удерживали само море, мощному напору которого не могли противостоять надорванные железные заклепки. Двери в непроницаемых переборках были задраены; выхода наверх не было; победи море — мы были бы первыми его жертвами. Сильно мешала правая кормовая 6-дюймовка, находившаяся прямо над нами. От ее выстрелов палубы так сильно вибрировали, что клинья сдвигались со своих мест, часто самые подпоры грозили рухнуть, и их приходилось поддерживать с боков раскосинами. А чуть где ослабевало крепление — тотчас же появлялась вода. «Хоть бы подбили эту проклятую пушку!» — мелькнуло в голове преступное желание... И вдруг она замолкла. Дело пошло быстрее. Мы одолели.

— Теперь уж не пустим! — торжествующе воскликнул трюмный старшина, топая ногой по палубе.

— Наша взяла! — подтвердил боцман.

— Ну, вы не сглазьте! — остановил я их ликование. — Еще накликаете, чего доброго!

Сколько времени мы работали? Под первым впечатлением мне показалось, что несколько секунд, но, оглянувшись на выполненную работу, припомнив различные ее эпизоды, я впал в другую крайность и решил, что прошло не менее получаса, а то и больше. Посмотрел на часы, — они подмокли и остановились.

Лазарет, ванна, аптека, судовая канцелярия представляли собой какую-то фантастическую колоннаду. Под ногами была железная палуба, плитки, ее покрывавшие, частью сами отскочившие, частью сорванные при работе по обнажению швов, лежали беспорядочными кучами. Вода стояла по щиколотку, но прибиль ее успешно откачивали такими примитивными средствами, как ведра и брандсбойты. Она только просачивалась через швы покоробленных листов, да через заклепки, частью надорванные, частью вовсе вылетевшие из гнезд. Такие дыры, если они были одиночны, просто заколачивали деревянными пробками, там же, где их был целый ряд, — клали подушку или матрас, сверху доску, а затем ставили подпору и зажимали, подгоняя клинья. Это уже были мелочи: не борьба с пробоиной, а прекращение течи. Поручив эту работу трюмному механику, приказав ему же затопить соответственные кофердамы левого борта для уничтожения крена, оглядев соседние отделения и опросив — всё ли благополучно? — я пошел наверх с докладом к командиру.

Выйдя на палубу, я случайно оказался как раз у правой кормовой 6-дюймовки и сразу понял, почему она так своевременно перестала стрелять: ее разряжали с дула, пытаясь вытолкнуть обратно снаряд, в горячке боя особенно энергично посланный на

место и крепко севший в нарезы.

— Что такое?

— Некалиброванный попался, ваше высокоблагородие! — почти со слезами выкрикнул комендор.

«Нет худа без добра, — думал я, отходя прочь. — Не случись этой дряни, вряд ли бы мы внизу справились». Мой доклад командиру, которого я нашел в боевой рубке, весь полный технических терминов и определений, был бы не только не интересен, но и непонятен большинству читателей, а потому я его опускаю.

Здесь я справился о времени. Было 7 ч. 40 м. вечера. Вышел на крыло мостика и огляделся. Шли нестройно. Не то — кильватер, не то — две колонны. Головным «Ретвизан», мы — концевыми, а впереди нас — «Паллада». Головной броненосец и еще кто-то, шедший за ним провожали редким огнем неприятельские крейсера, поспешно уходившие на северо-восток.

Я вынул памятную книжку и при свете зари начал записывать.

— Окончательно! теперь уж — окончательно! — раздался неподалеку голос, звеневший негодованием. Я обернулся. На мостике стояла группа офицеров.

— Что такое? Что — «окончательно»? — спросил я.

— Окончательно возвращаемся в Порт-Артур! Шествуем на погребение эскадры!

— Тише! Команда слушает! — проговорил я вполголоса и затем громко: — Что за вздор. Пополним запасы, исправим повреждения и снова пойдём в море. Разве не видите, как нерешительно действует неприятель? Им попало наверно не меньше нашего. Нам до Артура — 100 миль, а им до Сасебе — 500 с лишним.

— Полноте! Полноте! — заговорили все вокруг, перебивая один другого. — Если повреждения незначительны — нечего возвращаться, а если значительны, то где же их исправить в Артуре, да ещё при бомбардировках с суши, когда что ни день, то новые повреждения? Да и дойдут ли ещё? — Миноносцы так и лезут! — Что миноносцы! — ведь идут напрямик и через наши и через японские минные банки. Не каждый раз Бог пронесет, как 10 июня. Всё на Николу Угодника! Запасы? — да нам их не только не дадут, а ещё и наши остатки отберут для крепости. — Нас-то уж ни в каком случае чинить не станут. Просто перепишут всех в морскую пехоту. Пушки снимут на батареи, а самый крейсер... Крейсер — в виде бесплатной премии японцам при сдаче крепости. Ещё поплавает под японским флагом.

— Ха-ха-ха-ха!

Смеялись нервно, говорили громко и резко, с явным намерением, чтобы слышал командир...

Он вышел из боевой рубки на крыло мостика. Вид, как всегда, невозмутимый, почти

беспечный. Всё стихло. Кругом воцарилось напряженное безмолвие.

— Покойный адмирал, — заговорил он, словно читая по книге, — показал сигналом, что государь император приказал идти во Владивосток, а наш флагман ушел на юг с сигналом «следовать за мной». Как только стемнеет, мы отделимся от эскадры и пойдем во Владивосток, если сможем это сделать. Надо — маршрут, и надо спросить механиков, хватит ли угля.

Никто не посмел громко высказать свое одобрение, но оно чувствовалось.

Маршрут был сейчас же намечен: обогнуть Кельпарт с юга; располагать скоростью так, чтобы к восточной его оконечности подойти к закату солнца; тут дать самый полный ход и за ночь кратчайшим путем проскочить Корейский пролив; если удастся — к рассвету будем в Японском море, вне вида берегов, как Кореи, так и Цусимы; дальше идти во Владивосток, как Бог даст.

Старший механик удостоверил, что на 12 часов самого полного хода и на остальной путь экономическим (10 узлов) ходом у него угля хватит, даже с запасом, на всякий случай.

Капитан 1 ранга В. Семенов

СДАЧА ПОРТ-АРТУРА

На правом фланге крепости, где я командовал батареей, 19 декабря было полное затишье. Бои шли в центре у Орлиного гнезда. Воспользовавшись спокойствием, я отправился по делам в штаб генерала Стесселя. Войдя в обширную комнату, переполненную писарями и телефонистами и массой телефонных аппаратов, я увидел генерала Фока, переходящего от одного телефона к другому и передающего распоряжение генерала Стесселя о прекращении огня и о выезде парламентаря прапорщика Малченко на позицию с предложением сдачи крепости. Я был, конечно, поражен этим известием, тем более, что до прихода в штаб, я слышал среди офицеров, стоявших около Штаба, разговоры, что два дня тому назад был у Стесселя военный совет, на котором решили: в случае вступления неприятеля в крепость, отойти к Ляотешаню и продолжать борьбу с этой горы, быстро укрепив ее.

Когда генерал Фок обошел все телефоны, я подошел к нему и выразил мое удивление по поводу столь неожиданного распоряжения, на что он мне сказал, что другого выхода нет, потому что переход ряда укреплений к японцам за несколько последних часов показывает, что войска настолько переутомлены, что к

сопротивлению более не способны. К этому он добавил: «А вы знаете, что сделали японцы с китайцами, когда они вторглись в тот же Артур во время японо-китайской войны?..»

Нам всем было хорошо известно, что японцы, вторгшись в Артур, перерезали всех китайцев до последнего, мы к этому были приготовлены и никто из нас за всю осаду не рассчитывал остаться в живых.

Когда я вышел из Штаба и, проходя через собравшихся перед Штабом офицеров, рассказал мой разговор с генералом, все, я полагаю, переживали то же самое — радость воскресенья! Вспомнились в мгновение все близкие, родные, о которых мы, расставшись с надеждой выжить, месяцами уже не вспоминали. Но это продолжалось минуты, а потом явилось горькое чувство досады и стыда. Казалось — лучше смерть, чем позор сдачи.

Установившаяся тишина как-то особенно отражалась на нервах. Мы настолько привыкли к постоянному гулу орудий, что от наступившей тишины становилось жутко.

В 9 часов вечера начались непрерывные взрывы. Особенно сильны они были в порту. Это мы взрывали наши оставшиеся полузатопленные корабли и портовые сооружения. На фортах и укреплениях взрывали орудия. В 7 часов утра взрывы прекратились.

В эту же ночь миноносец «Статный» под

командой барона Коссинского, нагруженный полковыми знаменами и другими святынями полков, вышел в Чифу и, удачно прорвавшись, сдал с рассветом 20 декабря свой ценный груз нашему консулу.

Утром начались переговоры об условиях сдачи. Первое, что потребовали японцы: прекратить всякие взрывы и убой лошадей на мясо, а для питания гарнизона крепости были пригнаны волы. Условия сдачи были почетные: офицерам оставлялось оружие и предлагалось им, под честное слово, больше не воевать, возвратиться на Родину, а желающим разделить участь команды разрешалось идти в плен.

Японские войска в крепость не входили, лишь на третий день стали появляться в Порт-Артуре японские офицеры. Помню, я завтракал в этот день в Морском собрании. Во время завтрака вошла в столовую группа японских офицеров из семи человек. Они начали обходить стол и здороваться с каждым из нас, а мы, молча подав руку, оставляли наш завтрак и выходили из собрания...

Отправка пленных началась 21 декабря. Шла она весьма медленно. Нас собрали за город и отправляли пешими эшелонами. Только первый день нас оставили без питания. Японцы объяснили это тем, что на сборный пункт явилось больше пленных, чем было показано во время переговоров. Со второго дня

выдавались каждому консервы и даже по полбутылки виски, последнее на третий день они прекратили выдавать.

Я шел с последним эшелонем и пока видна была Золотая гора в Артуре, на ней развевался Андреевский флаг. Японцы показали себя очень тактичными и заменили его своим флагом только тогда, когда последний эшелон скрылся из виду. Это был со стороны неприятеля рыцарский поступок, также как и вхождение их войск лишь после выхода последнего эшелона пленных.

До одной из станций железной дороги между Порт-Артуром и Дальним нас вели восемь дней. Проходили в день две, три версты. Затем ставили палатки, разводили в середине палатки костер, дым которого выходил из большого отверстия в крыше, и мы, согреваясь около костра, проводили время в палатках до следующего утра. На станции меня поразила выносливость японцев. За недостатком помещений весь дебаркадер был занят больными и ранеными, которые лежали один возле другого прямо под открытым небом! И это в мороз 15°!

В тот же вечер нас погрузили в товарные вагоны и привезли в Дальний, где поместили в недостроенной гимназии. Спали мы на полу, даже без соломы. Помещения были настолько набиты офицерами, что ложиться мы должны были все одновременно, иначе из-за тесноты

нельзя было бы добраться до своего места. Через несколько дней нас на пароходах отправили в Японию и наши мытарства окончились.

Капитан 1 ранга Б.И.Бок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАМЯТНИК ЗАЩИТНИКАМ КРЕПОСТИ ПОРТ-АРТУРА И РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ

Японцы соорудили братскую могилу русским героям-защитникам крепости Порт-Артур.

Работы, начатые в августе 1907 г., двигались с поразительной быстротой, и уже 10 июня 1908 года состоялось открытие великолепного памятника, имеющего вид храма. Генерал Ноги, специально командированный микадо, передал братскую могилу прибывшим в Порт-Артур генералам Гернгроссу и Чичагову и адмиралу Матусевичу. Над сооружением братской могилы поработали, главным образом, генерал-губернатор Квантуна Ошима и комендант крепости Порт-Артура Саишо.

По знаку губернатора, черная драпировка, которой был покрыт памятник, медленно упала и присутствующие прочли на памятнике следующие слова:

**ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ
РУССКИХ ГЕРОЕВ,
ПАВШИХ,
ЗАЩИЩАЯ ПОРТ-АРТУР**

На правой стороне памятника высечено:

**ВОЗДВИГНУТ
ЯПОНСКИМ НАРОДОМ В 1907 ГОДУ**

На левой стороне помещена китайская эпитафия, составленная генералом Ошима. Религиозная церемония была совершена русским епископом в Пекине, преосвященным Иннокентием.

По окончании духовной церемонии, подвое, генералы Ошима и Чичагов, а за ними и другие, поднимались по ступеням памятника и преклонялись до земли, отдавая последний долг покойным.

Войска и моряки под звуки труб дефилировали перед памятником.

Знамя 39-го полка, пронизанное русскими пулями и покрытое кровью в двух битвах под Ляояном, где оно едва не попало в руки русских, склонилось перед могилой, в которой успокоились останки героев...

Момент был захватывающий и слезы неволью текли по лицам.

Потом войска были собраны, и генерал

Гернграсс подошел к ним и провозгласил «ура» в честь микадо и его превосходных войск. Генерал Ноги, в свою очередь, провозгласил японское «банзай» в честь императора России и храбрых русских войск. Раздались крики «ура» одновременно с криками «банзай».

От Государя и Государыни на памятник были возложены два серебряных венка.

Русское кладбище находится к востоку от форта № 4 (Сеоансизань) у подножия Саперной Горы. Нельзя не отметить, что японцы высоко оценили доблесть, проявленную русскими войсками под Порт-Артуром.

Каждый японец, объезжающий исторические достопримечательные места Порт-Артура, после того, как поклонится душам павших японских воинов, посещает русское кладбище, чтобы почтить память павших русских воинов.

Кладбище расположено на правом берегу реки Лунхе, верстах в четырех к северу от вокзала, рядом с японским кладбищем.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРТ-АРТУРСКАЯ ЛОВУШКА	3
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	327
ПРИЛОЖЕНИЕ	507

Бывалые моряки уверяют, что корабли — это живые существа, наделенные душой и индивидуальными чертами характера. Созданные руками человека, имея на своем борту сотни, а иногда и тысячи людей, боевые гиганты жили, подчиняясь каким-то мистическим законам собственной судьбы. В книгу включены и **впервые публикуемые в России** воспоминания оказавшихся в ловушке участников обороны Порт-Артура

ISBN 5-7844-0058-1

25861

Порт-Артурская ловушка. Бунен

20

9 14.12.99